

Ольга Тартынская

ТАКОЕ КИНО

Современный женский роман

Ольга Тартынская

Такое кино

Когда на съемочной площадке гаснет свет и камера больше не фиксирует замысел режиссера, актеры возвращаются в реальную жизнь. В этой жизни зачастую происходят весьма драматические события и разворачиваются настоящие непридуманные драмы.

Может, актеры просто играют в жизнь? Может быть, но жизнь этого не любит...

Содержание

Середина 90-х.....	0006
ЧАСТЬ 1 ЮБИЛЕЙ	0007
Глава 1 Тревожные звонки.....	0007
Глава 2 Два незнакомца.....	0011
Глава 3 Они еще посмотрят!.....	0015
Глава 4 Приключения на площадке.....	0019
Глава 5 Ужин с «вампиром».....	0023
Глава 6 Дамы приглашают кавалеров.....	0028
Глава 7 Гость из прошлого.....	0032
Глава 8 На поле боя.....	0036
Глава 9 Как быть красивой.....	0039
Глава 10 Неожиданный поворот.....	0042
Глава 11 Чудеса продолжаются.....	0045
Глава 12 Ночь признаний.....	0049
ЧАСТЬ 2 БЕСПРИЮТНЫЕ СЕРДЦА	0052
Глава 13 Искусство и ремесло.....	0052
Глава 14 Эхо той ночи.....	0055
Глава 15 Так не бывает!.....	0058
Глава 16 Почему?.....	0062
Глава 17 Французское кино.....	0066
Глава 18 В павильоне.....	0069
Глава 19 За что?.....	0073
Глава 20 Женщины в новогоднюю ночь.....	0077
Глава 21 Италия.....	0081
Глава 22 Ночной визит.....	0086
Глава 23 Концерт.....	0092
Глава 24 Сюрприз.....	0094
Глава 25 Слава и ничтожество.....	0099
Глава 26 Ответные меры.....	0101
ЧАСТЬ 3 ПЯТЬ ПУДОВ ЛЮБВИ	0105
Глава 27 В космических высях.....	0105
Глава 28 Ссора.....	0107
Глава 29 Премьера.....	0111
Глава 30 Трудный разговор.....	0115
Глава 31 Все непонятно.....	0119
Глава 32 Откровения.....	0121
Глава 33 За коктейлем.....	0123
Глава 34 Город ночью и днем.....	0128
Глава 35 И так бывает.....	0132
Глава 36 Предложение, от которого трудно отказаться.....	0137
Глава 37 Граф Монте-Кристо.....	0140
Глава 38 Признание.....	0145
ЧАСТЬ 4 НАКАНУНЕ РОЖДЕСТВА	0149
Глава 39 Еще один граф.....	0149
Глава 40 Портрет.....	0154
Глава 41 Ночная тревога.....	0158
Глава 42 Прощание.....	0161
Глава 43 Железный Феликс.....	0164
Глава 44 Вылазка в город.....	0166
Глава 45 Все не просто.....	0171
Глава 46 На грани.....	0174

Глава 47 С НОВЫМ ГОДОМ!.....	0177
#6.....	0181
#7.....	0182

Ольга Тартынская
ТАКОЕ КИНО

Моим девочкам

Середина 90-х

Это случилось внезапно. Впрочем, такие вещи всегда поражают внезапностью. Он пришел какой-то другой. Прошел в комнату, растерянно огляделся и сел на диван, потирая лицо руками. Она высунулась из кухни, весело приказала:

— Быстро мыть руки и за стол! Мы заждались тебя! — и снова метнулась на кухню.

Он стиснул голову ладонями и застонал. Не дождавшись его, Женя снова заглянула в комнату.

— Витька, ну стынет же все, надо совесть иметь!

Она замерла на пороге, обожженная его взглядом, кричащим от боли.

— Что случилось? — Сердце ее упало. В глазах Туринского стояли слезы.

— Ты только помни, что я любил тебя и Аньку. Очень. — Он будто всхлипнул, но тотчас встряхнулся, вскочил с дивана и стал лихорадочно собирать бумаги и документы у себя на столе.

— Ты в опасности? Тебе что-то угрожает? — спрашивала Женя, но он не отвечал, только мотал головой: нет.

— Тогда что?

Туринский молчал. Он рылся в ящиках стола и на книжных полках, торопливо пихал в сумку какие-то бумаги, книги. Когда он схватил кофр с камерой и направился к двери, Женя испугалась окончательно. Она шла за ним следом, ничего не понимая.

— Вить, а ты куда? — удивилась Анька, выглянувшая из своей комнаты.

Он не ответил девочке, только на миг задержался на пороге и обвел их прощальным взглядом. Лицо его дергалось, а на губах застыло страдальческое выражение. Женя, холодея от предчувствия, жалобно спросила:

— Вить, а ты когда вернешься?

— Я не вернусь, — ответил он и хлопнул дверью.

Они остались стоять, по инерции глядя на дверь, обитую коричневым дерматином. Одни-одинешеньки во тьме чужого города. Без него. Без него...

ЧАСТЬ 1 ЮБИЛЕЙ

Глава 1

Тревожные звонки

— **И** что ты ему сказала?

— Да что? Не хочешь, говорю, не надо! Не очень-то и хотелось!

— А сама ревешь?

— И ничего не реву! Сто лет не виделась, и еще столько бы не видела. Подумаешь, режиссер мирового масштаба! Тарковского из себя строит, а сам пустышка, ноль! Все его Пальмовые ветви и Золотые львы — дутая величина!

— Да ты так не переживай, Жень! Ну не придет, занят, на нем свет клином не сошелся. Ты лучше скажи, Сашка из Киева приедет?

— Вроде обещал. Ладно, Свет, у меня еще куча дел. Господи, и зачем я все это затеяла?

— Надо, Жень, так принято. Ничего, справишься. Всего неделя осталась — и все позади.

— Ну да, вся жизнь позади. Пока, Свет.

Она положила трубку и все же разревелась.

Не ожидала от себя Женя Мордвинова, что так болезненно встретит эту дату. Столько лет забывала о возрасте, жила себе и жила, вполне все устраивало, и тут на тебе. Да об этом нужно исследования писать всяким там психологам или психоаналитикам! Звонить во все колокола, предупреждать беспечных дамочек!.. Впрочем, может, и пишут, она ведь все равно не читает.

Конечно, есть о чем горевать. Женя всегда чего-то ждала от жизни. Чуда ли, сюрпризов или подарков судьбы? Но большая часть ее жизни прошла в этом странном ожидании. А теперь все, точка. Ждать больше нечего. Чудес не бывает, а жизнь прошла мимо. И нужно было дожить до юбилея, чтобы это понять? Теперь, когда все позади, необратимо позади?

Женя почувствовала, как слезы снова градом покатались по щекам. Да что же это такое? Чего доброго, до юбилея она вся проквасится, попухнет, как после долгого сна или запоя, а ей надо выглядеть! Она взяла со стола зеркало и внимательно рассмотрела свое лицо. Как-то по-новому, отстраненно.

Нет сомнений: юбилей не за горами. Да, еще сохранились в этих чертах следы прежней красоты, но что с ними случилось? Глаза потускнели. Если не красить ресницы, их и не разглядеть. Губы сделались тонкими, стервозными. Опять же, не рисуй Женя контур попухлее, не подкрашивай подходящей помадой, вместо рта было бы одно название. Морщины и морщинки... От них никуда не денешься. Можно лишь сделать менее заметными, чего Женя и добивается при помощи разных дорогих кремов. Брови тщательно нарисованы, но сейчас так делают и молодые. Выщипывают напрочь свои родные и рисуют новые, нужной формы. Шея... Давно ли она снисходительно выслушивала от мужчин самые цветистые комплименты горделивой осанке и стройной, как у балерины, шее? Да что уж теперь!

Женя с раздражением хлопнула зеркало об стол. Благо скатерть толстая, зеркало не разбилось. Что пользы ждать чудес в таком возрасте? Пора вписы-

вать себя в разряд пенсионерок, хотя до пенсии еще жить и жить.

Зазвонил телефон, и Женя озадаченно посмотрела на него: она не ждала ничьих звонков.

— Алло? Это кладбище? — спросил заторможенный женский голос.

— Да, пожалуй... — горестно вздохнула Женя и тотчас поправилась: — Нет, вы ошиблись!

— Извините.

Углядев в этом звонке некий символ, она и вовсе расстроилась. Собравшись уж было снова расплакаться, вспомнила, что нельзя опухать. Схватила телефон, набрала номер дочери:

— Ань, как дела?

— Привет, мам! Как всегда, запарка. У нас косяк!

За ее голосом Женя слышала распоряжения второго режиссера, дававшиеся по рации: «Девочки, костюмерный департамент! Перекостюм. Сцена двадцать пятая».

— Чей косяк, мой? — обеспокоилась она.

— Не знаю, может, и твой. Погоны проколотыми оказались, на крупном плане видно.

— Ну, интересное кино! Денег же не дают на новые! Вот я и исхитрилась: звездочки лишние сняла, думала, незаметно будет. — Женя еще больше расстроилась. — И что теперь?

— Будут затирать за мой счет. Да ты не переживай так. Сама знаешь, как Вилинская работает на площадке! Все приходится делать за нее, и ничего, все сходит с рук! Прорвемся! Ладно, мам, мне пора. До завтра.

Аня отключилась, а Женя еще долго задумчиво держала трубку возле уха. Завтра ее смена на площадке, будет расхлебывать всю эту кашу.

Мордвинова «работала в кино», как шутили они с дочерью. Это Аня, ассистент художника по костюмам, притащила засидевшуюся дома маму на студию, пристроила возле себя костюмером. Жене понравилась суэта производственного процесса, напомнила ей молодость, карьерный взлет, когда после ленинградского университета она делала на телевидении интересные программы о дворянских усадьбах, об истории старинных дворянских родов.

А началось тогда с ее собственной семьи. После перестройки многие заинтересовались своими корнями, нарыли благородных предков и сделались вдруг дворянами. Женя всегда знала, из какой она семьи. Бабушка много рассказывала, показывала бережно хранимые фотографии в альбомах, переживших блокаду. Красивые женщины в старинных платьях с затейливыми прическами были ее двоюродными прапрабабушками. Мужчины в эполетах, в различных мундирах царской гвардии, дети в кружевных чепчиках, длинных рубашонках или платьицах, сидящие на стульях или на руках немецкой бонны. Прелестное дитя в матроске и белой юбочке — это бабушка. Здесь ей десять лет. Через два года грянет революция и сметет с лица земли тот жизненный уклад, который всегда казался Мордвиновой таким уютным, достойным и красивым.

Теперь эти альбомы хранятся у Жени. Она забрала их после смерти мамы и увезла с собой в Москву. С Питером ее больше ничего не связывало...

Анька родилась, когда Женя была студенткой последнего курса журфака. Влюбилась без ума в сокурсника, тот казался ей прекрасным принцем. До той

поры, пока не узнал, что Женя беременна. Истинный облик избранника так изумил бедняжку, что она тотчас прогнала полинявшего принца вон и навсегда.

Мама категорически запретила аборт, даже отца на помощь призвала, хотя Женя умоляла не говорить ему. Кадровый военный, полковник Мордвинов бывал подчас бескомпромиссным до жестокости. Оба они сумели убедить дочь, что надо рожать и никак иначе. Зато когда появилась внучка, обожали ее, возились с ней, воспитывали, лечили, водили в детский сад, пока Женя доучивалась, а потом пробивалась на телевидение.

Аньке было шесть лет, когда Женя переехала к нему на Литейный. Дочку оставила у родителей, на время. Там хорошая школа, утешала она себя, дитя под присмотром.

Ах, как славно им жилось тогда на Литейном в двух смежных комнатках коммунальной квартиры! Можно сказать, по-барски жилось. В комнате, что побольше, располагалась гостиная, она же столовая и кабинет. Смешная выдвижная дверь отделяла ее от спальни, вполне уютной и вовсе не такой уж крохотной. Туринский тогда снимал документальное кино. Молодой, подающий надежды режиссер имел за спиной неудачный брак и не стремился пока связывать себя новыми узами. Да Женя и не настаивала, понимая, как важна для художника свобода.

Когда распался Союз, в девяносто первом, умер Женин отец. Сердце не выдержало крушения всего, во что верил и чему служил полковник Мордвинов. Мама тяжело переживала его смерть, и теперь отнять у нее Аньку было немислимой жестокостью. Туринский же решил перебраться в Москву. К тому времени он снял два разоблачительных фильма о коммунистах и замыслил широкое художественное полотно о современных молодежных группировках. Для осуществления замысла намеревался покинуть родной Ленинград и обосноваться в Москве. Женя отправилась за ним. К тому же работу на телевидении она давно потеряла: ее передачу закрыли.

Аньку до поры решила оставить у мамы, собираясь забрать ее, как только устроится с жильем. Она и помыслить не могла, при каких трагических обстоятельствах придется увозить дочь. Мама умерла неожиданно, практически на руках десятилетнего ребенка! До сих пор сердце Жени сжимается при мысли о том, что пережила в те дни ее бедная девочка!

Все кругом стремительно менялось, рушилось, распадалось... А Туринский благополучно пережил упадок кино, пробавляясь видеоклипами и рекламой, в конце девяностых успел прогреметь фестивальным кино и теперь, обладатель престижных премий, оставался одним из ведущих кинорежиссеров. Женя не раз давала себе зарок не думать о нем, но все же покупала журналы и со смешанным чувством читала светскую хронику, в которой нет-нет да мелькнет его имя. Она сбилась со счета, сколько подружек за эти годы поменял Туринский. На ком-то из них женился. Журналистская братия всякий раз услужливо сообщала граду и миру о новом приобретении культового режиссера, и Женя придирчиво разглядывала цветные фотографии из глянцевого журналов. Избранницы Туринского делались все моложе, сам он мало менялся, лишь обзавелся благородной сединой.

Фильмы его Жене откровенно не нравились. Она называла творческие поиски своего бывшего возлюбленного претенциозным выпендреджем. Однако

тосковала по прошлому, по тем временам, когда они жили на Литейном и иногда устраивали себе маленькие праздники с чудом добытой бутылкой «Ркацетели», свечами и томиком Мандельштама. Тогда они были вдвоем, никаких шумных богемных друзей, песен под гитару и споров до утра сквозь табачный дым. Вдвоем...

Снова зазвонил телефон, выводя из забытья, и Женя вздрогнула и едва не выронила из рук трубку: это был он!

— Женька, ну не дуйся! Не ожидал, что позвонишь, ей-богу! Я сейчас в Праге снимаю, все планы к черту летят, не вписываемся! Но я тебя поздравляю! С чем только, забыл.

— И я не знаю, — сердито ответила взявшая себя в руки Женя. — Юбилей у меня через неделю, если ты про это.

— Ну, прости, — хмыкнул Туринский. — Не знал, что ты такая старая.

— В свой паспорт посмотри! — возмущилась Мордвинова. — Ровесники ведь. Или не тебя страна так громко чествовала пару месяцев назад?

Туринский присвистнул:

— Завидуешь, Женька? Не завидуй, все тлен и суета. — И, не слушая возмущенных восклицаний Мордвиновой, он заторопился: — Все, мать, пока: у меня мотор.

Женя опять не удержалась от слез. Что ж это такое? Господи, да пусть не приходит! К чему ей, «такой старой», видеть его процветающую физиономию? О чем с ним говорить, с забронзовевшим, оторванным от жизни простым смертных? Однако будет! Она опять ревет! Точно ведь за неделю проквасится, как старые дрожжи.

И почему она не вышла замуж хотя бы за того же Сашку? Он, конечно, совсем мальчишка был тогда. Сколько ему теперь, тридцать шесть? Были и еще поклонники, да все какие-то мелкие, скучные...

Будь он неладен, этот Туринский! Из-за него вся жизнь насмарку, все испортил, исковеркал... Можно ли было любить кого-то после него?..

Женя опомнилась, когда всласть нарыдалась и выглядела, как мятая подушка. Она решительно поднялась и отправилась на кухню. Где-то тут, в холодильнике, валялась гелевая маска для снятия отеков на лице. Мордвинова натянула на лицо пластиковую емкость на резинке. Зеленая полумаска приятно холодила, успокаивала кожу и нервы Жени, вконец расстроенные предстоящим юбилеем.

Глава 2

Два незнакомца

Аня вышла из костюмвагена и присела на раскладной стульчик покурить. Она не любила работать на натуре еще с тех времен, когда вкалывала костюмером. Однако некого было послать: второй ассистент работал на подготовке, а у Жени, которая ей очень помогала, выходной. Нужно было отпустить, пусть хлопочет о своем юбилее, она так волнуется...

Мысли у Ани были невеселые. И, конечно, о нескладывающейся собственной судьбе.

Она знала, что киношные связи коротки и преходящи. На ее глазах столько родилось и угасло самых отчаянных бурных романов! Казавшаяся вечной, любовь мгновенно иссякала, когда заканчивался проект. Нет, все было по-настоящему, только в очень сжатые сроки. Люди знакомились в подготовительный период или в начале съемочного процесса. Выезд на натуру или, еще лучше, экспедиция куда-нибудь к южному морю весьма сближают. Романы завязываются по-киношному стремительно. Месяц, два, иногда три — съемки окончены (если это не бесконечный сериал), и группа распускается. Хорошо, если потом влюбленные попадут в один проект, тогда связь не сразу прервется. Но как только судьба разводит их, любовь без подпитки умирает. И вовсе не от легкомыслия это происходит и не от мимолетности.

У киношников просто нет времени на личную жизнь! Если, конечно, ты востребован. Если есть работа, все твоё время занято ею. Начало смены в восемь и в шесть утра, домой приползаешь в одиннадцать ночи. Это в лучшем случае. Когда съемки за городом, то и в час, и в два. А утром опять смена. Выходной всего один, и это не обязательно воскресенье. Как при таких условиях иметь семью или любимого человека? Вы просто не будете видаться и рано или поздно расстанетесь...

Да, знать — одно, а на себе испытать — совсем другое. Однажды, еще будучи костюмером, Аня влюбилась в оператора, женатого причем. И что ж? Был волшебный месяц в кубанской станице, где снимались несколько серий очередного «мыла». В свободное время группа наслаждалась морем и домашним вином, свежепойманной рыбой и фруктовым изобилием. Аня впервые полетала на вертолете, с которого велись съемки. Оператор писал ей трогательные эсмэски, трогательно ухаживал. Казалось, невозможно будет расстаться. Но сериал досняли, запустили на телевидение, и все. Все! Поначалу он писал, звонил. Заскакивал к Ане на площадку на несколько минут. А потом все реже, реже. Аня сама попросила больше ее не беспокоить. Больно и ненужно...

Костюмеры одевали массовку, снималась сцена на детской площадке. Аня заглянула в вызывной лист: не забыли ли чего. Актеры были уже готовы, ждали мотора.

— Готовимся к съемке! Поправляем грим-костюм! — скомандовал по рации второй режиссер.

Костюмер Маша торопливо выправляла воротничок гимнастерки главного героя, который терпеливо ждал.

Аня не любила актеров-мужчин. Особенно вызывали брезгливость звез-

дульки, играющие в сериалах крутых парней. Вспомнился некто Эдик Фторов. Он устраивал истерику из-за бронежилета, а их катастрофически не хватало. Приходилось выкручиваться, снимать с вышедших из кадра актеров и надевать на других. Такой мужественный, сдержанный и немногословный по роли, Эдик, брызгая слюной, орал на костюмеров, топал ногами. Омерзительно.

Сейчас, слава Богу, главного героя играет известный молодой актер Саша Дронов, любимец всей группы, веселый паренек. Да и проект поинтересней монотонных сериалов. Скорее, это многосерийный фильм. И качество иное, и картинка, и фактура.

Бесспорно, интереснее всего работать на полном метре. Там все серьезно и задачи иные. Похоже хотя бы на творчество, искусство...

Во время перерыва, когда привезли обед, в костюмваген забрались «светики» погреться и кофе попить. Ноябрь на дворе. Вроде бы солнце, а холодно. «Светики» всегда ведут себя хамовато, их надо окорачивать. Вот и теперь: попили чаю и собрались закурить.

— С ума сошли! Костюмы же здесь! — сделала замечание Маша.

Потом заглянули гримеры посплетничать. Теткам уже за пятьдесят, всю жизнь в кино, обо всех все знают. На площадке сухой закон, но если холодно, можно позволить себе глоток коньяка, чтобы согреться. Фляжка гримера Наташи пошла по кругу. Вообще-то гримера звали Натальей Сергеевной, но кого в кино величают по имени-отчеству? Разве что особо уважаемых режиссеров, операторов или продюсеров. Здесь само понятие возраста размывается.

Поедая без аппетита гречку с мясом из пластикового лоточка, Аня краем уха слушала сплетни и думала о своем. В последнее время мама все чаще стала говорить о назначении женщины, о скоротечности жизни, о том, как опасно рожать после тридцати. Да кто ж спорит? Пора что-то решать, устраивать свою жизнь. Но как? Бросить кино? Иначе никак.

В кино работают, в основном, прирожденные одиночки или те, у кого уже все позади, дети выросли и нечего больше ждать кроме пенсии. Ну, еще семейные пары. Они окунаются в иллюзорную жизнь, тратя на нее все свое время, будто бегут от реальности. Их жизнь — это работа. Но у Ани непременно возникает обломовский вопрос: «А жить-то когда?» Ей хочется еще писать картины, путешествовать по миру, делать что-то своими руками. Пока работаешь в кино — это невозможно. А тут семья...

Если уходить из кино, то куда? Как-то так сложилось, что сразу после швейного лица Аня попала на съемочную площадку в качестве костюмера. И задержалась... «Вот, до ассистента доросла», — с горечью подумала она. Кино затягивает, как тряпина. Особая атмосфера, иллюзия общего дела, возможность видеть результат...

После перерыва снимали трюки. Аня так и не привыкла к казавшемуся ей бессмысленным риску на площадке. Над ней посмеивались операторы и дольщики, но она ничего не могла с собой поделать. Всякий раз либо уходила по дальше, если было можно, либо закрывала глаза руками. Невыносимо было смотреть, как молодые ребята падают с высоты, скатываются по лестнице, прыгают в огонь. Ради чего этот чудовищный риск? Стоит ли сомнительный продукт, получаемый в итоге, такой цены?

Гремели выстрелы, детскую площадку затянуло дымом. Пиротехник Максим носился туда-сюда, создавая дымовую завесу. На площадке работал незна-

комый каскадер, дублирующий главного героя.

— А где же Миша? — спросила Аня у гримеров.

— Ты как думаешь? — воскликнула Наташа. — Перелом голени, в больнице!

— Но ведь у нас еще не было сложных трюков! — огорчилась Аня. — Как же его угораздило?

— На тренировке где-то поломался. Слава богу, не у нас! — ответив, Наташа направилась к актеру поправить грим.

— Еще дубль! — донеслось из рации.

Снова попытка. А с площадки не уйдешь, нужен контроль. Аня крепко зажмурилась.

— И чего мы боимся? — услышала она над ухом и, вздрогнув, открыла глаза.

Перед ней стоял высокий худощавый мужчина и с участливой улыбкой смотрел на нее. Аню поразили его глаза: зеленые, как и у нее, с какой-то едва уловимой сумасшедшинкой.

— Не могу видеть, как они падают, — сердито ответила она и отвернулась, следя за происходящим на площадке.

— Понял, — усмехнулся незнакомец. — Сейчас исправим.

— Как? — невольно удивилась Аня.

Зеленоглазый наклонился к ней и доверительно прошептал:

— Княжна, вам стоит только пальчиком пошевелить, и все будет по-вашему!

Аня посмотрела на него с холодным недоумением. Она знала, что в группе ее называют «княжной». Только не понимала, почему. Вряд ли кто знал о ее далеких предках, разве что фамилия... Она не была неженкой и белоручкой, пахала, как все, таскала огромные кофры и сумки с костюмами. Стирала, шила, когда это требовалось. Носилась по сэкондхэндам, подбирая нужные для проекта вещи. Ну, разве что не позволяла излишней фамильярности в обращении с собой. Господи, да она уже ругаться стала, как извозчик, чтобы только разрушить этот пафосный образ «княжны». Ничего не помогало. Мужчины на площадке непременно оказывали ей знаки внимания: предлагали подвезти после ночной смены, дарили цветы, угощали сладостями, преследовали чрезмерной заботой и тоскливыми взглядами. Бабушка бы сказала, что надо соответствовать.

— Так что же? — шепнул незнакомец, едва не коснувшись губами ее уха.

Аня невольно отстранилась и равнодушно ответила:

— Боюсь, моего желания будет недостаточно.

Зеленоглазый усмехнулся еще раз и произнес:

— Хотите проверить?

— Что? — подняла брови Аня.

— Могущество вашего слова.

— Нет, — качнула она головой, всем своим видом показывая, что не имеет охоты продолжать этот пошлый диалог.

— Утепление актерам! — прозвучала спасительная команда, и Аня рванулась в костюмваген за теплыми вещами.

Конечно, она могла и не делать этого: Маша и Люда, помогающая костюмерам, уже бежали к актерам с куртками наперевес. Однако надо же было как-то

отвязаться от зеленоглазого пошляка. Она набросила пуховик на плечи Саше Дронову и краешком глаза проследила, как незнакомец, несколько помешкав, направился к режиссеру, сидевшему за плейбеком.

Новый дублер, отыграв сцену, пошел к костюмерам переодеваться. На нем был костюм Саши Дронова, которого он дублировал. Ане пришлось помогать ему: Маша и Люда были заняты массовой. Снимая гимнастерку, парень поморщился: верно, ему досталось-таки, живого места нет.

Принимая от него одежду, Аня засмотрелась на широкие плечи и мощный торс. Да, такая фактура даже среди актеров не часто встречается. Парень не был красавцем в пошлом смысле этого слова: длинные русые волосы с пробором посередине, впалые щеки, высокие скулы, на удивление умный взгляд. Однако вся его фигура излучала мощь и спокойную силу.

— Зачем вы это делаете? — неожиданно для себя спросила Аня, отчего-то краснея.

— Что делаю? — натягивая свитер на красивое тело, спросил каскадер.

— Зачем так рисковать? Вам не хватает остроты жизни? Скучно?

Парень внимательно посмотрел на нее, и Аня поняла, что он значительно старше, чем казалось. Явно ему было хорошо за тридцать, а не двадцать пять, как ей представлялось раньше.

— И что за профессия — ломать руки-ноги с сомнительной целью? — Кажется, ее несло.

— Я не каскадер, — спокойно ответил мужчина. — Но бывает, подрабатываю трюками. Как сейчас, например.

Аня оторопела:

— А кто же вы?

— Меня зовут Тимофеем, но лучше просто Тим. А вы — Аня, я знаю. В основном я монтирую и делаю фильмы о фильмах. Когда есть заказы. Еще пишу музыку. А на этом проекте я вообще-то осветитель.

«Странно, почему я его ни разу не видела?» — подумала она.

Тим убрал волосы под бандану и превратился в роскошного пирата. Натянув куртку с капюшоном, он благодарно кивнул Ане и вышел из вагончика. Аня проводила его взглядом, потом взяла гимнастерку и поднесла к лицу. Обычно она страдала от запахов, особенно когда приходилось одевать массовку.

— Почему они не моются перед съемками?! — обычно стенала она. — Это нестерпимо: запахи, запахи!

Гимнастерка Тимофея не пахла ничем, хотя он прыгал в ней, падал, взбирался на лестницу. Едва уловимый, отдаленный, тончайший отголосок хорошего парфюма. Просто невероятно! Аня вздрогнула и бросила гимнастерку на стул: в вагончик вошел Саша Дронов.

— Аня, я забыл, что принес вам с Машей кое-что! — воскликнул он, доставая из-за спины бутылку дорогого виски и шикарную коробку конфет.

— По какому поводу? — улыбнулась Аня, принимая дары.

— Вчера у меня был день рождения! Вот, решил проставиться.

— Спасибо, — ответила Аня. — Давай и выпьем вместе после смены!

Сказала и пожалела. Во-первых, обещала маме помочь с магазинами, во-вторых, знала, как проходят подобные мероприятия. В группе не было интересных для нее людей, а смотреть, как по-свински напиваются, и слушать

причудливый мат желания не было. Однако Аня вспомнила о Тимофее и на всякий случай решила задержаться после смены.

Глава 3

Они еще посмотрят!

Безумные идеи не часто посещали Женину голову. Теперь был именно такой случай. Да и не мудрено: впереди такая дата, что поневоле сойдешь с ума. И Женя Мордвинова была близка к этому как никогда. Что ж, юбилей так юбилей! Туринский манкирует, пусть! Она так отпразднует, что всем мало не покажется!

Для начала следует сосчитать наличность. Юбилей ударит по карману в любом случае, так что жалеть нечего! Женя подошла к стеллажам с книгами, достала объемный том Лермонтова, изданный еще до революции, и выгребла из него несколько красненьких «пятерок». Задумчиво глядя на веселые бумажки, забралась в уютное кресло с ногами.

Света не советует устраивать празднество дома: и места нет, и замучаешься готовить на прорву гостей. Женя оглядела знакомую до мелочей комнату, которая считалась гостиной. Места и впрямь маловато, тесновата квартирка. Даже стола подходящего нет, только махонький, круглый.

Времена пошли, вздохнула юбилярша. Раньше на кухне всем места хватало, по двадцать человек набивалось, и ничего! И еда-то была простая: картошка да курица, но никто не жаловался! И ведь весело было, легко!

Ресторанов Женя не любила. Может, потому что нечасто бывала там. По молодости не до ресторанов было, а теперь как-то и неинтересно. Хотя, если надевать вечерний наряд, то уж лучше в ресторан, не в собственной же кухне пол подолом мести. Придется подзанять денег, но где наша не пропадала!

Светка настаивает на ресторане, и она права. Вот пусть она этим и занимается. Женя потянулась к телефонной трубке, лежавшей на столике.

— Да, — сонно отозвалась подруга на другом конце провода.

— Я тебя разбудила, что ли? — удивилась Женя и глянула на часы. Время позднее, однако в пределах разумного.

— Да, я сплю. Ты чего хотела?

— Свет, возьми на себя ресторан, ты в этом лучше меня понимаешь, — с места в карьер начала Женя.

— Я думала, у тебя уже все давно спланировано, — пробормотала в трубку сонная Светка. — Ты же гостей обзванивала...

— Ну да, поначалу хотела дома как-то устроиться...

— Да кто нынче дома устраивает юбилей! — окончательно проснулась Света. — Не мудри, Женька! Хорошо, я возьмусь за ресторан, только отправь мне по мылу список гостей и бюджет.

— Какой бюджет?

— Жень, кто из нас спит, я или ты? Деньги, на которые ты рассчитываешь! Мордвинова замялась.

— Вот, я хотела еще попросить у тебя займы немного... Отдам, клянусь, сразу, как только зарплату получу!

Женя знала, что подруга не любит давать займы, но как-то само спросилось, подвернулось на язык. Однако Света приятно удивила ее неожиданным

благодушием:

— Ну, о чем речь, Жень, конечно, отдашь.

Ура, мысленно крикнула Женя, положив трубку. Итак, гуляем! Она вновь посмотрела на часы. Аня задержалась на смене, хотя обещала прийти пораньше и сводить Женю в любимый магазинчик. Ничего, завтра Женя сама пойдет по магазинам, а начнет она с... белья!

Мордвинова вскочила и устремилась к комоду. Порылась без энтузиазма в ворохе простеньких лифчиков и трусиков, сокрушенно покачала головой. Для ее замысла необходимо потрясающее белье, а что это такое? Как-то неловко даже спрашивать Аню или Светку. Добрые люди, помогите выбрать потрясающее белье, а то я не знаю, с чем его едят!

Аня, конечно, поможет, но удивится немало. А реакцию подруги и вообразить невозможно: от вытаращенных глаз до матерной ругани. И как объяснить, что не было ей, Жене Мордвиновой, ну никакой крайней необходимости покупать себе декоративное бельишко. Для кого? И что теперь в итоге представляет из себя немолодая особа Женя Мордвинова, без пяти минут юбилярша? На работе — вечные штаны, чаще ватные, куртка, в лучшем случае стеганая жилетка с множеством карманов и рабочей сумочкой у пояса, куда и рация втыкается. Дома — застиранные футболки и опять штаны, только спортивные, свободные. До белья ли тут?

А теперь и жизнь позади, и уже не будет возможности, даже если б и очень захотелось, покрасоваться перед мужчиной в прелестном неглиже... Женя почувствовала, как опять наваливается тоска и просятся слезы из глаз, будь они неладны! Все, все! Она не будет больше плакать. Горю не поможешь, а лицо в два счета испортишь...

Итак, старт взят! Наутро Мордвинова не стала будить дочь, вернувшуюся поздно ночью и отсыпающуюся за всю неделю. Она приготовила на завтрак овсяную кашу, однако есть не стала, чтобы налегке бегать по магазинам (Анька встанет и поест). Стараясь не шуметь, быстро собралась и вышла из дома.

С тех пор как Женю посетила безумная идея, она пребывала в странной лихорадке. Иной раз трезво осмысливала настоящее и удивлялась себе: что это со мной, что я задумала? Но это были редкие минуты просветления. Безумная идея захватила Женю полностью, подчинила себе. Казалось, от ее исполнения зависит вся дальнейшая жизнь, сколько бы ни было отпущено ей лет...

Мордвинова знала, что есть специальные магазины для белья, но направилась в Охотный ряд. Действовала наверняка. Бродя по пустынным по-утреннему магазинчикам в этом многоярусном монстре, Женя пожалела, что не взяла с собой дочь или подругу в качестве консультанта. В своей летаргии она безнадежно отстала от времени и давно уже полностью полагалась на Аню, когда нужно было купить что-нибудь из одежды. Теперь же терялась перед роскошным выбором.

В третий раз обходя ярус за ярусом, Мордвинова наконец-то решилась и остановилась у небольшого магазинчика, где вовсе не было покупателей. Хорошенькая девушка с готовностью бросилась ей навстречу:

— Вам помочь?

— Да! — храбро ответствовала Женя и отдала себя во власть улыбчивой продавщицы.

Когда разобрались со всеми объемами и размерами, Женя остановила свой

выбор на черном комплекте, сочетавшем практичность с изяществом отделки. Однако взглянув на ценник, Женя невольно присвистнула. В мирное время она ни за что бы не стала тратить такие деньги на кусочек кружевной ткани, пусть и безумно красивой. Но теперь в Мордвиновой заговорила голубая кровь предков. Гордо тряхнув головой, она по-королевски указала на комплект, лежавший на прилавке:

— Пробивайте!

— И только отсчитывая купюры, невольно подавила вздох. «Что я делаю? Что делаю?» — мелькнуло в голове и исчезло. Держа в руках нарядную бумажную сумочку с обновкой, Женя чувствовала себя, как в те времена, когда работала на телевидении.

— Однако! — пробормотала она, преодолевая непрошеную ностальгию.

Да, бывало... Тогда она остро чувствовала жизнь, все вокруг бурлило, кипело. Приходилось работать круглосуточно. Командировки, работа над материалом в студии, монтаж, эфир.

Когда же это произошло? Когда она превратилась в амебу, в бесцветное существо в невыразительной одежде и без всякой прически? Когда потеряла интерес ко всему и стала волочиться по жизни без цели, без смысла? Да что гадать-то, вздохнула Женя, после разрыва с тем же Туринским. Неужто он действительно так много значил для меня? И вот насклоне лет, считай, вспомнила о нем, позвала на юбилей, а он... Ну ничего, они еще посмотрят!

Кто эти таинственные «они», Мордвинова не знала и сама, но от горестного воспоминания воспряла боевым духом. Прижимая к груди сумочку с логотипом фирмы женского белья, она нырнула в метро.

Ах ты недотепа, бесплодная смоковница, лезли в голову мысли, когда без пяти минут юбилярша открыла двери первого попавшегося салона красоты. Столько лет угрохать в пустоту! Все забросить: карьеру, личную жизнь, дочь!

— Что будем делать? — доброжелательно спросила мастер по прическам Ира, когда Мордвинова устроилась в кресле.

— Что-нибудь сногшибательное! — бесшабашно тряхнула головой Женя.

— Понимаю! — улыбнулась Ира и вдохновенно выдернула резинку из мордвиновского хвоста. Жене почему-то импонировало, что Ира была по виду ее ровесницей. Значит, и впрямь понимает.

— Мне нравится в корне менять образ! — приговаривала мастерица, намыливая голову клиентке, а та вновь вернулась мыслями к пропащей жизни. Вот уж натуральная клиника!

Женя вспомнила тот ужасный период, когда она сдала родительскую квартиру, в Питере, на Михайловской улице, иностранцам и засела дома в Москве перед телевизором, обложившись детективами и другой легковесной литературой. Анька опять была предоставлена самой себе. Нет, она, конечно, была сыта и одета, уроки проверены, но Женя ушла в себя, и даже дочь не могла ее вывести из этого состояния. Аня поступила в лицей, часто не ночевала дома, потом появился какой-то молодой человек, и она на время перебралась к нему. Что ж, дочери повторяют ошибки своих матерей! Вскоре Аня вернулась домой повзрослевшая, другая, и с тех пор они живут вместе. Теперь Женя и не представляла себе иной жизни, без дочери. Однако неужели и Анина судьба будет такой же неустроенной?

— Ой, не вертите, а то неровно отрежу! — предупредила Ира.

Нет, нет, думала Мордвинова, послушно замерев, надо срочно что-то исправлять, переделывать! Это последний шанс, если, конечно, он еще есть.

Да, она сломалась тогда. И причина не только в Туринском. Многие сломались в те годы, не смогли приспособиться к новой жизни. Конечно, что-то у нее было и тогда: увлечения, подруги, поездка со Светкой в Киев, где жила их однокурсница Татьяна и где Женя познакомилась с Сашкой.

Мальчишка-сосед влюбился ни с того ни с сего. А всего-то: он напомнил мне молодого Туринского. Я очнулась, встрепенулась и вдруг засияла всеми гранями своего очарования. Сашка и попался. Но ведь разница в годах непозволительная — четырнадцать лет! Смех да и только. Я и не позволила себе ничего. Он потом не раз приезжал в Москву, писал письма, страдал. Мы не виделись давно, и связь постепенно оборвалась.

Но юбилей — прекрасный повод вспомнить!

— Ну, как вам? — Ира с интересом ждала ответа.

Женя вернулась в реальность и увидела в зеркале незнакомую даму с длинным каре, современную, уверенную в себе, элегантную. Удивилась:

— Это я?

— Нравится? — удовлетворенно улыбнулась Ира и продолжила разъясняюще: — Если волосы мешают, вы можете сделать так... — Она убрала длинные пряди назад. — Или вот так. — Сделала косой пробор и одну прядь убрала за ухо.

Мордвинова все дивилась, глядя на себя в зеркало.

— Волосы у вас густые, объемные и послушные, с ними можно разные варианты пробовать, — добавила мастерица.

— Спасибо! — Женя выбралась из кресла и еще раз оглядела себя в трехстворчатом зеркале. — Чудеса!

Она расплатилась на ресепшене, Ире дала чаевые. Та спокойно сунула деньги в карман. Получив скидочный флаер и приглашение почаще заходить, Мордвинова вышла на шумную улицу. Оглядев ее победоносным взглядом, она произнесла вслух:

— Ну, теперь держитесь!

Глава 4

Приключения на площадке

— Нет, не то! — кипятился молодой режиссер Леша Анкудинов. — Это же эпизод, крупный план.

— Но это актриса, отобранная на кастинге! — отвечала ассистент по актерам Лариса.

— А я говорю, не то, — стоял на своем режиссер. — Мне нужны другие лица. Взгляд его упал на Аню, которая следила за площадкой.

— Вот такие лица мне нужны! Аня, иди сюда!

Она нахмурилась:

— Зачем?

— Ну, иди же.

Аня неохотно приблизилась к режиссеру.

Люди кино часто удивлялись, почему она не снимается. Режиссеры, восхищенные благородной красотой ее черт, спрашивали:

— Вы хотите сниматься?

Она неизменно отвечала:

— Нет!

И все предложения решительно отменялись. С Лешей же у Ани сложились дружеские отношения, и отказать ему было невозможно.

— Встань сюда, — командовал режиссер. — Так. Что я говорил? На грим и костюм! Будем снимать тебя.

Он не стал слушать ее возражений, тотчас переключившись на оператора.

Злясь на себя и на Лешу, Аня подчинилась. Она отправилась в костюмваген. По дороге отыскала глазами возле светобазы плечистую фигуру Тима. Тот держался поодаль от развеселой компании «светиков».

И других компаний будто чурался, поэтому не остался тогда праздновать день рождения Саши Дронова. Ане было скучно, и пить вовсе не хотелось. «Светики» надоедали приставаниями и плоскими шутками, гримеры, как всегда, напились и затянули вместе с Сашей военную народную песню, пересыпанную матерными словами:

— Подкрепление не пришло, нас с тобою на...ли. Пушка сдохла, все, п...ц...

Словом, все было как всегда.

Войдя в вагончик, Аня столкнулась с Женей, в который уже раз удивилась ее преображению.

— Мам, я тебя опять не узнала! — улыбнулась она.

— Вот такая я! — засмеялась та и опять показалась Ане незнакомой молодой женщиной.

— Меня снимать собираются в эпизоде, — пожаловалась она.

— Ну, ничего, мелькнешь на секунду, никто и не обратит внимания! — утешила Женя, зная, как дочь не любит такой публичности. Аня занялась подбором костюма для крохотной роли.

Вилинской, художника по костюмам, как всегда, не было на площадке. Пришлось самой все решать на ходу. Подготовка всегда занимает много времени, порой много больше, чем сами съемки, но теперь все было наоборот. Общими усилиями костюмерного департамента подобрали пальто с воротни-

ком-шалькой эпохи 40-х — 50-х годов, на голову черный берет, на ноги какие-то боты. Показали режиссеру, одобрил. Теперь на грим.

Гримеры встретили ее ласково:

— А что, Аня, хорошо: поснимаешься, может, актрисой станешь, — говорила Наташа, подбирая нужный тон для лица. — Брови, молодец, не выщипываешь. Синячки сейчас подмажем.

Она мазнула по ребру ладони бежевым гримом, смешала с более светлым тоном. Спонжиком стала наносить его на лицо. Другой гример, Таня, занялась волосами. Обе при этом что-то говорили, подбадривали.

Гримеры ближе всего к артисту. С них начинается преобразование актера в героя. От них часто зависит и его настроение на площадке. Бывало, режиссер пожалуется:

— Что-то он в плохом настроении, — речь, как правило, идет об известном актере, от которого многое зависит в фильме, — девчонки, давайте, развеселите его!

И они действительно развеселят. Все-то они знают, остры на язычок, всю жизнь в кино.

— Ну, вот все и готово! — сказала Наташа, в последний раз мазнув губы и оглядев лицо Ани.

Ей все же любопытно было оказаться по ту сторону зеркала, то бишь в качестве актрисы. Однако лишь в первый момент. Очутиться в центре площадки, когда на тебя нацелена камера и все внимание съемочной группы сосредоточилось на тебе! Бр-р! Съемки длились бесконечно, или мне это показалось? Да, актерский хлеб нелегок, что ни говори. А ведь им еще приходится сниматься в постельных сценах, целоваться и все такое. И не только с симпатичными коллегами. Ужас!

Леша вновь и вновь требовал дубль, добивался чего-то одному ему ведомого. Он смотрел в плейбек, изучал лицо Ани и снова командовал дубль. Оператор, ободряя, показывал ей большой палец: мол, все хорошо, не волнуйся. Наташа подошла, шепнула:

— Губки не поджимай! Молодчина, Анечка!

«А ведь на пленке это займет каких-нибудь пять-десять секунд!» — устало думала она и снова делала одно и то же: выходила из дверей ресторана, сталкиваясь с главным героем, который провожал ее взглядом. Шла к стоявшему поодаль военному в портупее, принимала от него цветы и невольно уворачивалась от легкого приветственного поцелуя.

Аня окончательно выбилась из сил, когда режиссер наконец-то получил желаемое.

— Все! Молодец. Снято.

Аня поплелась переодеваться. Подходя к вагончику, она вновь ощутила на себе чей-то взгляд. Оглянувшись на долю секунды, успела лишь увидеть, как Тимофей отворачивается и заговаривает о чем-то с дольщиками. И мысль, что он тоже был свидетелем ее позора, почему-то окончательно добила незадачливую актрису.

Однако не только Тимофей внимательно следил за процессом съемки несчастного эпизода. Едва Аня, переодевшись и сняв грим, вышла из костюмвагона, как дорогу ей преградил роскошный букет роз.

— Вы были восхитительны! Bravo!

Давешний зеленоглазый тип улыбался и протягивал ей цветы. Пришлось взять, но они и впрямь были чудо как хороши.

— Это надо отметить! — не унимался незнакомец. — После смены везу вас в ресторан «Кураж», знаете, есть такой на Пречистенке?

— Вы даже не спрашиваете, согласна ли я! — возмутилась Аня, нехотя принимая букет.

Зеленоглазый шутливо пожал плечами:

— А разве вы не согласны, княжна?

И снова Аня почувствовала спиной пристальный взгляд. Она оглядела группу, готовившуюся к следующему кадру. Пиратская бандана мелькнула возле небольшой толпы, собравшейся у непонятного сооружения.

— Я привез новую аппаратуру, будем осваивать! — проследив за ее взглядом, пояснил незнакомец. — До вечера, княжна.

Аня не успела воспротивиться, и он поцеловал ей руку и поспешил к толпе.

Отыскав Женю, которая разговаривала с костюмером Машей, Аня отвела ее в сторону.

— Мам, ты не знаешь, кто это? — спросила, указывая на зеленоглазого. Тот шустро руководил оператором и режиссером, которые разворачивали какую-то необычную многоярусную камеру.

— Нет, — покачала головой Женя. — Интересный, тебе не кажется?

Она до сих пор переживала неудачную любовь Ани.

— Я бы по-другому определила, — усмехнулась дочь и направилась посмотреть, что за диво дивное привез этот неугомонный тип.

Это было интересное изобретение, последнее слово техники, уникальная камера «Чебурашка», на пульте управления, с особым креплением двух крутящихся камер, которые могли подниматься сколь угодно высоко, на тележке. Возможности! Оператор просто облизывался, вертясь вокруг нее и оглядывая в деталях. Аня постояла и посмотрела, а потом, обходя толпящихся возле камеры людей, нос к носу столкнулась с Тимофеем. Он легонько улыбнулся и прошел мимо. Она почувствовала некоторое разочарование. Ну что ж...

По рации раздалась команда:

— Внимание, группа! Собираемся на площадке.

Пора было работать. Подойдя к вагончику, Аня поняла, что здесь что-то неладно. Женя сама не своя выскочила ей навстречу.

— Ань, там Наташа опять напилась!

— Да ты что! — ахнула дочь. — Это катастрофа! И когда она успела?

В рации раздавались команды:

— Актеры на площадке! Приготовились к репетиции.

Женя метнулась туда:

— Мне надо бежать! Что делать?

Аня тотчас мобилизовалась:

— Иди, я постараюсь ее не выпускать.

С Наташей это случалось не часто, но если случалось! Так вроде бы женщина вполне интеллигентная, но стоит ей напиться — все! Ругалась, как сапожник, орала непристойные песни, лезла в драку.

И вот следом за Женей из вагончика вывалилась Наташа.

— Ты куда? — остановила ее Аня.

— На воздух! — Наташа оттолкнула Аню и направилась к буфету. Здесь

обычно собирались покурить, попить горячего чаю или кофе с печеньем.

— Тань, иди сюда, согреемся! — заорала Наташа второму гримеру. Та спешила к актеру и отмахнулась:

— Сейчас будет «мотор»!

— Какой, на..., мотор! Намоторились уже! — орала ей вслед Наташа. — До дыр, блин!

Аня испуганно осмотрелась. На них оглядывались. Худо, если увидят продюсер или режиссер.

— Наташа, давай пойдём к нам. Там тепло, покурим... — Аня пыталась поднять ее со стула, но одной ей явно это было не под силу. Наташа сопротивлялась и, более того, начинала еще пуще ругаться. Все больше людей из группы оглядывалось на них. Аня была в отчаянии. Силясь приподнять Наташу, она услышала за спиной:

— Я помогу вам.

Пьяная гримерша воскликнула:

— О, мужчинка! — и позволила поднять себя со стула, тотчас облапив Тима.

Он приобнял ее и повел в костюмваген. Аня отправилась следом. Тимофею удалось усмирить Наташу, уложив на диванчик, где она как-то вдруг уснула. Что значит мужчина, подумала Аня.

— Накройте ее чем-нибудь, — Тим только теперь взглянул на Аню.

— Да, конечно, — смущаясь и удивляясь себе, она взяла чью-то меховую куртку и набросила ее на Наташу.

Тимофей не задержался в вагончике.

— Хотите чаю? — запоздало спросила Аня, когда он спускался по ступенькам.

— Нет, спасибо, — ответил Тим и поспешил на площадку.

Ей тоже следовало идти туда. Мало ли что может понадобиться. Там, конечно, мама и Маша, справятся, но надо контролировать процесс.

Из рации донеслось:

— Мотор!

— Мотор идет!

— Камера! Начали!

О предложении зеленоглазого Аня совсем забыла, а напрасно.

Глава 5

Ужин с «вампиром»

Прозвучала самая любимая фраза киношников:
— Всем спасибо. Смена окончена.

Народ разъезжался по домам. Немного проспавшуюся Наташу уже отправили на машине. Аня послала маму получать вызывной, сама собрала сумки со стиркой на дом. Когда она, захватив букет, подаренный зеленоглазым, вышла из вагончика, осветители уже почти погрузили приборы. Тимофея нигде не было видно. Поджидая Женю, Аня присела покурить.

— Княжна и курит аристократично! — услышала она и вздрогнула.

Рядом стоял зеленоглазый. Он улыбался и протягивал ей руку. Аня, поколебавшись, подала ему свою и поднялась со стула. Уже стемнело, и плохо было видно его глаза, но Аня помнила, что в первый момент они поразили ее странным свечением.

— Едем? Карета подана, — незнакомец сделал приглашающий жест.

Аня невольно покосилась в сторону «светиков».

— Я жду Женю, чтобы ехать домой. У нас сумки... Да и одета я не совсем подходяще...

— Подойдет! — не унимался зеленоглазый. — А Женю с сумками мы завезем по дороге.

Что еще было сказать?

— Я даже не знаю, как вас зовут, — пробормотала она, мучительно колеблясь.

— Артем! — тотчас откликнулся тот. — Так что, отправляемся?

Он подхватил сумки и направился к машине. Тут и Женя подошла.

— Нас доведут, — сообщила ей Аня и указала взглядом на Артема, открывавшего багажник новенькой иномарки.

Женя удивилась:

— С чего бы?

— Он пригласил меня в ресторан. — Аня говорила тихо, чтобы Артем не слышал. — Никак не могу решить, идти или нет.

Женя шепнула:

— По дороге решишь. Мы ведь сначала к нам заедем?

— Ну да.

Они обе сели назад, а водитель с любопытством посматривал на них в зеркало заднего вида. «Какие все же глаза необыкновенные!» — в который раз подумала Аня. Что-то подобное думала и Мордвинова. На ее взгляд, сидящий за рулем мужчина относился к разряду оригиналов, людей с электрической искрой, мыслящих нестандартно и свободных в своих проявлениях. Внешность, верно, соответствовала внутреннему облику: глаза с чертовщинкой, улыбка до ушей, но за всем этим чувствовалась железная воля.

Машина забралась на горку, где в двух шагах от Третьего кольца и Кутузовского проспекта располагался микрорайон Потылиха. Остановились возле одноподъездной высотки, стоящей несколько на отшибе.

— Поедешь? — спросила Женя, пока Артем добывал сумки из багажника.

— Поеду. Ты кинешь вещи в стиральную машину? Это на завтра. Я вернусь,

развешу.

— Конечно.

Артем остановился в ожидании у распахнутой дверцы, готовясь посадить пассажирку на переднее сиденье, возле водителя.

Целуя дочь на прощание, Женя шепнула:

— Я запомнила номер машины!

Отказавшись от помощи Артема, она потащила сумки к подъезду.

Аня улыбнулась и скользнула на сиденье автомобиля. С опозданием подумала, что надо бы помочь маме донести сумки до квартиры. Впрочем, до лифта она дотащит без проблем, да и не такой уж тяжелый груз.

— У вас можно курить? — спросила Аня, доставая сигареты.

— Вам все можно, — ответил Артем, выруливая на узкую дорогу, идущую через весь микрорайон.

— Это ваша мама? — неожиданно спросил он после небольшой паузы.

Мать и дочь не афишировали на площадке свое родство, однако лгать не было нужды, и Аня ответила:

— Да, а как вы догадались?

Артем хмыкнул:

— Несложно, — и тотчас спросил: — И вы вместе живете?

— Да.

— На каком этаже?

— Четвертом, — рассеянно отвечала Аня, думая о своем.

— А квартира?

— Двадцать первая, — сказала она и поняла, что выдала целиком свой адрес.

— Счастливое число, — произнес Артем как ни в чем не бывало.

Аня повернулась к нему и внимательно всмотрелась в лицо, вернее, в убедительный мужской профиль. Тревожное чувство не покидало ее. Вдыхая дым любимых сигарет, она пыталась понять причины тревоги.

Наверное, такое случается, когда мы сталкиваемся с непонятными явлениями. Защитная реакция. Так, на всякий случай. Этот мужчина мне непонятен, он не укладывается в известные типажи, поэтому тревожно. И... интересно. Интригует, как любая загадка.

— Итак, княжна, это ваше основное занятие? — Артем выехал на Третье кольцо и свободнее вздохнул. Там машин было пруд пруди, но движение не останавливалось.

— Вы имеете в виду кино? — не поняла вопроса Аня.

— Костюмы, костюмерный департамент. Это ваше призвание?

В его голосе ей почудились ехидные нотки.

— Вообще-то я рисую! — неожиданно для себя она выдала свой секрет.

— Костюмы?

И опять ей почудилось, что он смеется. Аня рассердилась.

— Почему обязательно костюмы? Кино — это заработок. Ведь надо на что-то жить. Меня же никто не кормит!

— А что же муж?

— Я не замужем.

— Вот это удивительно! — ухмыльнулся Артем.

— Знаете! — вскипела Аня. — Я не собираюсь выходить замуж только для

того, чтобы меня кто-то содержал! И вообще никогда, ни у кого, ничего не прошу.

Артем коротко взглянул на нее и улыбнулся:

— Ну да, «сами придут и все дадут». А в вас есть, есть что-то от ведьмы!

Аня не знала, как расценивать сказанное: как комплимент или как обидный выпад, однако в глубине души почувствовала себя польщенной...

— Вот и приехали, только где бы нам встать?..

Артем долго искал место парковки, которого возле ресторана почему-то не предполагалось. Пришлось заехать в соседний переулок и оставить машину там. «Господи, как здесь, в центре, люди выживают?» — мимоходом подумала Аня.

К вечеру сильно похолодало, дул ледяной ветер и пронизывал до костей. Пока они дошли до помпезного ресторана, занимавшего целый особняк, Аня изрядно промерзла. К тому же она не надела шапки, полагаясь на свою пышную шевелюру, и теперь раскаивалась. Впрочем, после неуютта и холода улицы внутренность ресторана, решенного в стилистике дорогого трактира конца 19 века, показалась на редкость заманчивой.

У входа их встретил натуральный половой в белой рубахе с черным фартуком и салфеткой на сгибе локтя.

— Добрый вечер. Прошу вас.

Он провел гостей на второй этаж, где стояли дубовые столы, накрытые крахмальными скатертями, где стены были отделаны темным деревом, а бар воскрешал в памяти что-то из Шмелева или, на худой конец, фильм «Трактир на Пятницкой». Натуральный трактирщик сидел за стойкой, перетирая стаканы, и следил за происходящим в зале.

Артема здесь знали, знали его вкусы, поэтому не задали ни одного вопроса, усадили за столик возле окна с видом на Храм Христа Спасителя и так же безмолвно подали меню. Аня с любопытством полистала пластиковые страницы, удивилась ценам, в разы превосходящим цены тех заведений, которые обычно посещала она. Выбор блюд тоже впечатлял, и это была преимущественно русская купеческая кухня. Артем подозвал «полового» и сделал заказ, не справляясь с пожеланиями спутницы.

— Уверен, вам все понравится, — пояснил он.

— Здесь можно курить? — спросила Аня.

Артем тотчас подозвал «полового» и велел принести пепельницу. Официант секунду колебался, но, ни слова не сказав, исполнил приказание.

— Итак, вы рисуете, — вернулся Артем к разговору, начатому в машине. — И что это?

Аня достала сигарету и закурила.

— Портреты, впечатления. Как сказать?.. — Она пожала плечами.

— Это надо видеть, да? — подхватил ее собеседник. — И можно будет посмотреть?

Аня не любила, когда на нее давили, она начинала сопротивляться.

— Да посмотреть-то особенно нечего. Так, самодеятельность...

— И все же.

По счастью, принесли напитки и закуски, и они отвлеклись на еду. Потом подоспело все остальное. Салаты были вкусные, мясо волшебное. Они пили вино, которое тоже очень нравилось Ане, всегда всем спиртным напиткам

предпочитавшей вино. В зале всего два столика были заняты, приглушенный свет создавал особую атмосферу интимного разговора, вино расслабляло после напряженного трудового дня. Аня решила задать давно интересующий ее вопрос:

— А чем вы занимаетесь?

— В кино? Или вообще? — улыбнулся Артем, и в зеленых глазах его вновь вспыхнули странные огоньки.

— И то, и другое.

Вместо ответа Артем налил в бокалы вино и предложил:

— На брудершафт, чтобы больше не «выкаты»!

Вот чего Аня терпеть не могла, так это всякие такие штуки, да еще с поцелуями! Она поспешно поднесла бокал ко рту, выпила и сказала:

— Согласна не «выкаты»!

Артем, готовившийся пить брудершафт по полной форме, усмехнулся и тоже просто хлебнул вина.

— Так почему ты до сих пор не снимаешься? — задал Артем неожиданный вопрос.

— Я не актриса, — пожалала плечами она. — Каждый должен заниматься своим делом.

Аня охмелела, а когда она изрядно напивалась, то почему-то начинала говорить с неизвестным акцентом. И теперь она медленно, как иностранка, стала объяснять Артему, что вовсе не собиралась никогда делаться актрисой. Это не для нее, а сегодняшняя эпизод — лишь уступка режиссеру. Он молодой, это его первый фильм, который рождается мучительно, с трудом. Однако Леша — талантливый режиссер, это очевидно. Ему не все равно, какого качества будет фильм, во всем он добивается точности, подлинности. И требует того же от других, а прежде всего — профессионализма.

— А княжна, часом, не влюблена в молодого режиссера? — лукаво поинтересовался Артем, и глаза его засветились в полумраке.

«Как у вампира!» — подумалось вдруг Ане, не сразу осознавшей суть его вопроса.

— О нет, — протянула она. — Я просто хочу ему посылно помочь. Он молодец, старается. Леше очень трудно. Подобрать команду профессионалов очень трудно сейчас. Везде дилетанты, вот как я. Профессионалы дорого стоят, у них есть профсоюзы, у каскадеров там или у операторов. С ними приходится считаться. А непрофессионалам можно меньше платить, тем более гастарбайтерам. Вот мы и имеем, что имеем. Не кино, а одно дерьмо!

Артем рассмеялся:

— А тебя интересно послушать!

Они еще выпили, акцент Ани усилился.

— А самое отвратительное в этой истории знаешь что? — продолжила она свой спич. — Что кино стало продюсерским. А продюсеры кто?

— Кто? — азартно подхватил Артем.

— Те же дилетанты, а еще хуже — самолюбивая посредственность, упивающаяся своей «гениальностью»! У них же деньги, они власть! Везде суют свои носы, режиссеру ни шагу не дают ступить. А что ему, бедному, делать в таких условиях? Все-то они знают, во всем разбираются, прежде всего, в умении продать товар. И что мы в итоге имеем?

— Что?

— Думаешь, произведение искусства? Или, на худой конец, хорошее кино? А хрен вам!

Артем внимательно слушал.

— И что мы имеем? — спросил он без гаерства.

— Товар! Продукт имеем. Причем малосъедобный, содержащий ГМО, от которого тошнит и происходит генная мутация.

— Это как? — заинтересовался Артем.

— Да что тут непонятного? — едва владея языком, ответила Аня. Запал кончился, она почувствовала усталость и внутреннюю пустоту. — Идиотов плодим, зрителя своего не уважаем. Впрочем, все как везде...

Она умолкла, огляделась.

— Я на секундочку.

Прихватив сумочку, направилась в туалет, который поразил ее мраморной и малахитовой отделкой, стерильной чистотой и потрясающей сантехникой. Перед выходом моя руки, Аня посмотрела в зеркало и осталась недовольна собой: круги под глазами от недосыпа, нездоровая бледность, болезненная худоба... Эх!..

— Значит, продюсеры виноваты? — вернулся к разговору Артем, когда она заняла свое место за столиком.

Подали десерт: что-то сложное из взбитых сливок и ягод.

— Да что говорить! — вздохнула Аня, ковыряясь в креманке. — Говорим, а изменить ничего не можем. Вынуждены участвовать в этом безобразии, потому что всем надо что-то есть...

— А режиссеры — профессионалы? А сценаристы? — вдруг загорелся Артем. — Днем с огнем не сыщешь хороший сценарий! Знаешь, что сейчас снимают? Написанное в конце 80-х — начале 90-х, когда кино было в упадке, студии ничего не производили и потихоньку разваливались. Да, достают из архивов морально устаревший, но крепкий материал и снимают!

— У меня есть сценарий, — Аня неожиданно выдала еще один свой секрет. — Он, конечно, сырой, еще работать и работать...

Она вдруг совершенно отрезвела:

— Артем, пора домой, завтра смена в восемь.

Артем подозвал «полового» и попросил счет. Пока их рассчитывали, они молчали под впечатлением разговора и от усталости. Артем первый нарушил молчание:

— Чтобы ты не думала, что все так плохо, я как-нибудь покажу тебе хорошее кино.

Он вложил купюры в книжечку с поданным счетом и предложил Ане руку. Пока они одевались, Артем говорил:

— В одном ты права: кино перестало быть кастовым и стало открытым для всех талантливых людей. Зрителя не обманешь, ты зря его недооцениваешь. Просто массовое кино и произведения искусства — разные вещи.

Они вышли в промозглый ноябрь, потопали в переулок, где оставили машину. Аня зарылась подбородком в воротник пуховика. Она часто мерзла, теперь даже вино ее не согрело. А ее спутник в элегантном пальто с шарфом, завязанным по-французски, прямо шагал, подставив лицо ветру, и продолжал говорить:

— Ты думаешь, на Тарковского ломилась публика? Десять, от силы двадцать человек на весь огромный кинотеатр. По рядам катались бутылки. Люди уходили с сеанса, оставалось человек пять, пришедших именно на Тарковского. Это на «Сталкере», мне рассказывали свидетели. Фильмы Тарковского получали вторую категорию: их показывали в Домах культуры и в отдаленных кинотеатрах. А народ ломился на «Белое солнце пустыни» или на «Иронию судьбы»!

Наконец-то тепло! Воздух в машине быстро нагрелся, Аня блаженно расслабилась и прикрыла глаза. Безумно хотелось спать. Она, верно, и задремала, потому что не заметила дороги до дома. Очнулась, когда мотор заглох. Выглянула в окно и увидела собственный подъезд. На кухне горел свет.

Артем выскочил из машины, открыл перед ней дверцу и подал руку.

— Спасибо за вечер, — сказала Аня. Ей захотелось еще раз посмотреть в его «вампирические» глаза. Лишь секунду дольше, чем следовало, она задержалась возле Артема, и он истолковал это по-своему. Обнял и прижал Аню к себе, жестко и требовательно нашел ее губы и припал к ним в каком-то лихорадочном поцелуе. Изумленная его напором, Аня не ответила на поцелуй. Он отстранился, взглянул на жертву и медленно опустил руки.

— Ты очень торопишься, — сказала Аня, желая смягчить ситуацию, и ласково поцеловала его в щеку.

В свете фонаря она увидела, как блеснули его глаза.

Глава 6

Дамы приглашают кавалеров

Пригласив киевского поклонника на юбилей, Мордвинова не подумала, что его придется где-то размещать. Сашка сообщил, что приедет на три дня, иначе просто не успеет отдохнуть от дороги: он ведь за рулем. Да и пообщаться хочется. И что же делать, где его поселить в их крохотной квартирке? Ясно, что не у Ани, там негде яблоку упасть. Бедняжке нужна мастерская, чтобы разместить все необходимое: мольберт, картины, краски, швейную машинку, манекен, вешала с одеждой, не говоря об остальном. И работать где-то надо... Большой вопрос.

Женя предлагала дочери занять большую комнату, где она сама обитает, но Аня отказалась.

— В доме должна быть гостиная! — сказала она.

Женина комната и есть гостиная. Выходит, гостя придется поселить у себя. Не класть же его на кухонный диванчик, неудобно во всех смыслах. Утром на работу, надо кофе выпить, а тут — «мужчина чужой, ах стыд какой!»

Припомнив задуманное, Женя испугалась сама себя. Неужели решусь? А если нет, то все, значит, старуха и место мне в богадельне, а не в кино! А ведь в кино работает столько разных мужчин! Аня сразу ей сказала, когда уговаривала пойти костюмером, что нигде не встретишь столько интересных людей, как в кино. И мужчин, в частности (актеров в расчет не берем — не мужчины). Правда, добавила дочь с невеселой усмешкой, они все женаты...

Накануне юбилея Женя договорилась с костюмером Олей, которая иногда ее подменяла и получала деньги сразу за смену, что та поработает три дня. До юбилея, в день юбилея и после юбилея. Как раз те три дня, которые здесь про-

будет Сашка.

Итак, сегодня вечером он приезжает. Смена окончится в восемь, пока разденем актеров, массовку, уложимся, не раньше девяти освобожусь. Женя забралась в вагончик погреться. Когда же, наконец, павильонные съемки? Так и околеть можно! В костюмвагене, как всегда, сидели гости: «светики» и звукеры. Один из звукеров особенно раздражал Мордвинову. Ленивый донельзя, ворчун и сплетник в придачу. Попросишь заправить микрофон, чтобы не топорщился, под рубашку актеру, так все на свете проклянешь. Мало того что о себе все узнаешь, так он еще два часа будет тянуть и недовольно ворчать, пока всю душу не вымотает. Легче самой все сделать, да ведь это звук, его работа, мало ли что там непосвященный может натворить.

Женя не любила, когда плохо работали. Если уж берешься, так делай качественно, с умом. Но в кино, как и везде, тоже хватает халтурщиков и просто тусовщиков.

Смена подходила к концу, Женю ожидал маленький отпуск в три дня. А вот Аня, бедняжка, будет работать и в ресторан придет после смены, вместе с гостями. Мордвинова выглянула из вагончика, поискала глазами дочь. Опять возле нее тот, зеленоглазый! Пригласить его на юбилей, что ли? Из группы званы гримеры с костюмерами, режиссер Леша, администратор, второй режиссер, «хлопушка» и кто-то еще. Все-таки группа у нас подобралась неплохая, подумала Женя. Она попыталась вспомнить, сколько мест Света заказала в ресторане, но решила, что можно, если что, внести изменения.

Между тем Аня впервые встретила с Артемом после ужина в ресторане «Кураж». Он опять появился на площадке внезапно, в конце смены. Этот день принес смятение в душу Ани. Ухаживания Артема имеют вполне определенную цель, это очевидно. Однако она пока не могла ответить себе на вопрос, хочет ли сближения. Артем ее интриговал, возможно, сознательно: так и не ответил на вопрос, чем он занимается. Его глаза завораживали и волновали. Однако не хотелось спешить. Аня устала от поверхностных, коротких отношений, а на глубокие еще не решалась, пережив сильную боль при расставании с оператором Андреем. «И все же надо на что-то решаться, ведь я невольно делаю авансы, принимая ухаживания Артема, не отталкивая его. О, тоска...»

Она размышляла весь день, а к вечеру была измучена, словно разгрузила в одиночку огромный контейнер с костюмами. Она присела покурить, пока доснимали сцену. Привычно покосилась в сторону осветительных приборов в поисках знакомой банданы. Однако Тима там не было. Вертя головой по сторонам, Аня приподнялась со стула, и вдруг перед ней откуда-то из воздуха материализовалась коробка дорогого бельгийского шоколада.

— Я не могу это взять, — не оглядываясь, проговорила Аня.

— Можешь, потому что это вкусно! — Артем высунулся из-за спины и неожиданно чмокнул ее в щеку. Аня отметила краем глаза, что «светики», выбравшись из костюмвагена, поглядывают на них и глумливо хихикают.

— Артем, — решительно начала было Аня, но зеленоглазый уже спешил к режиссеру.

— Вика! — окликнула она «хлопушку», жующую бутерброд. — Скажи, вот этот в пальто, он что, новый директор группы?

— Да ты что, не знаешь? — Девушка удивленно вытаращила глаза. — Это же генеральный продюсер Артем Ненашев!

Вот это да! А я там, в ресторане...

— А я уж думала, маньяк! — пошутила подошедшая Женя.

— Дай-ка вызывной! — попросила у нее дочь. Аня изучила список группы и нашла вверху, над списком: «Генеральный продюсер фильма — Артем Ненашев».

И тут она увидела Тимофея. Тот направлялся к ним вместе с Сашей Дроновым. Опять трюки! У Ани упало сердце. Она угадала.

— Переодеваемся! — весело сообщил Саша, а Женя проворчала:

— Ну вот, в самом конце смены! — но повела их в костюмваген.

Аня отправилась следом.

— Почему бы не вызвать каскадеров? — спросила она возмущенно.

Снимая гимнастерку, Дронов ответил:

— Неожиданный режиссерский ход! Непредвиденные изменения в сценарии.

Тимофей молча снял куртку и свитер, и Аня снова восхитилась красивой лепкой его тела. Поспешно отводя глаза, покраснела, словно застигнутая на чем-то постыдном. Господи, она ли не видела в этом вагончике всяких тел!

И вот что всегда удивляет: чем известнее и профессиональнее актер, тем он скромнее в запросах и приятнее в общении. Так мимоходом подумала Аня, помогая Жене переодевать героя.

— О, а я пока чайку у вас попью! — воскликнул Саша, схватившись за коробку бельгийского шоколада. — Замерз, как собака.

Тим готов. Последнее — это фуражка Дронова, под которую нужно заправить длинные светло-русые волосы. Аня вынула из своей прически заколки, привстала на цыпочки, убрала волосы и закрепила фуражку на голове Тима. Волосы были тяжелые, прохладные на ощупь и шелковистые... Во время всего этого действия Аня силилась не смотреть ему в лицо.

— Костюм, ну что там? Готовы? — Режиссер недовольно ворчал по рации.

Аня ответила:

— Все готово! Леша, а где же каскадеры? Сколько можно?

— Разговорчики в эфире! — отшутился режиссер.

О, эта мука! Не надо было, конечно, смотреть, но Аня в каком-то самоистязательном порыве отправилась вслед за Тимом на площадку. Пока снимали трюк, ее трясло, как в лихорадке. Она закусывала губы, чтобы не кричать, и закрывала глаза. Однако не уходила: ей надо было увериться, что Тим жив и не покалечен. В какой-то момент, забывшись, она невольно залюбовалась мужской грацией и отточенностью его движений, но не было сил смотреть, как он прыгает и падает на какие-то доски с большой высоты!

Женя между тем все еще раздумывала, пригласить ли генерального продюсера фильма на скромный юбилей костюмера. Однако он заинтересовался Аней, стоит рискнуть. Вот только как дочь отнесется к этому? Не окажу ли ей медвежью услугу? Следовало спешить: сейчас закончится смена, и все разбегутся по домам, а завтра меня уже не будет на площадке.

Артем сидел у плеейбека с режиссером, они просматривали отснятый материал и ожесточенно спорили о чем-то.

— Да делай как знаешь! — Махнул рукой Артем и вскочил со стула. — Твое кино, тебе и отвечать.

Он отряхнулся, как собака, проворчал:

— Достал, чокнутый гений!

Однако в его голосе не было злости, а на лице воцарилась прежняя безмятежность. Кинув Леше:

— Я на связи, — Ненашев направился к машине.

Тут Женя и настигла его.

— Артем! — позвала она.

Продюсер был еще весь в своих мыслях и автоматически нажимал на брелок, отключая сигнализацию. Кажется, он не сразу узнал костюмера Мордвинову, но когда узнал, улыбнулся приветливо.

— Артем, послезавтра у меня... день рождения, и я хотела бы пригласить вас, — смущенно проговорила Женя.

Ненашев нахмурил лоб, сосредоточенно что-то припоминая, потом спросил:

— Вечером?

— Да, вот... — Женя подала ему визитку ресторана, где все было указано: название, адрес, дата и время праздника.

— Честно скажу, — вертя визитку в руках, проговорил Артем, — ничего не могу обещать. Надо прикинуть, что у меня на этот день. Но — спасибо!

Еще раз улыбнувшись своей обезоруживающей улыбкой, он сел в автомобиль и уехал. Мордвинова мечтательно смотрела ему вслед и жалела, что спрятала свою шикарную прическу под бейсболкой. Да-а, это мужчина, вздохнула она и пошла в вагончик собираться домой. Стирки на сей раз не было, ехали налегке. Оставалось только раздеть дублера и все собрать. Аня просунулась в вагончик:

— Мам, ты можешь ехать домой, я все тут доделаю и соберу на завтра.

Костюмеры да осветители, в основном, раньше всех появлялись на площадке и позже всех расходились. Выставить свет и подготовить к съемкам костюмы надо заранее. А после съемок это снова собрать.

Женя не стала спрашивать Аню, почему она остается. Взрослый человек, у нее своя жизнь. Может, опять идет в ресторан с Артемом. Ах... Мордвинова подхватила по дороге «хлопушку» Вику, и они бодренько поскакали в метро отогреться.

Аня осталась в вагончике наедине с Тимом. Он молча переодевался, а она рассовывала костюмы по местам. Аня волновалась, и руки ее тряслись. Она взвешивала все за и против поступка, который собиралась совершить. Вот уже Тим застегивает куртку. Сердце ее упало куда-то в пол. Внешне спокойная, но немного бледноватая, Аня подошла к мужчине и произнесла как-то чересчур легкомысленно:

— А давайте сейчас пойдем погуляем или выпьем кофе где-нибудь?

Тимофей удивленно воззрился на нее, будто она предложила невесть какую непристойность. Ну и что же он молчит? Аня все на свете прокляла, но не подала виду, что волнуется, деловито роясь в сумке и озабоченно глядя по сторонам, словно боялась что-то забыть.

— Так что же? — не выдержала она пытки молчанием.

— Да, пойдем гулять... — растерянно ответил Тим и открыл перед ней дверь костюмвагона.

Глава 7

Гость из прошлого

Мордвинова решила не говорить Ане, что пригласила на свой юбилей Артема. Скорее всего, он не придет, а ей не хочется схлопотать от дочери за самодеятельность. Вчера Аня вернулась поздно и сразу нырнула в душ, потом легла спать, отказавшись от ужина.

Женя зареклась готовить после смены. Сама не выдерживала и наедалась на ночь, а Аня, которой неплохо было бы чуть-чуть поднабрать килограммов, чаще всего не ужинала, перехватив что-нибудь в городе.

Природа, слава Богу, была к Жене благосклонна, наградив ее спортивной, подтянутой фигурой. Однако с каждым годом становится все труднее поддерживать форму. Приходится себя ограничивать в еде, так или иначе соблюдать какую-никакую диету. Да и для сердца и сосудов это здоровее. Каждое утро Женя делала двадцатиминутную разминку и принимала холодный душ. Все чаще приходилось прибегать к косметике, к разным омолаживающим средствам. Кто бы знал, какой это труд быть женщиной, да еще в ее, Мордвиновой, возрасте! Вот уж воистину: «Быть женщиной — великий шаг, сводить с ума — геройство».

А попробуйте сразить молодого поклонника, который не видел вас десять лет! Для него эти годы — время мужания и становления, а для вас — старения и угасания. Ах, не будем о грустном. Ведь такое изумительное платье ждет своего часа! А какие туфли, украшения. А белье!..

Женя вспомнила о замысле и похолодела на миг. «Неужели решусь?» — уже привычно подумала она, раздвигая кресло, чтобы проверить, можно ли еще на нем спать. Вот-вот приедет Сашка, его надо встретить во всеоружии. Но платье это для юбилея, что теперь-то надеть? Чтобы по-домашнему, не специально и в то же время нарядно и к лицу?

Еще мужчину надо покормить и не так, как едят две женщины, которые перманентно худеют. Ох, забота! Отвыкла я от присутствия в доме мужчины. Как же это хлопотно, однако. Постелить свежее красивое белье. Накормить вкусно и необычно. Понравиться, то есть приодеться так, чтобы усладить взор. Занять беседой, чтобы не скучал. Разве что не сплясать. А то и сплясать, если для дела понадобится! Да, давненько в нашем доме не было мужчин...

Женя присела на краешек кресла и задумалась. Приезжает гость, а я воспринимаю это как тягостную повинность. Наверное, это первые признаки старости. Но-но, вот только не плакать!

Последние дни, занятые работой и подготовкой к юбилею, отвлекли Мордвинову от печальных мыслей о старости и одиночестве. Теперь же, стоило немного освободить голову, они опять подступили и с прежней силой взялись терзать.

Однако некогда предаваться печали, завтра нужно выглядеть сногшибательно! Да уже и теперь: Сашка уже в Москве, где-то на Кольцевой. Женя метнулась к шкафу, быстро перебрала привычные джинсы, брюки, шаровары, всякие штаны, которые она обычно предпочитала юбкам. Да и есть ли у нее юбки?

Она захлопнула шкаф и отправилась в Анину комнату. Дочь тоже для рабо-

ты предпочитала штаны, но в ее домашней костюмерной на вешалах можно было найти все что угодно: самые замысловатые кофточки, роскошные юбки в разных стилях, платья, шарфики и много всего. Размерчики, конечно, небольшие, но в юбку-то, наверное, можно будет влезть.

Аня часто подрабатывала на рекламных роликах в качестве художника по костюмам, а еще иногда сдавала костюмы в прокат. Поэтому почти никогда ничего не выбрасывала, только собирала про запас. Порой могли пригодиться самые неожиданные вещи. В ее домашней костюмерной были не только тряпки, но и зонты, сумки, головные уборы от какой-нибудь повязки до цилиндра.

Передвигая плечики по кронштейну, Женя внимательно разглядывала вещицы. Вот то, что надо! Пышная синяя юбка каскадом, украшенная оборками и тесьмой. Не вычурно, все в меру. А наверх у меня есть голубая маечка (по-домашнему!). На шею любимое ожерелье из бирюзы, на лицо — легкий макияж.

Она еще успела засунуть в духовку мясо по-французски, только с курицей: слоями мелкие кусочки курицы с картошкой и луком под майонезом и сыром. Как раз будет горячая еда к появлению гостя.

Конечно же, он застрял в пробке на Третьем кольце. Женя устала от напряженного ожидания, мясо уже стоговилось и теряло температуру в остывающей духовке. Зазвонил телефон, и Мордвинова вздрогнула, так напряжены были нервы.

— Мам, посмотри в моей комнате, там или нет дроновская рубашка в полочку? Мне кажется, я ее дома оставила.

Женя кинулась искать, но рубашки нигде не было.

— Нет, Ань, не нахожу...

— А! Все, нашли, извини, мам, — Аня отключилась.

Почти сразу раздалась трель домофона. Мордвинова схватилась за сердце, но в трубку спросила спокойно:

— Да?

— Это Александр, — ответила трубка.

Женя нажала на кнопку, присовокупив:

— Четвертый этаж.

Руки ее дрожали, когда она клала трубку на место. Сашка поднимался на лифте. Женя отомкнула замок и слегка приоткрыла дверь. Последний взгляд на себя в зеркало, поправить прическу...

— Ну, здравствуй, это я! — на пороге вырос долговязый мужчина с едва уловимыми чертами сходства с прежним Сашкой.

— Здравствуй! — улыбнулась Женя и пригласила гостя войти.

Сашка положил на пол в прихожей спортивную сумку.

— Ну, дай я посмотрю на тебя! — И он уставился своими прежними серыми глазами, в которых когда-то Женя читала обожание. — Совсем не изменилась. Вот только прическа...

— А ты изменился, — задумчиво произнесла Мордвинова.

— Постарел?

Женя пожалала плечами, разглядывая приятеля. Да, буйная рыжая шевелюра сменилась короткой стрижкой и глубокими залысинами, когда-то пухлые губы сделались тоньше, выступили скулы, подбородок затвердел. Однако эти перемены делали облик Сашки мужественнее и привлекательней.

— Сколько тебе сейчас? — спросила она у этого малознакомого мужчины,

по-прежнему изучающего ее улыбчивым взглядом.

— Тридцать пять.

— Женат?

— Жена и двое детей.

— Ну, проходи, что ж мы стоим? — спохватилась Женя и взялась за его сумку.

И пока Сашка устраивался, принимал душ, Мордвинова сидела на кухне, схватившись за голову, и отчаянно ругала себя за легкомыслие. Что делает этот чужой человек в моей квартире? И что теперь мне с ним делать? Три дня! Женат. Двое детей. Ох, дура ты, Женька, дура!

Мясо по-французски безнадежно остыло, когда Сашка наконец уселся за столом, чисто выбритый, благоухающий парфюмом. Женя заправила салат из свежих овощей оливковым маслом, разогрела в микроволновке еду, поставила тарелку перед Сашкой. Себе тоже немного положила: с утра не ела от волнения.

— Даже не знаю, с чего начать! — проговорил гость с улыбкой и принялся за еду.

А Жене вспоминался Киев, бесконечные прогулки по булгаковским местам, семь пыльных комнат турбинского дома на Андреевском спуске — волшебная сказка, которую ей подарил тогда Сашка, как и она, обожавший «Белую гвардию». Малоподвальная (или Малопровальная?), Владимир с крестом, Подол, Крещатик — прекраснейший город на земле! И невольно всплыло еще одно воспоминание: они с Сашкой шли по Андреевскому спуску, где разместились художники, рисующие портреты и торгующие всякими авторскими поделками и украшениями. Они оживленно болтали, смеялись, поглощенные друг другом. Проходившая мимо пожилая женщина оглядела сначала Сашку, потом Женю с головы до ног и возмущенно пробормотала:

— Совсем с ума сошли!

И пошла своей дорогой.

Потом, когда Мордвинова приезжала в Киев или же Сашка по делам навещался в Москву, он знакомил ее с друзьями и непременно добавлял:

— Женщина, в которую я давно и безнадежно влюблен.

Потом как-то все сошло на нет. Женя давно не была в Киеве, Сашка перестал приезжать в Москву. А жаль, им было так интересно вместе и весело.

Мордвинова поймала себя на том, что думает о человеке, который сейчас сидит перед ней! Нет, это незнакомый молодой мужчина, симпатичный, с какими-то родными глазами. Только-то.

— Ты спроси что-нибудь? — предложил киевский гость.

Женя очнулась. Она сидела над нетронутой тарелкой и вертела вилку в руках.

— Чем ты занимаешься? — спросила и поняла, что задала формальный вопрос.

Однако Сашка воспринял его как должное. Он подробно рассказал о своей работе в еврейском издательстве, где делал на компьютере макеты книг. Да, он был по отцу еврей, Женя вспомнила об этом. Его отец служил фотографом на киностудии им. А. Довженко, однако в воспитании сына участия не принимал, пока Сашка не вырос. Потом, кажется, его родители снова сошлись, ну да Бог с ними!

— А ты? — в свою очередь задал вопрос гость.

— Я? — Женя хотела сказать, что у нее все кончено: завтра юбилей. Будет отмечать прощание с женственностью и переход в разряд старух. Однако сдержалась и произнесла коронную фразу: — Работаю в кино.

— В кино? — Сашка удивился. — Снимаешься?

Женя шутливо перекрестилась:

— Свят, свят, свят! Всего лишь рядовой костюмер. Говорю так обычно, чтобы пыль в глаза пустить.

Она взялась наливать чай, чтобы скрыть нахлынувшую грусть.

— Расскажи о своей семье! — попросила, вернувшись на место.

Сашка ничуть не смутился, не замялся, а принялся говорить с теплотой и улыбкой о жене, которая старше его на несколько лет, о пятилетнем сынишке и крохотной дочке.

Опять появилось непрошеное воспоминание: вокзал в Киеве, московский поезд вот-вот отправится, Светка устала нервничать и давно уже заняла место в купе, а Мордвинова прощается с Сашкой.

— Не торопись жениться! — вдруг заявила она.

— Обещаю! — голос его дрожит.

Она потянулась, чтобы чмокнуть Сашку в щеку на прощание, однако он испугался поймать поцелуй губами. Женя покосилась на проводницу, которая проявляла нетерпение, потрепала Сашкины вихры и забралась в вагон. Поезд тронулся...

— Как Аня? — поинтересовался киевский гость. — Наверное, красавица?

— Увидишь, когда вернется с работы. Вкальываем вместе на одном проекте.

Он тактично не стал спрашивать Женю о спутнике жизни.

И что дальше? Дальше-то что? Рада ли я его видеть? Рада. Решусь ли предложить задуманное? Ох, как непросто, оказывается! Ничего, привыкну к нему сейчас, ведь уже почти вспомнила, почти узнала...

После обеда Женя сослалась на предпраздничные хлопоты (не соврала!) и предоставила Сашку самому себе.

— Я прогуляюсь, посмотрю город, давно здесь не был, — сообщил гость. — Схожу в музей Булгакова в «нехорошей квартире».

Он не стал мешкать, скоро ушел. Женя созвонилась со Светкой, уточнила некоторые детали завтрашнего торжества и сообщила о приезде Сашки.

— Ну и как он? — загорелась любопытством подруга.

— Что ты хочешь услышать? Изменился, конечно. Взрослый мужик, как-никак. Женат, двое детей.

— Ну а с тобой-то как? — не отставала Светка.

— Мило.

— И все?! — разочарованно протянула подруга.

— Свет, а что ты хочешь? Женатый человек приехал к старой московской знакомой, заодно и город посмотреть. Рядовая ситуация. Да что еще может быть?

Она едва не сорвалась в слезы.

— Что ты, Жень, не расстраивайся, — испугалась Светка. — Приехал же. Как это его жена отпустила?

Мордвинова рявкнула:

— Да ей не придет в голову ревновать к старой тетке!

— Ну, зря ты так, Женя, — обиделась подруга. — Я ведь всего на год тебя моложе, но старой теткой себя не считаю!

— Знаешь, — стихла Женя, — Сашка тут ни при чем. Это все завтрашний юбилей и подлец Туринский. Уж не мог выкроить пару часов...

Опять, опять о том же. И опять слезы. Вот уж совсем ни к чему. Ко мне приехал молодой мужчина, а я вспоминаю потасканного гения, в трудный момент бросившего меня на произвол судьбы!

Однако как же быть с этим молодым мужчиной?

Глава 8

На поле боя

Был тяжелый день: пятьдесят человек массовки. Снимали в Подмосковье, на поле, продуваемом всеми ветрами. Сложнейший грим: нужно было показать жертв воздушного налета, мертвые тела. Аня с Олей и Машей с ног валились: фактурили костюмы, пачкая их и заливая киношной кровью, одевали массовку, застегивая бесконечные пуговицы и затягивая ремни.

Погруженная в работу, которая, казалось бы, не оставляла места ни для чего другого, Аня прокручивала в памяти вчерашний вечер, мысленно перебирая каждый жест, каждое слово, сказанное Тимом.

Аня всегда считала, что мужчина должен быть активной стороной в отношениях. Конечно, в наше время это атавизм, нынешние женщины сами решают, чего и кого хотят, и добиваются этого. Оттого представители сильного пола сделались слабым полом. Однако есть все же в этом какая-то ненормальность.

Должна ли женщина делать первый шаг? Навязывать себя понравившемуся мужчине? Обычно Аня предпочитала, чтобы ее внимания добивались, завоёвывали ее расположение.

То, что произошло с ней вчера, выходило за рамки привычной модели поведения. Она сама пригласила мужчину гулять, а потом завела в кафе, когда они окончательно продрогли на ноябрьском ветру. Амазонка, твою мать.

Но ведь бывают случаи, говорила она себе в оправдание, когда люди от нерешительности упускают шанс обрести счастье, по глупости пропускают главное в своей жизни. И часто это бывает необратимо. Уж лучше прослыть отвязной эмансипе, чем чувствовать раскаяние от потери единственного шанса на любовь.

Она многое узнала об этом человеке с первых же минут. Когда они гуляли в старинных, еще не изувеченных переулках Китай-города, Тим рассказал о себе. Он приехал из северного городка, где осталась его мать-пенсионерка, всю жизнь проработавшая на заводе. Отец в одночасье сгорел от рака. Непростой был человек, хотя и работяга с завода. Знал несметное количество стихов наизусть, был философом и мечтателем.

Окончив музыкальную школу по классу гитары, Тим мечтал стать музыкантом, что-то сочинял. Однако его юность пришлась на бандитские девяностые. Жить в нефтяном городке в ту пору было просто опасно: убийства, драки, беспредел. Люди как с цепи сорвались. Тиму довелось побывать в разных переделках прежде, чем он вместе с приятелем-земляком уехал в Петербург учиться. Потом они перебрались в Москву жить и работать.

Он умен, это для Ани одно из важных условий привлекательности мужчины. Талантлив — это она ценила в первую очередь. Красив по-мужски, без смазливости. Внешняя брутальность сочеталась в нем с тонким артистизмом души и недюжинной образованностью.

Когда они вошли в кафе и устроились за столиком в зале для курящих, Аня еще раз обрадовалась тому, что Тим курит. Этому факту она тоже придавала значение. Не всякий мужчина разделит и поймет ее пристрастие к курению.

Заговорили о книгах, и Аня еще раз обрадовалась родству.

— Вы тоже читаете Гаэтана Суси? Здорово! — восхитилась Аня, и они наперебой заговорили об оригинальном авторе, выдумщике и фантазере.

Тим оказался весьма начитанным, прекрасно знал современную литературу. И не только модных авторов, книги которых издавались большими тиражами и которых читали все продвинутые интеллектуалы. В его речи фигурировали имена редкие, Мирче Элиаде, например.

Пиршество духа, иначе Аня не назвала бы их беседу. Она вновь и вновь хвалила себя за то, что решилась-таки предложить малознакомому мужчине эту прогулку...

— Девочки, костюм! Массовка готова? — раздалось из рации.

— Еще секундочку, — ответила она второму режиссеру, подбирая шапку для мужчины из массовой.

Фу-у! Все, наконец-то можно передохнуть и перекурить. Аня достала сигареты и в поисках спокойного местечка отошла подальше от площадки, оставив там костюмеров. Привычно искала глазами Тима, но подходить к нему не стала. После последнего романа она не любила афишировать свои отношения в группе. Тимофей тоже взглянул в ее сторону и тотчас отвернулся. Он все понимает без слов. Тим тоже закурил в этот момент, и ей казалось, что они вместе.

Но что же дальше? Будет ли продолжение? Тим явно не из тех, кто падок на интрижки. Нужно ли насиловать ситуацию или же пустить все на самотек: как будет, так и будет? Однако не решилась она вчера, не было бы этого удивительного вечера. И сложится ли еще, если она не станет проявлять инициативу?

Может, пригласить его сегодня на мамин юбилей? Женя предлагала дочери прийти с кавалером. Мысли ее перенеслись домой, где осталась мама. Она так волновалась перед юбилеем, что спала с лица. Правда, она и не ест ничего уже несколько дней, говорит, надо немного разгрузиться. Какая мама молодец, что послушалась и сделала себе новую прическу! Выглядит элегантно, молодо. Конечно, она убирает волосы в хвостик на работе и дома, когда занята делами, но когда распускает, это здорово! Она сразу как-то изменилась...

Аня вспомнила, что у Жени гость из Киева, которого она знала чуть не с детства. Надо же, приехал, столько лет не виделись! Впрочем, Аня его так и не увидела: вернулась поздно, когда он уже спал, а на работу ушла в шесть утра, когда он еще спал.

Она не заметила, как рядом с ней на бревнышке пристроилась «хлопушка» Вика, и вздрогнула, когда та заговорила:

— Слушай, генеральный-то зачастил на площадку! Раньше я его и не видела никогда и знать не знала. Это из-за тебя, что ли?

— Почему из-за меня? — пожалала плечами Аня. — Вот уж делать нечего ге-

неральному продюсеру! Он к Леше приезжает. Аппаратуру привозил.

Вика неопределенно хмыкнула, мол, знаем мы вас, но Аня не рассердилась. Ей самой любопытно, отчего это зачастил на площадку генеральный продюсер. Однако сегодня, в поле, приехать все же не рискнул. А может, надобности нет.

Артем был интересен ей с определенной точки зрения. Аню завораживали его зеленые глаза, ей хотелось нарисовать их. Сможет ли она передать особое их свечение и чертовщину, уловить этот взгляд, кажущийся опасным, «вампирским»? Эта загадка манила ее. Как художника. Интересно, удобно ли будет попросить его позировать для портрета?

— Слушай, надо будет перед рестораном-то себя в порядок привести, — хлопотала Вика, — а когда? Смена поздно закончится, да еще доехать надо до города...

Вика не ошиблась, смена закончилась в восемь, однако их обещал довести до Москвы водитель костюмвагена. Понимая, что время уходит, Аня выбрала момент и подошла к Тимофею, собравшемуся уезжать с группой на автобусе.

— Сегодня у моей мамы день рождения. Не хотите ли поехать со мной в ресторан, там много наших будет?

Тимофей секунду подумал и ответил:

— Сегодня не могу. Передайте маме мои поздравления.

Так они и расстались. Аня силилась делать вид, что ничего особенного не произошло. Ну, мало ли какие у человека дела? Да ему, наверное, и неудобно являться без приглашения юбилярши, без подарка...

И все же она чувствовала некоторое разочарование. К усталости и недосыпу прибавилось испорченное настроение.

Глава 9

Как быть красивой

А Женя в этот день проснулась с особым чувством бодрости и готовности к действию. Это важно в такой ответственный момент. Вообще важно все. Какая, например, погода ожидается. В ноябре хорошо выглядеть и без того мудрено, так вот если намечается дождь или снег, значит, попухнешь без вариантов. Если солнечно, есть шанс проснуться без отеков под глазами. Важно накануне не пить и не есть несколько часов до сна. Соблюдая эти нехитрые правила, Мордвинова вчера отказалась не только от ужина, но и от задушевного чаепития с Сашкой. Просто посидела с ним, пока он делился впечатлениями от увиденного, уписывая салат и пюре с сосисками.

Вскочив с кровати в подаренной Аней красной атласной пижаме, Женя прошествовала мимо спящего на кресле Александра. Жаль, не получится сделать зарядку. Присутствие мужчины в доме создает столько ограничений! А размяться ой как не мешает: от утренней гимнастики зависит твое самочувствие в течение всего дня. Но места к комнате нет, да и не махать же ногами перед носом спящего. Остается только холодный душ, он тоже весьма бодрит.

Мордвинова заглянула в кухню, достала из морозилки кубик льда и скрылась в ванной. Там критически осмотрела себя в большом зеркале над раковиной и умылась, протирая лицо кусочком льда, пока он не истаял. Кожа порозовела и подтянулась. Судя по состоянию лица, дождя и снега не предвидится. Хоть в этом повезло. Конечно, отеки связаны не только с погодой, но и с состоянием сердца и почек. В любом случае, пока все идет хорошо!

Воду обычно приходится долго пропускать, пока не пойдет очень холодная или вовсе ледяная. В который раз Женя подумала, что надо ставить счетчики, а то приходят какие-то астрономические счета. Но в таком случае позволит ли она себе такие вольности с водой?

Дождавшись нужной температуры, Мордвинова нырнула под душ. С наслаждением приняла на тело тугие ледяные струи, таким образом вся облилась, потом включила теплую воду, помылась и снова — ледяной душ. Все, теперь можно жить!

Головой займусь ближе к вечеру, надо будет помыть волосы и уложить в прическу. Женя вытиралась и прислушивалась, что делается в комнате. Кажется, гость еще спит. Она нанесла на лицо легкий, утренний макияж, чтобы не испугать бывшего поклонника своим первозданным видом. Однако по привычке она не взяла с собой ничего, чтобы переодеться. Пришлось возвращаться в комнату в пижаме, рыскать по шкафам. Стараясь двигаться бесшумно, Женя с ворохом одежды и белья направилась одеваться к Ане в комнату.

Она сильно вздрогнула, когда Сашка вдруг взял ее за руку и придержал.

— Какая ты красивая, — томно пробормотал он. — Поздравляю с Днем рождения!

Мордвинова машинально высвободилась.

— Подымайся, завтракать будем, — произнесла она с фальшивой бодростью и скрылась в Аниной комнате.

Поспешно одеваясь, она ругала себя на чем свет стоит. Забыла, для чего позвала Александра? А как же задуманное? Сашка облегчает задачу, а я в своем

репертуаре. Однако где-то в глубине сознания пронеслось: «Женат. Двое детей...» И что? Я же не собираюсь уводить его из семьи или снова привязывать к себе. Мне совсем немного от него нужно.

Она услышала, как скрипнула дверь туалета. Гость поднялся, надо идти на кухню и заняться завтраком. Женя понимала, что сознательно оттягивает исполнение задуманного. Ничего, впереди еще ночь и целый день. Да и вечер в ресторане, куда она пойдет с Александром, назначенным в кавалеры.

За завтраком они молчали, кажется, кавалер был смущен. Нет, так мы ничего не добьемся. Женя решила ободрить гостя.

— Саш, я на тебя рассчитываю. У меня нет сопровождения, а кто-то должен за мной ухаживать в ресторане, угождать, быть рядом, даже когда все гости перепьются. Ты готов взять на себя эту миссию?

— Конечно! — тотчас откликнулся Сашка. — Можешь полностью располагать мной. Вот только... Я нужен тебе сейчас? У меня были кое-какие планы.

Женя успокоила:

— Ты можешь явиться прямо в ресторан к восьми часам. Нас со Светкой туда отвезет ее водитель.

Все, наконец, одна! Можно расслабиться, посидеть в тишине, настроиться, подумать, морально подготовиться к вечеру.

Было чувство, будто ей предстоит замуж выйти, не меньше. Мордвинова так много думала об этом событии, что оно сделалось мифом, чем-то сакральным, вроде обряда инициации. Ну да, переход к старости — тоже скачок через барьер, последний, вниз...

Женя встряхнулась: только не слезы! Нет, сейчас я возьму себя в руки. Надо бы теперь, на свободе, размяться. Неважно, что уже побывала под душем. Все равно перед рестораном придется освежаться. Она усилием воли отогнала все лишние мысли и взялась делать пропущенные упражнения.

Позвонила Аня, поздравила с днем рождения. Из Питера прозвонилась знакомая еще по телевидению. И снова тишина. Все меньше и меньше с годами звонков на день рождения и Восьмое марта. Все близкие при тебе, родственников почти не осталось, друзья наперечет. Жизнь отсекает лишнее, с годами становишься все разборчивее в людях и постепенно остаешься в изоляции. Если у тебя нет профессиональной среды и многочисленных домашних, то к старости ты приходишь в одиночестве...

Что касается кино, то здесь не бывает сколь-нибудь длительных и глубоких связей. Люди собираются в силу необходимости, общаются, привыкают друг к другу, вместе пьют, проводят недели в тесном контакте, особенно в командировках, чтобы потом, когда кончится проект, навсегда потерять друг друга из виду. Поэтому стараются не привязываться и не проращать.

Подумала об Ане. Ей надо уходить из кино, если хочет устроить личную жизнь, родить ребенка... Правда, Аня еще не чувствует себя готовой к серьезным отношениям, у нее много творческих планов, мечты о путешествии в Париж, в Италию. Да, сегодня брак перестал быть основой общества, молодые во все не стремятся связывать себя обязательствами, детьми. Не ведет ли это к тотальному одиночеству?

И что им сейчас мешает любить, строить уютный семейный мирок? Они еще не понимают и не могут знать, что такое в серьезном возрасте остаться одному...

Так! Не будем о грустном! Надо решить, какие украшения подойдут к вечернему платью из умопомрачительной, невесомой ткани бирюзового цвета с узорной вставкой посередине, собранное под грудью на античный манер. Ну, конечно, украшения из бирюзы в первую очередь.

Женя достала из шкафа свой праздничный наряд: платье и черные туфли на высоком каблуке, украшенные той же бирюзой. Она еще ни разу не надевала их вместе. Подняв волосы наверх и заколов их на затылке, Мордвинова быстренько примерила вечерний туалет. Восхитительно!

Так, теперь украшения... Она достала из лаковой шкатулки длинную нить бирюзовых бус и дважды обернула их вокруг шеи. Покопавшись в другой шкатулке с бижутерией, выудила широкий серебряный браслет с бирюзовыми вставками. Ну и конечно, серьги из бирюзы. Стоп, кажется, перебор. Женя постояла перед зеркалом из шкафа, переместилась в ванную, осмотрела себя при ярком освещении. Вынув серьги из ушей, поменяла их на длинные серебряные висюльки-оберег, купленные когда-то в Суздале. Так лучше, кажется. Эх, Ани нет, а вчера не удалось посоветоваться с ней.

Да, а как же новая прическа? С вечерним декольтированным платьем длинное каре — ну никак! Придется, как сейчас, убирать волосы наверх, как-то закреплять. Еще надо продумать макияж, и опять без Ани, ее совета. В целом, Женя осталась довольна своим обликом. Теперь надо отдохнуть, немного прогуляться, чтобы к вечеру, когда она обычно хуже выглядит, не было следов усталости на лице.

Она так и сделала. Подремала полтора часа, потом собралась прогуляться до магазина, зашла на почту зачем-то, покружила среди домов микрорайона. Было свежо, но ясно. К ночи должно подморозить основательно. Пока гуляла, получила на мобильный несколько эсэмэсок с отказами. Ребята из группы, включая режиссера Лешу, писали, что нет сил после смены ехать на праздник. Итак, человек десять всего остается... Интересно, Артем придет?

Вернувшись домой, Мордвинова помыла голову и оставила волосы распущенными, чтобы сохли. Тут прикатила Светка, на полчаса раньше положенного срока.

— Я на всякий случай: самое пробочное время! — объяснила подруга. — Ну как, Жень? Выглядишь хорошо.

Сама она тоже принарядилась в специально купленный по этому случаю шелковый брючный костюм. Женя одобрила обновку.

Теперь было с кем посоветоваться, и Женя взялась прихорашиваться, облачаться, чувствуя себя престарелой Наташей Ростовской перед первым балом.

— Ну как? — показала Светке во всем блеске.

— Полный отпад! — констатировала подруга и мечтательно добавила: — Если бы мне твою фигуру!

Светка была кругленькой, аппетитной и уютной, но всю жизнь вела непрекращающуюся войну с весом. Бесполезно было ей втолковывать, что она очаровательна именно своей полнотой. Все в ней было соразмерно и гармонично: круглое лицо, кудряшки, круглые глаза, будто вечно удивленные. Она и не менялась с годами, ну разве чуточку погрузнела. А кто не погрузнел?

Женя зачесала волосы наверх, Светка помогла закрепить черным «крабиком», пшикнула лаком, чтобы держались.

— Ну, ты прям королева! — еще раз восхитилась любимая подруга. — Вот

сразу видно благородных предков.

Мордвиновой и самой понравилось отражение в зеркале: результаты воздержания последних дней налицо. Она поискала у Ани подходящую театральную сумочку, сложила в нее все необходимое для вечера: мобильник, немного косметики на всякий случай, кошелек, заколки, пачку носовых платков, пробник с любимыми духами.

— Ну, все? — Она осмотрелась вокруг. Осталось набросить на плечи старый песцовый полушубок, который много лет ждал своего часа в шкафу, и пуститься в путь.

Глава 10

Неожиданный поворот

Аня спешила изо всех сил. До дома добралась только в девять. Надо было еще принять душ, вымыть и высушить волосы, приодеться. Как ни торопилась, на все ушел еще час. Так что из дома она выбралась в десять. Поймать такси у дома — дело безнадежное. Аня чертыхнулась, что не заказала такси на дом. Но теперь поздно. Пришлось тащиться с подарком к набережной, были потеряны еще пятнадцать минут. Мама дважды звонила и спрашивала, когда же она приедет.

В общем, в ресторане Аня оказалась около одиннадцати, когда веселье достигло своего апогея. Она вошла в зал, где был накрыт стол для банкета. Там шла какая-то игра. Аня почувствовала страшную усталость. Было шумно, все пьяны, или так казалось со стороны. Однако стоило ей увидеть маму, необыкновенно красивую, с румянцем на щеках, смеющуюся, оживленную, всю усталость как рукой сняло. Вокруг юбилярши толпились восхищенные мужчины. Сашка ни на шаг не отходил, взирая на Женю, как паж смотрит на свою королеву.

Аня подошла к маме, поцеловала ее в алевшую щеку:

— С днем рождения, моя хорошая мамочка! — и протянула ей подарок.

Женя бурно обрадовалась появлению дочери. Тотчас подскочила Светка:

— Ну-ка, ну-ка! Покажи, что там!

Все настаивали на том же.

— Можно? — спросила Женя.

Аня пожала плечами:

— Как хочешь.

Светка уже срывала оберточную бумагу, и взорам присутствующих предстала небольшая картина, исполненная на холсте маслом. Это был портрет Жени, решенный образно, но вполне узнаваемый. «Немножко романтично, идеализированно, но неплохо», — еще раз обзрев свое творение как бы со стороны, подумала Аня. Мама же ахнула, прижала руки к груди, потом со слезами на глазах произнесла:

— Спасибо, Анечка! — и благодарно поцеловала дочь.

— Здорово, Ань! — добавила Светка.

Вика и другие гости присоединились к восторгам.

— Княжна, ваши таланты начинают меня пугать! — услышала Аня над ухом и вздрогнула. Она медленно обернулась и увидела перед собой улыбающегося Артема Ненашева.

— Мы, кажется, были на «ты», — произнесла Аня, невольно отвечая на эту невозможную улыбку.

— На «ты» к вашему сиятельству как-то не вежливо, — паясничал Артем, но видя, что Ане это не нравится, тотчас перестроился: — Я уж думал, что не увижу тебя сегодня.

— А ты-то как здесь? — запоздало удивилась она.

— Приглашен! — загадочно ответил генеральный продюсер.

— Ну, мама! — шутливо погрозила она Жене.

— Аня, садись, поешь, ты же после смены. — Мама указала ей на нетронутый прибор и подозвала официанта.

— Я сам буду ухаживать за Аней, — заявил Артем, подсаживаясь к ней с тарелкой и бокалом.

Принесли горячее блюдо, голодная Аня принялась есть.

— Красивая у тебя мама, — сказал вдруг Артем, следя взглядом за Женей, и глаза его странно блеснули при этом.

Неожиданно для себя Аня спросила:

— Можно тебя нарисовать?

Ненашев удивился:

— Что? Нарисовать?

— Да. Тебе понравился мамин портрет?

— Очень. Я потрясен, — серьезно ответил он.

— Ну и?..

Артем встряхнулся и ответил четко, по-деловому:

— Идея неплохая, вопрос в свободном времени.

— Ну, я тоже занята, — Аня будто упрасивала и сердилась на себя из-за этого.

Артем раздумывал:

— Сколько понадобится... м-м...

— Сеансов?

— Да.

— Не знаю, — пожала плечами художница, — как пойдет.

— Где? В твоей мастерской? — деловито спрашивал Ненашев, и сейчас Аня поверила в его продюсерство.

— Ха-ха, — грустно ответила она. — Разве что в моей клетушке...

Однако представив, как приведет его в свою захламленную комнату, похожую на склад или костюмерную, Аня засомневалась еще больше. Она решила пока не возвращаться к этой теме.

Между тем вечер, набрав возможные обороты, стал постепенно склоняться к нулевой точке. Прихватив сумочку, юбилярша удалилась в дамскую комнату, чтобы поправить макияж и чуть-чуть протрезветь. Ох, и выпито было сегодня!

Она с удовольствием огляделась вокруг: ее, воспитанную в вынужденной аскезе советского времени, не переставали изумлять и радовать роскошь и стерильная чистота нынешних туалетов в ресторанах, театрах, концертных залах. В огромном зеркале Мордвинова увидела свое возбужденное, помолодевшее лицо и была вполне удовлетворена им. Вот только тушь немного размазалась да помада съедена наполовину, надо подновить.

Что ж, и не старуха вовсе. Вон как Сашка расчувствовался, ходит как привя-

занный. Впрочем, Женя вспомнила, что сама назначила его своим кавалером. Но Светка-то хороша! Кокетничает с Сашкой, чуть не виснет на нем! Жаль, Толик не смог прийти, при нем бы она так не распоясалась.

Она заглянула в кабинку, а потом, моя руки, посмотрела себе в глаза. Я готова? Время неумолимо бежит, и сейчас все разъедутся по домам, а я останусь один на один с растревоженным Сашкой и собственным замыслом. Как я это сделаю? Фраза давно заготовлена:

— Саша, я хочу в последний раз почувствовать себя женщиной. В полном смысле этого слова. Подари мне эту ночь. Одну-единственную. Тебя это ни к чему не обязывает. Это не измена, просто акт милосердия.

Мысленно проговорив это, Женя испугалась. Неужели скажу? Руки ее непроизвольно затряслись, как после сильного шока. Что же будет в тот момент? Не опасен ли этот зигзаг для моего не вполне здорового сердца?

А что как Сашка испугается, струсит? Или, еще хуже, оскорбится, не поймет? Позор да и только. Позор на мою седую голову. Вообще-то должен понять, он всегда понимал меня. И, пожалуй, он не будет против, я это чувствую. Разве все его поведение не кричит об этом?

Но ведь это чистой воды соблазн! Нельзя искушать человека, нельзя подвергать испытанию его супружескую верность...

Мордвинова покачала головой. Что же делать? Стареть, забыв навсегда, что такое мужской запах, тяжесть тела на тебе, ласка, страсть... Тихо-тихо! Сейчас сама все испорчу. Улыбаемся, улыбаемся.

Так ничего и не решив, Женя вышла из туалета. Тут ее заметил официант. Он приблизился к ней и вполголоса произнес:

— Вас спрашивают у входа.

— Кто? — удивилась Женя, вспоминая, кто из гостей мог приехать так поздно.

Официант пожал плечами и направился к столу. Мордвинова бросила взгляд в зал. Там, кажется, все в порядке, танцуют. Аня с Артемом, это хорошо! Она подошла к выходу, но никого не увидела. Высунулась в небольшой тамбур между дверями. Там было темновато. Женя пожала плечами и решила выглянуть на улицу.

— Спокойно, это похищение! — Кто-то плотно закрыл ей ладонью глаза, а другой рукой обхватил за плечи и потащил на улицу.

Глава 11

Чудеса продолжаются

Нет, она не забыла этот запах! Даже не успев испугаться, узнала и эти руки, и даже тепло, исходящее от тела. Она не ощутила ноябрьского морозца, укрытая его объятиями. Куда он ведет меня? Не важно, хоть на край света!

Наконец они остановились, и ладонь была убрана с лица. Женя мгновенно припала к его груди.

— Ты приехал! Господи... — шептала она, не сдерживая слез.

Знаменитый режиссер отнял ее лицо от груди и посмотрел с улыбкой:

— Женька, ты чего? Испугалась, что ли?

Она без слов потрясла головой. Волосы, убранные наверх, растрепались, и Мордвинова вынула «крабика» из прически. «На кого я сейчас похожа!» — мелькнуло и тотчас забылось.

— Садись в машину, плакса.

Туринский открыл перед ней дверцу новенькой бээмвэшки, но Женя не могла оторваться от него, боясь, что он снова исчезнет на многие годы.

— Замерзнешь ведь! — Мужчина силой впихнул ее на переднее сиденье и захлопнул дверь.

Пока он возился, усаживаясь рядом, Женя успела заглянуть в зеркало и стереть размазанную тушь. Потом спросила:

— Куда мы едем?

— Покатаемся... — неопределенно ответил режиссер и нажал на газ.

— Там гости остались.

Туринский покосился на нее:

— Они поймут. Я только тебя хотел видеть... Что тебе подарить?

— Господи, какой подарок, когда ты приехал?! — Женя прильнула к его плечу. Она все еще была пьяна, от встречи хмелела еще больше.

Однако Туринский остановил машину возле небольшого торгового центра, работающего ночью. «Надо же, и такое бывает!» Вышел, снял с себя куртку, оставшись в большом свитере крупной вязки. В молодости он носил такие же, вязанные мамой. Куртку накинул на плечи Мордвиновой и повел ее в магазин.

— Мне ничего не надо! — пыталась она возражать, но режиссер не слушал.

Они прошли по пустым залам со светящимися витринами не останавливаясь. Женя и не смотрела по сторонам, а Туринский будто что-то искал.

— Сюда! — наконец скомандовал он.

Они вошли в меховой салон. Дремлющая продавец-консультант с бейджи-ком «Лена» встрепенулась и бросилась к ним. Туринский отвел девушку в сторону и что-то негромко сказал, после чего та оценивающе оглядела застывшую Женю с головы до ног и помчалась к вешалкам с дорогими шубами.

— Будем мерить? — Она вернулась с охапкой чудесного, блестящего струящегося меха.

— Нет, зачем мне это? Куда? — отбивалась Мордвинова.

Туринский подпихнул ее к зеркалу:

— Давай-давай! Красивая женщина должна утопать в мехах.

Женя еще сопротивлялась, но он настаивал:

— Ну, хватит, Женька, позволь же мне сделать тебе подарок. Как-никак — дата!

— Не мог не напомнить! — шутливо огрызнулась она.

Он набросил на плечи Мордвиновой роскошную норку, скроенную изящно-классически. У Жени дух захватило. Знала, что мех действительно красит женщину, но чтобы так! И уже снимать не хотелось, но Туринский потребовал, чтобы она примерила и другие шубы. Одна другой лучше, но сердце лежало именно к той, первой. И режиссер признал:

— Да, это твоя!

Он взялся руками за воротник и стиснул его на шее Мордвиновой, внимательно всматриваясь ей в лицо.

На ее беду, Виктор Алексеевич Туринский относился к породе людей, которые рано седеют, но при этом будто не старятся, сохраняя моложавое лицо, юношеский характер и неиссякаемый живой задор. Он был хорош по-прежнему, большие серые глаза по-прежнему смотрели молодо и ясно.

— Какая ты красивая, Женька! — пробормотал Туринский и внезапно поцеловал ее в губы.

Мордвинову словно током ударило. Она рванулась к нему, роняя на пол целое состояние. Продавщица Лена удивленно открыла рот, но тотчас опомнилась и бросилась поднимать шубу, не давая наступить на нее этой странной, исступленно целующейся парочке. Она недоуменно смотрела на них, потом не вытерпела и спросила:

— Вы будете что-нибудь брать?

Оторвавшись друг от друга, они улыбались в смущении. Туринский достал бумажник:

— Будем! — Он перебрал карточки, одну из них протянул продавцу.

— Упаковывать будем? — деловито поинтересовалась Лена.

— Нет! — решительно ответил режиссер, принимая шубу. — Спасибо, очаровательное создание.

Лена снова открыла рот, проводила их удивленным взглядом и покачала головой.

Мордвинова мало что понимала после этих безумных поцелуев. И себя не понимала. Что ж, завтра будем все понимать, анализировать, терзаться. А теперь...

— Теперь сюда! — будто прочтя ее мысли, откликнулся Туринский.

Они вошли в обувной отдел. Сопротивляться уже не имело смысла, Женя покорно села на удобный кожаный пуфик и примерила одну за другой пары красивых модных сапог. Выбрали черную пару до колен из мягчайшей кожи, ловко обхватившей ногу. Женя встала, прошлась, приподняв подол платья, потопала и полюбовалась на свои ножки.

— Что надо! — одобрил ее кавалер и меценат.

Мордвинова не стала переобуваться, попросив лишь пакет для туфель. Расплатившись, они вышли из магазина.

— Это не я, — сказала Женя, разглядывая себя в стекле витрины.

— Ты, ты, — успокоил ее Туринский. — Едем!

— Куда?

— Вперед.

Едва они сели в машину, зазвонил Женин телефон. Она забыла сумочку на

сиденье и теперь вспомнила, что ни Аня, ни гости не знают, куда она делась. Звонила, конечно, встревоженная дочь.

— Мам, ты куда делась? Я звоню пятый раз. Тут все собираются расходиться, хотели бы попрощаться.

— Да, Анечка, скажи всем... ну, не знаю. Поблагодари от меня...

— А ты где?

— Потом расскажу, ладно? Ну, так получилось. Да, заberi цветы и подарки. И про Сашку не забудь, он завтра вечером уезжает.

— Хорошо. У тебя все в порядке?

— Да.

Аня отключилась. Тактичная девочка, не стала спрашивать, с кем я и когда вернусь.

— Кто этот Сашка? — поинтересовался Туринский.

— Да так, приятель.

Он хмыкнул и притормозил машину у ночного супермаркета.

— Я сейчас! — Выскочил, хлопнув дверью, и направился к магазину.

Мордвинова осталась наедине со своим потрясением. Неужели это правда, и я сижу в его машине в роскошной шубе, в новых сапогах? Прямо чудеса какие-то, ведь я уж и не ждала и отплакалась по полной программе. Только он мог устроить такой праздник! Сумасшедший! Она старалась не спрашивать себя, что дальше. Давно отучилась заглядывать вперед, прожить бы нынешний день...

Туринский вернулся с огромным букетом цветов и двумя нагруженными пакетами, которые он сунул на заднее сиденье.

— Держи, юбилярша! — И Женя задохнулась от благоухания и благодарности. Праздник продолжался, чудеса продолжались!

Они подъехали к огромному элитному дому, из тех, которые во множестве выросли в последние годы в Москве. Миновали охрану, остановились на парковочной площадке.

Туринский вышел, забрал с заднего сиденья пакеты, открыл перед Женей дверцу:

— Прошу!

Она с трудом выбралась из машины, путаясь в полах шубы, да еще с огромным букетом в руках. Кажется, хмель уходил, голова тяжелела.

— Куда это мы приехали? — спросила она, оглядевшись.

— Давай-давай, шагай, — подпихнул ее режиссер и направился к ярко освещенному подъезду с высоким крыльцом.

Пришлось подниматься по ступенькам, и Женя боялась грохнуться с высоких каблуков. Не часто ей приходится щеголять в такой обуви. Дремлющая консьержка проснулась, высунулась из окошка, когда они направлялись к лифту.

— Добрый вечер, Виктор Алексеевич, — донеслось им вслед.

Туринский буркнул что-то в ответ, и они скрылись за дверцами лифта. Поднимались долго. «Как можно жить на такой высоте? — думала Мордвинова. — Это же страшно». Режиссер молчал и улыбался, глядя на нее, а Женя таяла под этим взглядом и смущалась, как девочка.

Они вошли в квартиру, у которой не было привычной прихожей. Сразу от порога открывалось огромное, многоуровневое пространство. Где-то посреди-

не выделялось нечто вроде кухни: круглая нагревательная поверхность и стойки с высокими, как в баре, стульями. В разных углах диваны перегораживали пространство, создавая таким образом отдельные секторы жилья.

Туринский сунул куртку в стенной шкаф, забрал у Жени шубу.

— Располагайся, сейчас будем есть: я голодный как волк.

— Мог бы и на банкете поесть, — растерянно откликнулась Женя, не зная, где ей расположиться.

Чтобы быть неподалеку от хозяина, она села на высокий, неудобный стул. Туринский рассмеялся:

— Да сядь по-человечески, отдохни!

Он указал на ближайший диван, рядом с которым стоял низкий столик, а сам принес бокалы и бутылку шампанского.

— Выпьем для начала!

Туринский открывал бутылку, приносил и выкладывал на столик фрукты, коробку конфет и что-то еще, наливал шампанского, а Женя все разглядывала квартиру и не могла понять, нравится ли она ей. Здесь ничто не говорило о хозяине, его занятиях, пристрастиях, увлечениях. Может, это не его квартира?

Они выпили, и Туринский поспешил к своим пакетам. Мордвинова понемногу допила вино, налила себе еще и почувствовала, что страшно голодна. И немудрено: на банкете от возбуждения она не могла есть, только пила. Она посмотрела на режиссера, который хлопотал на кухне, что-то жарил, резал, выкладывал на тарелки, и глотнула слюну.

Туринский принес на подносе тарелки с истекающим соком жареным мясом, и Женя вовсе зашлась слюной. В небольших пиалах он подал два разных салата, нарезанные овощи на деревянной дощечке, черный хлеб со злаками в соломенной хлебнице. Они принялись, наконец, за еду. Ловко орудуя ножом, Туринский раскрывал ей секреты приготовления нежного сочного мяса, а Женя слушала и не слышала, думая о нем.

Все так обыденно, по-семейному. Как когда-то на Литейном в Питере или в первый год на Потылихе. Роднее этого человека никого у нее нет, а они не виделись пятнадцать лет. Куда ушла жизнь?..

— Жень, ты что? — встревожился Туринский. — Ревешь, что ли? С ума сошла?

Однако она ничего не могла с собой поделать.

— Я так скучаю по тебе, так скучаю! — плакала Женя, а испуганный мужчина обнимал ее и бормотал, утешая:

— Я же здесь, здесь...

Глава 12

Ночь признаний

Она открыла глаза и долго силилась понять, где находится. Суперсовременный дизайн спальни, который она с трудом разглядела сквозь слипшиеся ресницы, скоро отрезвил Мордвинову. До ее сознания дошла, наконец, фраза, разбудившая ее.

— Ты прости, Женька, мне на самолет пора. Я утром должен быть в Праге, на съемках.

Она подскочила:

— Господи, который теперь час?

— Три тридцать ночи, — ответил уже одетый Туринский.

Она спала не больше часа.

— Мне пора в аэропорт. Собирайся, я завезу тебя домой.

Вот и кончился праздник... Женя все вспомнила. Как радовалась, что белье пригодились, то самое, дорогущее, сногсшибательное! Ведь он, утешая, схватил Женю в охапку и унес сюда. Оказывается, есть в этой огромной квартире потайные уголки, не все на виду.

Вспомнила их торопливые, страстные ласки и вернувшуюся память тела, такую острую, что у них даже не было времени, чтобы раздеться...

— Ей-богу, как подростки, — смущенно бормотал потом Туринский, отдыхая на ее плече.

Потом они много говорили, снова любили друг друга, как подростки, и опять говорили. В основном он.

Говорил, что давно чувствует себя человеком из прошлого. Все твердят о современности его фильмов, об экспериментах, новых формах, а он, как выживший после ядерной катастрофы, ничего вокруг себя не узнает. Новый мир, чуждый мир. Да, как художник он всегда готов к поиску и ко всему новому. А как человек... Ведь была долгая жизнь, богатая разным опытом.

— Ты для меня — свидетельство моей жизни: молодости, исканий. Да и что говорить, той эпохи, — объяснял Туринский, поглаживая ее голое плечо. — Им, молодым, многое в нас непонятно. Они — люди мира, у них нет родины, нет мучительных вопросов: «Что делать?» и «Кто виноват?», которые мы решали всю жизнь. Им все ясно и так. У них теперь вместо «Что делать?» — «Че за дела?». У рожденных в новой стране нет прошлого. И кино у них другое. Им подавай «картинку», общий план, а на актера наплевать! Меня ругают операторы: «Где общий план? Художники столько сил потратили на воссоздание эпохи, а вы снимаете только крупный план!» Да снимаю я «картинку», но и актеры — не пустое место! Они, нынешние, не знают, что такое русское психологическое кино. Именно кино дает возможность показать мимику, глаза актера, работу его мысли, чувства! А этим «картинку» подавай да спецэффекты. Я как невымерший мамонт среди них. Говорим на разных языках... Увидев тебя, я наконец осознал, как важно иметь общую память и понимать друг друга.

Он крепко прижимал Женю к себе и целовал в макушку. Она боялась задать вопрос, который давно срывался с языка: с кем он живет теперь? Почему так одинок, если рядом с ним всегда есть женщина? Женя не хотела рушить иллюзию, хотя бы на этот миг...

— И никто не хочет учиться! Изначально мнят себя гениями! — продолжал Туринский свой горячий монолог. — Поколение дилетантов! Никто не занимается своим делом. Певцы танцуют, актеры поют, военные продюсируют, инженеры пишут сценарии, операторы режиссируют. Прав классик: в итоге — разруха.

— А тыними что-нибудь из классики! — вдруг посоветовала Мордвинова. — Мне кажется, у тебя прекрасно получится...

— Да классику уже всю по сериалам раскатали, — возразил режиссер.

Он помолчал, потом горько произнес:

— Эх, Женька, жизнь-то как быстро пронеслась...

Кто-кто, а Женя это понимала.

И вот теперь все становилось на свои места. Знаменитый режиссер отбывал в Прагу, а она, как девочка по вызову, должна посреди ночи пилить домой с приятными воспоминаниями.

— Не надо меня везти, такси возьму! — буркнула Мордвинова и, поспешно собрав свои вещи, нырнула в ванную. Тщательно умывшись и сполоснувшись под душем, она быстро оделась, причесалась. Подумала секунду и не стала подкрашиваться. Пусть видит, какая я старая. В душе копились горечь и разочарование. Может, встала не с той ноги?

Туринский, кажется, и впрямь торопился и нервничал.

— Идем, я заброшу тебя. На Потылиху?

— Куда же еще?

Натянув сапоги и прихватив пакет с туфлями, она направилась к выходу. Туринский нес за ней следом шубу и букет цветов. Женя обратила внимание, что на условной кухне все тщательно убрано. Никаких следов ночной пирушки!

Консьержка в готовности сидела на боевом посту. Цепким взглядом охватив немолодую пару, сладким голосом она спросила:

— А Анжелочка-то когда вернется?

Туринский буркнул:

— Скоро!

Когда за ними закрылась дверь, Мордвинова перегнулась от хохота:

— Как? Анжелочка?

Она тотчас вообразила глупенькую длинноногую блондинку с кукольным личиком и силиконовым бюстом. Их развелось сейчас...

Виктор Алексеевич злился, но молчал. Женя отказалась садиться в его машину и не взяла шубу. В легком вечернем платье, прижимая к груди сумочку и пакет, она поспешила к дороге, чтобы поймать такси.

— Женька, шуба! — догнал ее Туринский.

— Оставь Анжелочке, — глупо ответила Женя. Ее куда-то несло, подмывало мстить ему, говорить гадости и пошлости, поэтому она спешила поскорее уйти.

— Да что ты устраиваешь? — рассвирепел Туринский. — Опять королеву изображаешь? Хватит, Женька!

— Зачем ты приехал? — уже не сдерживаясь, заорала Мордвинова. — Зачем? Снимал бы свое мелкотравчатое кино с содержимым выеденного яйца, с понтом библейские притчи! Чего ты влез опять в мою жизнь? Кто тебя просил?

— Да ты же сама позвала меня на юбилей, забыла? — тоже орал Туринский.

— Да, и мне пришлось обзвонить всех прежних знакомых, чтобы узнать твой телефон! Какой позор, какое унижение!

— Оденься, балда, замерзнешь ведь! — пытался он накинуть на Женю шубу.

— Не нужна мне твоя шуба! Откупаешься? Да если бы ты знал, сколько всего я пережила, когда ты нас бросил! По грани ходила, только Анька и удержала! — Женя не чувствовала слез, которые непроизвольно лились из ее глаз. — За столько лет ни разу не узнать, живы ли мы! Господи!..

Она вдруг успокоилась и глухо произнесла:

— Знай, когда вы нас бросаете, вы делаете нас проститутками, а детей — сиротами.

Туринский молча смотрел на нее, губы его были плотно сжаты, желваки ходили ходуном. Однако Женя уже справилась с собой. Она решительно подняла руку, ловя машину.

— Уходи, а то еще не такое услышишь! — бросила она мужчине.

Почти сразу возле них затормозило такси, и Женя без сил упала на заднее сиденье. Однако не успела машина тронуться, как дверца распахнулась, и на колени Мордвиновой обрушились шуба и следом цветы. Прежде чем захлопнуть дверь, Туринский зло проговорил:

— Все испортила, дура.

ЧАСТЬ 2 БЕСПРИЮТНЫЕ СЕРДЦА

Глава 13

Искусство и ремесло

— Представляешь, я забыла трусы! — Аня даже побледнела. — Перед выходом положила на видное место и все равно забыла!

Женя ахнула.

— Что же делать?

Аня направилась к режиссеру, который объяснял стедикамщикам, как должна двигаться камера.

— Леш, — робко позвала она.

— Сейчас, — режиссер закончил объяснение и обратился к ней. — Ну, что у тебя?

— Леш, скажи, в какой сцене снимаются трусы?

Леша посмотрел в сценарий.

— Да, в общем, герой наш всю вторую сцену бегаёт в одних трусах.

У Ани упало сердце. Чужа недоброе, режиссер сказал:

— Не расстраивай меня, Анна!

— Я их забыла! — испуганно призналась она. — Но я сейчас что-нибудь придумаю!

— Смотри! — и Леша опять переключился на стедикамщиков.

Вот-вот должны были начаться съемки, которые проходили в подмосковной деревне. Аня поискала в телефоне номера знакомых с машиной.

— Да посмотри в вызывном кого-нибудь из наших водителей, — предложила встревоженная мама. — Но боюсь, все равно не успеть. По пробкам туда и обратно — не меньше трех часов...

Аня понимала, что это так. Голова ее лихорадочно работала. Аня забралась в костюмваген и порылась на вешалах, пока еще не зная, что ищет.

Сцена снималась в жилом деревенском доме. С разрешения хозяев, разумеется. Аня направилась в избу, нашла хозяйку, некрасивую пожилую женщину.

— У вас не найдется какой-нибудь ненужной черной ткани? — попросила она. — Небольшой кусок нужен.

Хозяйка повела ее в сени и открыла деревянный сундук со старым тряпьем:

— Выбирайте.

Время поджимало. Аня нервничала, хотя внешне это никак не выражалось. Перерыв весь сундук, она извлекла из него старую застиранную юбку. Это был черный трикотаж, но выбирать не приходилось, поэтому Аня, получив разрешение хозяйки, уволокла юбку в костюмваген. Там она быстро раскроила и на руках сшила трусы.

Трудность состояла в том, что требовались не абы какие трусы, а семейники сороковых годов. Вот и посмотрим, что же в итоге получилось. Высунувшись из вагончика, Аня увидела Женю, которая не находила себе места от беспокойства.

— Позови, пожалуйста, Сашу на примерку, — попросила она.

Дронов прискакал сразу, как всегда, веселый и доброжелательный. Он разделся, насвистывая, натянул поверх своих модных серых «боксерок» старую трикотажную тряпку. Аня обошла его кругом, тщательно осмотрела. Ну что ж, получились исторические семейники, и при этом они элегантно облегли бедра героя, словом, хорошо сидели.

— Ну как? — все же спросила озабоченно. — Присядь.

Пока Саша приседал и задира л ноги, она позвала режиссера. Леша торопливо просунулся в вагончик, оглядел Дронова.

— Сама сшила? Хорошие трусы! — И он тотчас заторопился на площадку.

— Ага! — согласился Саша. — Хорошие. Такие... геройские трусы.

Аня могла теперь немного выдохнуть. Она вышла из вагончика, села перекурить. Успокаиваться было рано: по сценарию Саша должен был в этих трусах лазить на чердак и на крышу дома, выдержат ли? Однако пока снимали первую сцену, можно было немного расслабиться. Аня не терпела таких ситуаций. Они давались ей тяжело. Привыкнув делать все добротнo и тщательно, она страдала от подобных проколов.

Все в готовности ждали мотора, съемки начались, Женя дежурила на площадке. Аня курила и думала о том, что проект заканчивается, осталось всего две смены и «шапка». Слово «шапка» на киношном жаргоне означало вечеринку по окончании съемок. Откуда оно взялось? Кто-то рассказывал, что раньше, когда последняя смена подходила к концу, кто-нибудь из группы обходил всех с шапкой, собирая в нее деньги на сабантуйчик. Теперь «шапку» оплачивает администрация, продюсеры, и группа в последний раз собирается, чтобы отметить благополучное завершение проекта...

Все давно уже ждали этого события. Съемки затянулись, все планы летели к чертям, Леша не спал, не ел, был крайне измотан, Артем психовал, группа тоже устала, поэтому все бурно радовались окончанию проекта.

Ненашев заранее предупредил, что его не будет на «шапке»: уезжает по делам за границу. Впрочем, о нем беспокоиться было нечего: Артем регулярно звонил и уже один раз позировал Ане для портрета. Она даже рискнула дать ему на прочтение свой сценарий, только у Ненашева все не было времени ознакомиться с ним.

Тогда, после маминого юбилея, когда Женя неожиданно пропала, Артем помог Ане довести банкет до конца, потом отвез ее с Сашкой, цветами, подарками и маминым полушубком домой. Она не пригласила его тогда в дом: было поздно, а наутро опять ранний подъем.

Они встретились однажды, в единственный Анин выходной. Артем предложил немного прогуляться, оставив машину, и привел ее в магазин для художников. У Ани разбежались глаза.

— Что тебе нужно, чтобы начать мой портрет? — весело спросил Ненашев. — Выбирай!

Здесь были загрунтованные холсты разных размеров, палитры, всевозможные краски, бумага, рамы, кисти, мольберты... Она ходила как сомнамбула по магазину и не знала, что ей выбрать. Хотелось всего.

— Ну, что-то у меня есть, — пробормотала она. — Я не знаю...

— Не стесняйся, — Артем сделал приглашающий жест. — Мы сейчас поедем ко мне, поэтому бери все, что необходимо для портрета.

И Аня решила не стесняться. Она выбрала холст нужных размеров, потом

все остальное. Ее спутник принимал и оплачивал покупки, нес их в машину. Аня была возбуждена, художественный магазин действовал на нее, как на пьяницу вино.

— Спасибо тебе! — сказала она от сердца и чмокнула Артема в щеку.

Они поехали куда-то в новый район, где были настроены многоэтажные жилые дома. Новый спальный район. К одному из таких домов подъехали, припарковались.

— Здесь твоя квартира? — на всякий случай спросила Аня.

— Да, — бодренько ответил Артем и помог ей выйти из машины.

У него была однокомнатная квартира удачной современной планировки. Просторный холл, большая кухня, огромная лоджия, комната не менее двадцати квадратных метров. Да, не чета нашей квартирке, подумала Аня. Здесь можно жить! И потолки, кажется, намного выше.

Ане понравилось у Артема. Мебель из «Икеа», все просто, функционально. На стене плоский экран, стеллажи с дисками и книгами, какая-то аппаратура, компьютер. Посреди комнаты стоял широкий диван без спинки.

Перед сеансом Артем накормил ее вкусным обедом, а потом она рисовала. Глаза были ее целью, загадка их необычного свечения. Артем оказался послушным натурщиком. Он сидел столько, сколько требовалось, не отвлекал ее разговорами. Погружаясь в эти глаза, Аня чувствовала их гипнотизм, тонула в них и, накладывая на холст мазки, силилась передать это чувство в краски.

— Поедешь со мной в Италию? — спросил вдруг Артем, когда она завершила сеанс и отложила кисть.

Аня помолчала, затем осторожно спросила:

— Когда?

— Когда сдадим картину.

— Надо подумать.

— Ну, пока ты думаешь, я оформлю документы. — Он поднялся со стула и потянулся, разминаясь. — Мне понадобится твой паспорт.

Артем подошел к Ане, протираяющей кисти, и заглянул ей в глаза. Лучше бы он этого не делал! Она не смогла уклониться от поцелуя. Вспомни, говорила себе, Кубань, вертолеты, Азовское море и Андрей. Где он теперь?

Аня с трудом отстранилась и спросила:

— Ты отвезешь меня домой? Завтра вставать в шесть утра.

Артем кивнул и тотчас отправился одеваться. Его покладистость несколько смущала, но вполне устраивала Аню. Наверное, он делает ставку на Италию. Кто знает...

— Ань, ты идешь на «шапку»? — прервала ее размышления Вика, присевшая возле нее покурить.

Сцена была снята, привезли обед, можно было перекусить.

— Пока не знаю, — ответила Аня. — Скорее всего, да.

Поедая еле теплый кинокорм, она с грустью думала о Тиме. Тимофей тепло здоровался с ней на площадке, поглядывал в ее сторону с интересом, но не делал никаких движений, чтобы сблизиться. Их прогулка не повторилась, он не приглашал, а она не могла использовать тот же прием, чтобы напомнить о себе. Осталось два съемочных дня, и все. Больше они, по всей вероятности, никогда не увидятся. Интересно, Тим пойдет на «шапку»? Пожалуй, это последний шанс.

Я ему не нравлюсь? Возможно. Хотя что-то мне подсказывает, что это не так. Нам удивительно хорошо было вместе и на прогулке, и в кафе. Будто встретились два родных человека после долгой разлуки. И то, как он смотрел, как был взволнован, когда я его пригласила...

— Я, наверное, пойду на «шапку», — сказала Аня подошедшей маме. — А ты собираешься?

Женя пожала плечами:

— Надо дожить до этого. Не знаю...

Трусы не подвели, отснялись благополучно.

Глава 14

Эхо той ночи

У Мордвиновой был выходной, и она слонялась без цели по квартире. Разобрала подарки, сваленные в кучу и до сих пор не распакованные. Нашла место на стене для Аниной картины, вбила гвоздик и повесила. Полюбовалась: чудесный портрет, Аня — талантище!

Женя так была потрясена появлением Туринского и всем, что за этим последовало, что целую неделю ходила как потерянная и ни о чем не могла думать. Впору спросить, как героиня старого анекдота:

— Хороший человек приходил, может, сказать чего хотел?

Ей нестерпимо стыдно было тогда перед Сашкой, когда она явилась среди ночи пьяная, растрепанная, в неведомо откуда взявшейся шубе. Сашка не спал, он смотрел по телевизору какой-то фильм и, верно, дожидался ее. Он ведь не мог не почувствовать, что Женя имеет на него виды: она ясно дала ему это понять на банкете.

Вспоминая свое неумеренное кокетство за столом, во время игр и танцев, Мордвинова краснела от стыда. Впрочем, что удивляться. Она ведь была в состоянии истерики, возрастной паники, поэтому способна на все. В особенности если учесть, что она собиралась предложить Сашке...

И что интересно, миновала этот рубеж — и все как рукой сняло. Чего, мол, теперь трепыхаться: жизнь пошла своим чередом. Конечно, может быть, дело в Туринском. Его появление подействовало как электрошок или душ Шарко. Хорошенькая встряска.

А что Сашка? Он сразу все понял и не задал ни одного вопроса. Женя с тоской подумала: «Еще завтра целый день он здесь!» Однако зря она тосковала. Сашка всегда был умницей. Во-первых, он тактично не заметил состояния Жени и, мирно пожелав ей спокойной ночи, улегся спать. Мордвинова повозилась на кухне, приготовляя себе чай, посидела немного и тоже улеглась. Во-вторых, на следующий день как истинный джентльмен он ничем не напомнил вчерашнее, и они чудесно провели этот день, гуляя по нарядной Москве и без умолку болтая обо всем, что накопилось невысказанного за эти годы. И Жене грешным делом показалось, что Сашка испытывает некоторое облегчение от того, что благополучно избежал соблазна. Вспоминая об этом, она мысленно ехидно добавляла: «Еще бы, что за доблесть — пасть с пожилой дамой!»

И, провожая друга у подъезда, Женя могла теперь честно смотреть ему в глаза и с чистой совестью ждать новых встреч, а если их не будет, то с приятностью вспоминать об этой, сегодняшней. Когда Сашка готов был сесть в ма-

шину и отправиться в путь, Женя сказала:

— Спасибо, что приехал! Ты не представляешь, как для меня это было важно.

Она поднялась на цыпочки и легонько поцеловала его в губы. Сашка посмотрел на нее, как смотрел, когда был юн и влюблен, и, мотнув головой, забрался в машину. Женя молча следила, как он выкруливает за угол...

И теперь, листая его подарок — прекрасно изданный фотоальбом «Киев Михаила Булгакова» с бесценными документами и снимками из архивов, — Мордвинова улыбалась и немножко грустила о невозвратном прошлом.

Что до Туринского, то он не подавал больше признаков жизни. И не мудро. Столько услышать о себе нелицеприятного! Женя бодрилась, не позволяла себе ему звонить, хотя ее грызло раскаяние. В такие минуты ей хотелось просить у него прощения за скандальную выходку, которой она увенчала так романтически начавшееся свидание. Однако обида брала верх, и Женя отшвыривала телефон подальше.

Как смел он привести меня в свой дом (вернее, в Анжелочкин, потому что от него там ничего нет)! Спать со мной на семейной кровати! Господи, а где моя-то голова была? От счастья разум помутился, ничего не видела вокруг кроме его лица, глаз, губ... Растаяла сразу, побежала за ним, стоило только пальчиком поманить!

Всю неделю Мордвинова думала и думала об одном, вспоминая каждую деталь встречи, каждое слово, сказанное им, каждый взгляд. Она понимала, что Туринский вовсе не предполагал провести с ней ночь. Он прилетел из Праги, чтобы поздравить ее, отлучился на несколько часов, сбежал под покровом ночи, надо полагать.

Женя задавалась вопросом: если бы не страстный поцелуй в магазине, было бы продолжение? Ну ладно, поехали к нему выпить и закусить, отметить юбилей. Что потом произошло? Он вспомнил меня, потянулся ко мне, как к своей молодости, забытым надеждам, утраченной нежности? Ну да, я разнюнилась, он и пожалел...

Однако им было исключительно хорошо, и она не могла в этом ошибаться. Женя приходила к выводу, что это сама судьба. Она просила Бога подарить ей еще один миг любви, пусть последний, и она получила его. Она не могла не признаться себе, что ждала Туринского все эти годы и была счастлива снова обнять его. А потом спустила собак, и это вместо благодарности-то! Мордвинова снова тянулась к телефону и опять отшвыривала его.

Затянувшийся проект подошел к концу, завтра «шапка». Женя уже знала, чем будет заниматься дальше. Ее пригласили на новый проект: полный метр, что само по себе неплохо. И у Ани тоже есть предложения, не одно, а сразу несколько. После кризисного упадка кино, кажется, снова набирает обороты, а толковых, надежных, да еще думающих костюмеров, впрочем, как и других специалистов, днем с огнем не сыщешь. Поэтому их рекомендуют друг другу, передают из рук в руки, ценят. Словом, без работы они не сидят.

Мордвинова поначалу думала, что это ужасно неудобно, когда нет постоянного места работы. Как это: месяц-другой и все, опять ищи заработок? Но вот Аня давно уже так и переходит с одного проекта на другой. Если бывают просто, то незначительные, только чуть-чуть передохнуть. А иной раз ей приходится совмещать съемки на одном проекте с подготовительным периодом

другого. Костюмеров-то могут прикрепить прямо к первому съемочному дню, а художник и ассистент пашут с самого начала.

Однако теперь Аня хотела бы взять передышку. Не мудрено. Она вкалывала беспросветно целый год, имея по одному выходному в неделю и постоянно перерабатывая. Ведь очень часто смена заканчивается намного позже, чем планировалось, если что-то не получается. Тяжелый труд, что тут говорить. А какая работа, если ее делать как надо, бывает легкой?

Женя не любила халтурить. Если уж берешься за дело, так будь добра исполнять его профессионально. То же и Аня. Устала она, бедняжка... И что за жизнь такая, что женщины пашут и пашут по двенадцать часов, а то и больше, чтобы элементарно прилично жить?!

Пусть отдохнет. Ане хотелось, как она призналась, посидеть дома, порисовать, подумать, почитать, пошить. Еще ей предложили придумать эскизы костюмов для какого-то арт-спектакля, который делали начинающие театралы. Это бесплатно, зато интересно.

Кажется, еще она собирается ехать за границу, с Артемом. Это о многом говорит, но не будем забегать вперед. Женя не лезла в личную жизнь дочери, обычно ждала, когда та сама все расскажет. Конечно, это не исключало переживаний, волнений, тревоги за нее. И, что уж там, несогласия с некоторыми ее поступками и представлениями.

Что поделывать, нынешние самостоятельные, умные молодые женщины вынуждены рассчитывать только на себя и сами строят свою жизнь, что-то ищут, выбирают себе мужчин и расстаются с ними. Они не торопятся замуж, не хотят рано заводить детей, если вообще заводить.

Но Женя-то точно знает, что призвание женщины, прежде всего, дом, дети, а уж потом все остальное. Без этого женщина не вполне женщина. Она одинока и несчастна, даже если не осознает этого. Какие бы ни были времена... Конечно, есть отдельные личности, которые обходятся без этого, но женщины ли они, вот вопрос.

Я рассуждаю, как примитивная клуша, одернула себя Мордвинова. Аня — личность, ей мало семейных рамок, хочется творить, выражать себя, иметь Дело. Таких мужчины боятся, увы. А как хочется для нее счастья... Может, Артем?

Но в кино невозможна нормальная семейная жизнь, в который уже раз подумала Женя. Это занятие для одиночек или для тех, у кого, как у меня, все позади.

Неужели все позади? У-у, Туринский! Убила бы! Всю жизнь поломал, оставил в одиночестве на долгие годы и тут явился, чтобы еще раз напомнить, как могло бы быть... Ненавижу, ненавижу... ненавижу...

Глава 15

Так не бывает!

— Смотри, что я купила! — Аня вернулась из очередного похода по магазинам секонд-хэнд, где она часто подыскивала что-нибудь необычное для себя, для съемок или для своей костюмерной. Она пронесла пакеты в гостиную (она же комната Жени).

«Шапка» начиналась в семь вечера, в кафе на Рождественском бульваре. Аня с трудом уговорила Женю пойти на вечеринку. Что-то захандрила маменька, это плохо. На следующий день ей приступить к новому проекту, там новая группа, новые люди, меня рядом не будет. Как она справится?

Аня попыталась увлечь маму выбором наряда, прически. Нет, ей полезно будет хорошо выпить: на юбилее вон как блистала! Аня знала, почему Женя хандрит, но чем тут поможешь? Только если отвлечь. И она поехала по магазинам.

— Вот тут все, сейчас покажу, только переоденусь. Я тебе кое-что купила.

Пока Аня отсутствовала, Женя не притронулась к пакетам, ждала.

— Ты что, грустишь? — спросила дочь, вернувшись.

— Нет, — удивилась Женя. — Я думаю.

— Что-то много ты стала думать, — неодобрительно отозвалась Аня, вытряхивая содержимое пакетов на кресло. — Вот смотри, какой шарфик красивый, нравится?

— Ну да, — неуверенно ответила мама.

— Вот еще такая штука интересная, это я себе купила, — она примерила странного кроя черное пальто без пуговиц, но с капюшоном. На Ане вещь смотрелась стильно и интригующе. — Как раз по погоде, еще можно надевать.

Она сняла пальто, выудила из вороха покупок голубую кофточку:

— Примерь, тебе должна подойти.

Мордвинова неохотно сняла с себя трикотажную майку, примерила вещь. Повертелась перед зеркалом. Кофточка не просто подошла, она великолепно смотрелась на Жениной фигуре, подчеркивая ее достоинства.

— Здорово! — Аня повертела маму во все стороны. — Видишь, можно летом ходить, а хочешь — дома носи. Только все надо стирать: неизвестно где валялось...

Она еще порылась:

— А это юбка. Если тебе не подойдет, я себе ее возьму.

— Да я юбки как-то... Ну, куда мне ее надевать? — воспротивилась Женя по инерции, но, кажется, лед тронулся. Она стянула удобные индийские шаровары, в которых предпочитала ходить по дому, и померила юбку.

И опять ее облик изменился в корне благодаря обновке. Темно-синий натуральный вельвет смотрелся, как бархат. Строгие линии разбавлялись широкой оборкой по подолу из той же ткани. Вещь смотрелась роскошно. Женя разругманилась, вертясь перед зеркалом.

— И вот самое главное! — Аня жестом фокусника достала что-то из отдельного пакета с фирменным логотипом. — Синий льняной пиджачок!

Женя округлила глаза:

— Это тоже из секонд-хэнда?

— Э, нет, это новая вещь из хорошего магазина.

Женя поспешно всунула руки в пиджачок и в восторге уставилась на свое отражение:

— Вот это да!

На нее смотрела стройная элегантная женщина. Аня осталась довольна:

— Я знала, что тебе подойдет. Под него нужен топик, и будет идеально.

Она продемонстрировала еще несколько маечек, сама их примерила. Еще было трикотажное платье и оригинальные короткие штаны, которые Аня тоже выбрала для себя.

Потом они, уже с приподнятым настроением, выбирали наряды для «шапки». Обновки не годились: все нужно было стирать. Аня наметила надеть платье с открытыми плечами, а сверху накинула теплую кофточку. Жене подобрали фиолетовый конопляный жакетик с черным топиком и длинную черную юбку. После увлеченно рылись в шкатулках с украшениями. Аня выбрала винтажные серьги и браслеты. Женя предпочла гранатовое ожерелье и серебряные серьги.

— Что мы натворили! — оглядевшись вокруг, воскликнула мама. — Полный хаос.

— Дом костюмеров, чего ты хочешь, — улыбнулась Аня. — Ничего, потом уберем.

Осталось только причесаться, заколоть волосы и ехать.

— Какая ты худенькая! — вдруг запечалилась Женя, при этом любуясь нарядной дочерью.

Они заказали такси, хотя знали, что будут пробки.

— Лучше сидеть в машине, чем толкаться в метро, — сказала Мордвинова. — Там нас изомнут, испачкают и что угодно...

И, конечно, битый час ехали там, где по прямой десять минут езды. Центр в час пик, ничего не попишешь. Без помех нашли нужное кафе, сразу у входа встретили своих, и веселье закипело. Для съемочной группы здесь были приготовлены столики, подавалась хорошая еда и много алкоголя. Почти вся группа, за исключением Артема и нескольких актеров, собралась здесь.

Режиссер Леша сразу заграбастал Аню и потащил за свой столик:

— Аня, как же я теперь без тебя? — жаловался он. — Ты же мой талисман.

— Ничего, Леша, крепись. А если что, звони.

И, как всегда на таких пирушках, звучали заверения, что непременно, обязательно будем собираться, созваниваться. Вот через месяц назначаем встречу, и попробуйте не прийти! Аня знала, что все эти намерения выветрятся тотчас, как они разъедутся по домам. Нет, конечно, бывают и исключения, завязываются дружбы: переписка, телефонные разговоры, редкие встречи. Но это только исключения, подтверждающие правила.

Едва Аня вошла в зал, она тотчас увидела за столиком, где расположились осветители, Тимофея, и радость опьянила ее. Женю позвали к себе гримеры, и Аня возблагодарила судьбу, что Леша ее перехватил. Скоро за гримерским столом затянут матерные песни и будет буянить Наташа.

Тим смотрел в ее сторону и даже, кажется, дернулся встать, когда она вошла. Однако режиссер проявил инициативу, и Тим не тронулся с места. Уже сидя за столиком, Аня сделала бокалом приветственный жест, и Тимофей с улыбкой кивнул ей головой. На этот раз он снял бандану, и волосы рассыпа-

лись по обеим сторонам лица. На Тиме была темная рубашка с расстегнутым воротом и кожаные штаны. На груди что-то блестело: то ли крестик, то ли амулет.

Саша Дронов рассказывал анекдоты, звучали тосты за кино, за режиссера и за фильм, над которым группа работала. Всех волновала причастность к общему делу, удовлетворение от вложенного труда. Да, ради этого стоило работать!

Поедая жульен, Аня вспоминала, как во время их единственной прогулки Тим говорил об этом:

— Кино дает иллюзию наполненной жизни. Оно поглощает всего человека, и ему кажется, что кино собственно и есть жизнь. А ведь это не так. Это просто работа, как любая другая. Происходит подмена, человек свою несостоятельность прячет под увлекательной деятельностью и старается не анализировать, не заглядывать в себя. А отними у него кино, останется пустота. Окажется, что он ничего не умеет больше делать, и он одинок, потому что отношения в кино — тоже иллюзия...

Аня тогда много думала над сказанным, потому что Тим облек в слова ее неясные, неоформленные мысли. Он прав, иллюзия... Однако ей не хотелось мириться с этим. Посматривая в сторону осветительского столика, она перехватывала его взгляд. Какая-то решимость зрела в ней, и Аня подкреплялась в изобилии вином. Она уже не ориентировалась во времени, когда подошла мама и шепнула на ухо:

— Я еду домой, ты еще посидишь?

Аня машинально посмотрела на Тима, который курил и говорил о чем-то с соседом. Кажется, он никуда не торопился. Пока еще никто не расходился, но время было позднее и Женя спешила на метро.

— Ты одна едешь? — забеспокоилась Аня.

— Нет, мы с Викой. Ты доберешься?

— Да. Возьму такси.

Гримеры уже шумели основательно, и Аня поняла маму. Они попрощались. Женя с Викторией направились к выходу. По дороге к ним еще кто-то присоединился. Веселье дошло до кульминации и братания. Леша громко спорил с исполнительным продюсером. Аня заметила, что Тим поднялся из-за стола и вышел. Куда он? За напитками, в туалет или на выход?

Она тоже встала и взяла сумку.

— Куда ты, Ань? — тотчас всполошился Леша, обещавший отвезти ее домой.

— Сейчас вернусь, — ответила она с акцентом, и ее оставили в покое.

Аня незаметно взяла с вешалки пальто и вышла из кафе. Однако на улице Тимофея не было. Аня растерялась. Она чувствовала, что очень пьяна, голова закружилась, и она прислонилась к стене, закрыв глаза.

— Что случилось, Аня? — услышала она и открыла глаза. К ней склонился встревоженный Тим. Он тоже был уже в куртке.

— Откуда вы взяли? — удивилась Аня. — Я думала, вас уже нет...

— В каком смысле?

Она неопределенно повертела рукой.

— Вам плохо? — Тим старался заглянуть ей в глаза.

Сама удивляясь своей решимости, Аня вдруг произнесла:

— Можно я вас поцелую?

И, не дожидаясь ответа, она припала к его губам в искусительном поцелуе. Тим неуверенно ответил на ее порыв. Кажется, в нем боролись противоречивые чувства. Конечно, он тоже много выпил, и это сыграло свою роль.

Аня отстранилась, взглянула ему в глаза. Побледневший Тим секунду размышлял и вдруг крепко обнял ее и стал целовать долго и исступленно. Задышавшись, она с трудом высвободилась из его объятий.

— Ты отвезешь меня? — спросила она, едва шевеля языком.

Тим медленно остывал. Он кивнул и, взяв ее за руку, потащил к обочине дороги ловить такси.

В машине Аня задремала, склонив голову ему на плечо. Она ничего не соображала, когда Тим, расплатившись, открыл дверцу и помог ей выбраться наружу. Он подхватил качающуюся спутницу на руки и внес в дом.

Это была незнакомая квартира. Тим внес свою ношу в одну из двух комнат, где по стенам висели фотографии, включил настольную лампу и поставил Аню на ноги. После короткого сна в машине она была как сомнамбула и покорно позволила раздеть себя, потом утонула в его объятиях и больше уже не хотела ничего понимать, думать, вспоминать...

Она проснулась за полдень. Не открывая глаз, прислушалась к себе. Сладкая усталость разлилась во всем теле, голова же на удивление была легкая и ясная. Аня чувствовала рядом тепло его груди и тяжесть руки, обвившей ее спину. Она открыла глаза и улыбнулась. Тим крепко спал, запрокинув лицо. Аня осторожно подняла его руку и выскользнула из постели. В поисках ванной комнаты немного побродила по квартире, набросив на голое тело платье. Квартирка небольшая, с шестиметровой кухней и отдельным санузлом. Аня вошла в ванную, скинула платье и включила душ.

Стоя под тугой струей горячей воды, думала о произошедшем чуде. Так не бывает! Я нашла своего идеального мужчину! Нет, я придумала его и сейчас вернусь к действительности, где его нет. Потому что так не бывает! Чтобы все, о чем я могла только мечтать, соединилось в одном человеке! Мне нравится в нем все, абсолютно все. Будто небеса подслушали мои мечты и создали специально для меня этого мужчину!

Ему тридцать семь, ну и что? Она не чувствовала разницы в возрасте ничуть. И холод пробежал по сердцу от мысли: а ведь я могла с ним больше не увидеться!

Аня долго стояла под душем, ошеломленная и счастливая. Когда она вышла из ванной, Тим уже встал и хозяйничал в кухне. Одурающе пахло свежесваренным хорошим кофе, и Ане тотчас захотелось курить. Первая чашка утреннего кофе с сигаретой, неужели и он так начинает день? Оказалось, да.

Тим улыбнулся ей несколько смущенно и предложил сесть.

— Кофе будешь? — спросил, доставая еще одну чашку.

— Конечно.

Они пили кофе, курили и молчали, время от времени глядя друг другу в глаза, словно спрашивая: «Ты как?» Молчание было легким: им хорошо молчалось. Потом Тимофей приготовил яичницу с сыром и помидорами, и было немыслимо вкусно есть ее с ржаным хлебом, намазанным финским маслом. Потом опять кофе с молоком и сигареты...

Однако пора было собираться домой, пока не начался час пик. Маме не звонила, не хотелось разрушать наполненную тишину.

Аня вошла в комнату, чтобы одеться, посмотрела фотографии, книги на полках.

— Вот это читала? — услышала за спиной его голос, будто он нежно коснулся ее волос на затылке. — «Лоскутный мандарин».

Тимофей снял с полки томик Гаэтана Суси.

— Нет, еще не читала. Интересно?

— Да. Ты можешь взять почитать, если хочешь.

— Я возьму, — Аня сунула книгу в сумку, обрадованная, что он дал ей возможность вернуться. Ну, книгу надо будет вернуть...

— Ты позвонишь? — спросила уже у дверей и посмотрела на него, запоминая, будто хотела унести его образ с собой.

— Конечно. Твой телефон записал уже давно, из вызывного взял.

— И я тоже, — улыбнулась Аня.

Он поцеловал ее нежно в щеку. Никаких просьб, договоров о встрече, заверений в любви.

— Ну все, я пошла.

Направляясь к метро, Аня поймала себя на том, что старается запомнить дорогу к его дому.

Глава 16

Почему?

В доме Мордвиновых наступило затишье. Женя приступила к новому проекту и домой возвращалась после девяти. Аня же спала вволю, компенсируя страшный недосып последнего месяца, встречалась с немногими своими подругами и приятельницами, с которыми давно не виделась, смотрела кино, читала. Первое время ей звонили знакомые и незнакомые, предлагали работу, но она говорила, что пока не может принять предложение. Очень скоро телефон затих. Безделье доставляло наслаждение. Восстанавливая силы, Аня могла проспать полдня и не испытывать раскаяния из-за потерянного времени.

Планы на этот небольшой отпуск были грандиозные. Дошить платье — заказ знакомой девушки, дорисовать портрет Артема, набросать эскизы театральных костюмов. Однако совершенно не было сил браться за что-либо.

Слава Богу, ноябрь подошел к концу, самый отвратительный месяц в году. В ноябре обычно случаются всякие неприятности, болезни, депрессии. На этот раз вроде бы удалось миновать опасный период без больших потерь. Кажется даже, наоборот, с приобретениями. Только вот приобретение это — не мина ли замедленного действия?

С трудом выбравшись из сна, Аня села на постели и сразу же взялась за телефон, проверила эсэмэски и вызовы. Тишина. Удивительно! Стоит закончиться проекту — и все, никому не нужна! Аня поднялась и прямо в пижаме пошлепала на кухню курить и пить кофе. Включила чайник, насыпала в чашку растворимого кофе и сахара, зажгла сигарету. Взяла пульт и включила телевизор. Первый день декабря, а по телевизору уже гонят новогоднюю рекламу. Не дадут забыться.

За окном обычная для этого времени года московская серость, не то дождь, не то снег. Как хорошо, что не надо никуда идти! В квартире тепло, постель еще не убрана, горячий кофе и сигарета — что еще надо для счастья? А вот на-

до, оказывается.

Щелкая по каналам, Аня нашла какой-то европейский фильм и отложила пульт. Забралась на диванчик с ногами, с удовольствием сделала первую затяжку. Она смотрела на экран, а думала о своем. Почему он не звонит? Что я сделала не так?

Книгу Гаэтана Суси Аня прочла быстро. Она тотчас позвонила Тиму, но тот не взял трубку. Не хотелось быть навязчивой, она стала ждать. Разве не понятно, если тебе звонили и ты не мог подойти, перезвони! Аня накручивала себя, придумывала фантастические объяснения его молчанию, причем самые противоречивые.

Что было не так? Почему он молчит? Потерял телефон с номерами? Не хочет больше видеть меня? Я его отпугнула своей решимостью? Или он болен? А что если он несвободен, у него кто-то есть?

Аня вспоминала фотографию, висевшую в комнате Тима. У нее тогда не было возможности как следует рассмотреть на снимке девушку, которая обнимала Тимофея. Аня не решилась спросить, кто это. Она знала, что Тим не женат, но значит ли это, что он один? Абсурд, конечно. Взрослый мужчина, как-никак.

Видимо, придется признать, что для него это было случайное приключение. Не хочется признавать, но что делать?

И тут ее телефон зазвонил. Аня вздрогнула, сердце больно ворохнулось в груди. Она схватила со стола мобильник и посмотрела на дисплей. Звонил Артем.

— Аня, я в Москве. Увидимся? — с ходу предложил Ненашев.

— Можно, — без энтузиазма ответила она, гася сигарету в пепельнице.

— Ты сейчас не работаешь?

— Нет.

— Хорошо. Позвоню позже, скажу, когда и что.

Выпив кофе и выкурив еще одну сигарету, Аня отправилась в ванную, прихватив с собой мобильный телефон. Умываясь и принимая душ, она думала об одном: почему он не звонит? И опять настроение скакало, как на американских горках.

Почему, почему, почему? Да потому, что я его придумала, его нет...

Но не могла же я придумать этот теплый нежный взгляд, под которым чувствуешь себя хрупкой и защищенной, как у Христа за пазухой. Я не могла и вообразить, что такое бывает! Неужели я ничего не смыслю в людях и моя интуиция — это миф? Но женщина всегда чувствует отношение мужчины, и мое чутье говорит мне, что взаимность была, была проникновенность и мы были единым целым...

Когда она обматывала голову полотенцем, собираясь выйти из ванной, снова раздался звонок.

— Значит, так, — деловито сообщил Артем. — Я заеду за тобой в семь часов. Отправимся смотреть Тарковского на большом экране. Ты видела его «Жертвоприношение»?

— Нет. А где это?

— В небольшой галерее, ты, наверное, ее не знаешь. Там проходит выставка, связанная с юбилеем «Жертвоприношения», ну и гонят его каждые два часа. Ты все увидишь сама. В семь, договорились? Пока.

— Пока.

Оставалось не так уж много времени, а нужно было еще привести ногти в порядок, покрыть их лаком. Для костюмеров и иже с ними ногти — первое дело. Руки должны быть отменно ухожены: работа с людьми, подчас с привередливыми актерами обязывала. А попробуй сохранить их в порядке, когда без конца роешься в куче пыльного тряпья, застегиваешь грубые шинели и затягиваешь ремни на массовке, возишься с грязными ботинками и сапогами! А на салоны элементарно не хватало времени. Аня привыкла делать все сама.

Пока сушились волосы, она занималась ногтями и думала все о том же. Следует ли мне смириться и больше не цепляться за него? Чего я все навязываюсь? В конце концов, я собираюсь с Артемом в Италию, документы уже поданы. Забыть Тима?..

Ее гордость несомненно страдала, но сердце страдало больше. Подумаешь, пренебрегли. Забыть, и все дела. А вот что делать с сердцем, которое обрело, наконец, свой приют? «Бесприютное сердце» — хорошее название для мелодрамы. Аня пыталась убедить себя, что ничего не произошло, мало ли что в жизни случается, все в этом мире ошибаются, но боль в душе росла и требовала выхода.

Ну вот, сегодня развеюсь, пообщаюсь с Артемом, посмотрю в его загадочные глаза... Надо будет дописать портрет.

Она была готова к семи, то есть оделась, высушила волосы и уложила их с пенкой, создав на голове художественный беспорядок. Но настроение было хуже некуда. И как в таком состоянии идти куда-то? Однако ровно в семь Ненашев позвонил снизу, и Аня, натянув пальто и взяв сумку, спустилась к нему.

Артем выскочил навстречу, улыбаясь во весь рот, и протянул небольшой, но прелестный букетик. Потом внимательно посмотрел ей в глаза и осторожно поцеловал в щеку. Аня приветственно улыбнулась и, взяв цветы, села на переднее сиденье.

— Хорошо бы подгадать к началу сеанса, а то потом долго ждать придется, — озабоченно говорил Артем, вырвав с Потылихи на Третье кольцо.

— Как ты съездил, где был? — спросила Аня.

— Во Франции и Германии. Если честно, не мог дожидаться, когда вернусь в Москву! — Он покосился на Аню.

— А в Италию когда?

— На рождественских каникулах, сразу после Нового года. Как раз будут готовы документы.

Артем воплощал бьющую через край энергию, движение жизни. Одет европейски, красив, а глаза — это что-то невообразимое! Аня пыталась вспомнить, что знает о нем кроме того, что он продюсер. Да, приехал откуда-то, кажется, из Екатеринбурга, учился во ВГИКе на продюсерском, в короткие сроки сделал блестящую карьеру. И еще горы свернет. Сколько ему, лет тридцать? К тому же у Ненашева неплохая поддержка в лице отца, который давно живет в Москве и занимается рекламой.

Они успели к началу очередного показа фильма, еще прошли по двум залам, где на больших и малых экранах, развешанных по стенам, мелькали какие-то лица, фрагменты фильма, бегущий текст. Посреди зала на столах под стеклом лежали подлинные фотографии юного Тарковского, его школьная тетрадка, документы, удостоверения личности. Все это было предоставлено га-

лерее сестрой режиссера.

— Вообще-то, это выставка фотографий, которые делала во время съемок фильма одна шведская журналистка, — комментировал Ненашев. — Они еще ни разу не публиковались.

— И где же эти фотографии? — спросила Аня.

— Да вот, на экранах, — указал Артем. — Галерея государственная, бедная, не нашла средств, чтобы их распечатать. Так что смотри во все глаза: эксклюзив!

— Но лучше бы после фильма их пересмотреть, — заметила она. — Я ведь не видела кино, многое мне непонятно.

— Идем, займем места.

Артем провел ее в последний, третий зал, который был погружен в полумрак. Перед большим экраном стояли ряды стульев, как в кинозале. Они сели на свободные места, ждать почти не пришлось: сеанс начался через пять минут...

После показа Аня отказалась ужинать в кафе и попросила отвезти ее домой. Ненашев определенно рассчитывал обсудить фильм, сидя где-нибудь в уютном местечке, однако не подал вида, что разочарован. Было уже поздно, он не настаивал. Фильм произвел сильное впечатление, и Ане не хотелось говорить. Почти всю дорогу они молчали.

Нехорошо было так делать, но Аня опять не пригласила его в дом. Окна на кухне светились, значит, Женя вернулась с работы и, наверное, отдыхала. Или стирала.

— Спасибо за вечер! — сказала Аня и чмокнула Артема в щеку. — За фильм — особое.

И она направилась к подъезду.

— Стой! — крикнул ей вдогонку Артем.

Аня обернулась. Ненашев настиг ее у подъезда и сунул в руки букет, забытый на сиденье в машине. Не успела Аня опомниться, он быстро поцеловал ее в губы, бросил:

— Пока! — и вернулся к машине.

Когда Аня вошла в квартиру, Женя дремала перед телевизором.

— Мама, ложись: тебе рано вставать! — сказала дочь.

— Ой, а я и не слышала, как ты вошла! — встрепенулась Мордвинова. Она действительно уснула в кресле под мерное бормотание телевизора. Изматывается на работе, сочувственно подумала Аня, отправляясь мыть руки.

— Ань, я ужин приготовила. Поешь обязательно! — сказала ей вслед Женя.

Есть не хотелось. Аня переоделась и устроилась на кухне с чаем и сигаретой. Наконец-то можно было закурить спокойно. Она все же стеснялась курить в новенькой, благоухающей кожей машинке Артема. Тем более что он сам не курит. А больше и не было возможности. С наслаждением делая первую затяжку, Аня вспоминала фильм и потом все думала и думала о нем.

Кино, действительно искусство, вернее, может быть искусством. Если за дело берется гений — вот условие. Ну ладно, пусть будет и просто талант. «Жертвоприношение» — фильм-завещание, это добавляет ему пронзительности. Господи, как страшно! Тарковский пророчит катастрофу, как в свое время на пророчил Зону. Как жить в этом мире? Как можно рожать детей, зная, что они обречены?

Аня часто думала об этом. Сегодняшний мир пугал ее жестокостью, беззаконием, торжеством несправедливости. И в этот прогнивший мир, где столько зла, где ценятся только деньги, пустить детей? Как же страшно будет за них... Не хочу замуж, не хочу детей...

Да, но фильм-то о другом. Весь смысл как раз в мальчике, который поливает засохшее дерево, и оно в конце зацветает. Значит, о вере, надежде, любви... А как выстроен каждый кадр, какое удивительное пространство: дом, книги, потрясающее платье героини. Да, Тарковский умел показать красоту женщины. Кино — это синтетическое искусство, на стыке с живописью, скульптурой, музыкой. Захотелось рисовать, любить...

Мама прошла в халатике в ванную. Аня взглянула на стенные часы: двенадцатый час. Закрыв кухонную дверь, Аня взялась за телефон. Нашла нужный номер, нажала на вызов и с замиранием сердца слушала гудки. Кажется, они бесконечны. И вдруг, когда она уже отчаялась и хотела нажать отбой, в телефоне щелкнуло.

— Алло, — негромко сказал он.

— Я приду к тебе отдать книгу? — выдохнула Аня.

Небольшая заминка стоила ей, наверное, седого волоса.

— Приезжай.

Глава 17

Французское кино

Она не знала адреса, поэтому долго плутала в поисках нужного дома. До «Семеновской» доехала на метро, а дальше даже страшновато было идти. Днем все другим здесь казалось. Длинные фабричные заборы тянулись по одной стороне, по другой — чахлые скверики и пятиэтажки в глубине. Кажется, сюда, но уверенности нет. Вот будет фокус, если вломлюсь в чужой дом! Узнаю или не узнаю? Так, детская площадка была, гаражи. Как темно-то, страшно. Там, среди гаражей, темные силуэты шевелятся.

Не помня себя, Аня проскочила опасный участок и увидела нужный дом. Он был кирпичный, в ряду других похожих домов. Какой же подъезд? Кажется, вот этот, посередине. А квартира? Здесь домофон, как попасть внутрь? Почему-то ей не пришло в голову спросить адрес, номер дома. Теперь Аня вспомнила, что есть телефон, и только вынула его, как дверь открылась изнутри. Собачник вел на прогулку своего огромного пса. Пропустив их, Аня скользнула в подъезд, поднялась на третий этаж. Фу-у! Кажется, здесь. Нажала кнопку звонка и замерла в ожидании с сильно бьющимся сердцем. Дверь открылась, и совершенно незнакомый мужчина удивленно уставился на нее.

«Твою мать! Не туда попала!» — мелькнуло в ее голове. Между тем мужчина внимательно оглядел ее и спросил:

— Ты Аня?

— Да, — удивилась в свою очередь она и тотчас вспомнила, что Тим живет не один. — Мне нужен Тимофей.

— Он пошел тебя встречать. Как же вы разминулись? Проходи, я ему сейчас позвоню.

Сосед пропустил Аню в квартиру.

— Снимай пальто, сюда можно повесить.

Аня прошла в комнату Тима, но слышала, как сосед говорил с ним по телефону:

— Она здесь, давай по-быстрому.

Пока ждала, осмотрела жилье Тимофея, заставленное, по всей видимости, хозяйской мебелью. Письменный стол, на котором светился современный монитор и громоздилась какая-то аппаратура, диван, книжные полки, платяной шкаф, кресло. Хотелось курить, но Аня не знала, можно ли курить здесь. Взгляд упал на фотографии, и она подошла поближе, чтобы лучше рассмотреть девушку, обнимающую Тима. Когда это снято? На других снимках ее не было. Фотографии профессиональные, черно-белые, в основном. Аня увидела на полке дорогуций «Никон». Да, Тим, видимо, снимает профессионально.

Стала перебирать диски с фильмами. Много хорошего европейского кино. Со вкусом у него все в порядке. Аня знала, что Тим эстет, как бы это ни противоречило его сверхмужественному облику. Все здесь говорило о художественности его натуры. Он кажется таким родным...

Скрипнула входная дверь, и Аня вздрогнула, запаниковала. Все-таки в глубине души она оставалась той неуклюжей, закомплексованной девочкой, какой была в тринадцать лет! Сказать кому, ведь не поверят.

Тим вошел в комнату, закрыл за собой дверь. Молча смотрел на нее, и глаза его сияли. Нет, я не могу ошибаться, я закомплексованная, но не слепая. Он рад видеть меня! О, счастье. Только почему молчит?

— Вот книга, — Аня вынула из сумки томик Суси.

Тим приблизился, взял из ее рук книгу и не глядя положил на стол. Он не отрывал глаз от ее лица, будто пил в жару холодную родниковую воду. Аня ждала, не зная, что делать дальше. Книгу отдала, теперь свободна, на выход? Он не стал ее больше мучить, обнял, поцеловал в губы тепло и нежно.

— Хочешь есть? — спросил.

— Хочу! — обрадованно ответила она.

— Я мигом, — захопотал Тим. — Да, у меня есть хороший фильм, сейчас вместе и посмотрим.

Он вышел на кухню, а Аня без сил опустилась в кресло. Ей не надо в ночи тащиться домой, рыскать по опасным темным улицам в поисках такси! Ужин, приготовленный из полуфабрикатов, показался ей вкуснее ресторанной еды. Они завалились с тарелками на диван, ели, смеялись, смотрели качественное французское кино.

Как все легко и просто, зачем эти сомнения, недосказанности, страхи? Вот он рядом, и нам хорошо. И фильм забавный, лиричный.

Они не заметили, когда начали целоваться... Теперь Тим был нежен и бесконечно терпелив. Так не бывает, вертелось в голове Ани, когда она глядела в его затуманенные глаза, а потом, зажмурившись, отдавалась осязательным ощущениям, чувствуя его каждой клеточкой своего тела...

Они не спали всю ночь. Под утро опять проголодались и, силясь не шуметь, выходили на кухню покурить и подкрепиться остатками ужина. Как заговорщики, шептались и давились смехом от всякого пустяка. Утром уснули, обесиленные и счастливые.

Она бы никуда не пошла отсюда, если бы не сосед. Тим представил их друг другу, когда они проснулись и привели себя в порядок. Соседа звали Сергеем, он тоже работал в кино, каскадером. Когда у Тима не было работы, Сергей

брал его в помощники для исполнения несложных трюков.

— Вот, значит, где корень зла, — полушутя, полусерьезно сказала Аня.

— Не понял? — всполошился сосед.

— Аня не любит каскадеров, — поддел ее Тим.

— Я не «не люблю», а не понимаю. Как можно сделать профессией падения, ушибы, переломы, постоянный риск? — Она опять начинала сердиться.

— Ну так, самое мужское занятие! — улыбался Сергей, явно подзадоривая ее.

— Во имя чего рисковать жизнью? — горячилась Аня. — Чтобы пощекотать нервишки пресыщенному зрителю, развлечь его? Не понимаю.

Сергей с любопытством смотрел на нее.

— Обычно каскадерами восхищаются: какое мужество, какая сила, ловкость!

— Ну да, ну да... — Ей вдруг сделалось скучно.

Сидя на кухне, они курили, пили кофе. После кофе Аня поняла, что пора уезжать. Как-то почувствовала, что продолжать свидание не нужно. Она попросила Тима:

— Ты дашь мне фильмы, которые обещал?

— Да, конечно.

Он не стал уговаривать Аню остаться, тотчас поднялся и повел ее в комнату выбирать диски. О кино Тим мог говорить бесконечно. Он знал всех талантливых режиссеров, малоизвестные, но отличные фильмы, у него собралась огромная фильмотека из картин, преимущественно скачанных из интернета. Аня была благодарным слушателем, однако теперь ей нужно уходить.

Тим провожал ее до метро. Уже вечерело, район не вполне благополучный. Расставаясь с ним в вестибюле станции, Аня по-прежнему не знала, увидит ли она его еще раз. Помахав рукой, прошла через турникеты и направилась к эскалатору. Ехала и думала: почему, когда получаешь желаемое, хочется больше и больше? Бабушка в таких случаях говорила: «От добра добра не ищут!» Надо бы принять с благодарностью то, что тебе дано, а ты тоскуешь и просишь: еще, еще, еще!

И все-таки хотелось бы знать, позвонит он или нет...

Глава 18

В павильоне

Мордвинова работала не просто на полном метре, а еще и на исторической картине. Она без сомнения согласилась на предложение, несмотря на то, что зарплату обещали минимальную. Вроде как малобюджетный проект, работаем на идею. Снимали биографический фильм о Жуковском. Юбилей у него или что-то в этом роде. Пропагандируем классиков, проникаемся чувством причастности к вечному. Так говорила дочь маститого советского режиссера, бывшая актриса, а теперь режиссер фильма Ада Васильевна.

Ругалась на площадке эта Ада Васильевна как сапожник. Женю коробила ее базарная брань, и она старалась без надобности не попадаться ей на глаза. Вот и теперь сидела тихо в уголке павильона и читала сценарий, который никак не могла закончить. Домой приходила без сил, на первой же странице засыпала. Выходных пока что не было и не предвиделось. Ада Васильевна выжимала из группы все соки.

Хотя вот сценарий, написанный режиссершей собственноручно, был вполне сношен. Мордвинова перечитала много разных сценариев с тех пор, как Аня работает в кино. Ей было любопытно, что нынче пишут и снимают, а не снимают и не пишет нынче только ленивый. Когда Аня вкалывала на 250-серийном «мысле», приносила домой целые коробки с распечатками сценария. Женя все прочесть, конечно, не могла, это было невозможно и нечитабельно, но ее забавляли некоторые «перлы» сценаристов, скажем: «Анжелика с мозахизмом мела двор» или «Сергей шебуршал пакетом». Но самыми смешными казались сокращения или аббревиатуры, типа: «продолжительное ГВГ (глаза в глаза)» или «напряженное тройное ГВГ», словечки: «предсексие», «послесексие».

Да, у «мыла» своя специфика. Там настоящее производство, поточный метод и та же потогонная система. Только еще рутина убивает: ведь эту жвачку могут жевать и год, и два. Аня поработала на таком сериале и ушла, не выдержала.

— Тишина на площадке! — раздалась команда.

Мордвинова встрепенулась, вскочила и выронила сценарий.

— Ты уронила сценарий?! — в ужасе всплеснула руками ассистент художника по костюмам Марина.

— Да, — испуганно ответила Женя и наклонилась, чтобы поднять распечатку. Ассистент и второй костюмер Даша замахали на нее руками.

— Ты что, не трогай! Сначала на него надо сесть, разве ты не знаешь? Сесть надо!

Женя вспомнила, что у киношников среди множества всяких обычаев и суеверий, которые свято блюдутся, есть плохая примета: уронишь сценарий — жди беды. Обезвредить примету можно, сразу усевшись на сценарий. Мордвиновой приходилось однажды наблюдать, как известная актриса, выронив свой текст, плюхнулась прямо на пол, куда он упал. Женя, правда, думала, что примета распространяется только на артистов. Актеры в особенности суеверны. Женю как-то взбесил один молодой актер, когда она спешила пришить прямо на нем оторвавшуюся пуговицу. Он не давался, а потом, смирившись, закусил нитку, чтобы ему память не пришили.

Делать нечего, надо играть по правилам. И хотя Мордвинова не была суеверна, она подчинилась корпоративной этике. Народ вокруг не успокоился, пока не удостоверился, что Женя таки накрыла сценарий своим задом.

В начале съемок она уже столкнулась с одним постоянным обрядом. Это небезызвестный обычай после первого дубля разбивать расписанную группой тарелку о штатив камеры и после разбирать осколки на память. На удачу. Тарелка у Ады Васильевны долго не разбивалась, какая-то небьющаяся попала, и режиссерша нервничала из-за этого.

В павильоне снимался итальянский эпизод. Вообще же в плане стояла экспедиция в Италию и Германию, намечались съемки в Петербурге, натура где-то в Тверской области, в дворянской усадьбе. Мордвинова еще обрадовалась возможности встрепенуться и поездить в командировки. Пока же сидели на «Мосфильме» в довольно прохладном павильоне, а об Италии могли только мечтать.

Снималась сцена родов, Ада Васильевна была недовольна актрисой.

— Что ты мне тут пыжишься? Ты дитя рожаешь, а не на толчке сидишь! Ты играй, как тебя учили, или вас там теперь ничему не учат? Нет, нет, все не то!

Кажется, Ада Васильевна сама готова показать актрисе, как и что надо делать. Зрелище малоэстетичное, если учесть, что режиссерша перешагнула шестидесятилетний рубеж и без своего синтетического парика выглядела по возрасту. Маленького роста, приземистая, даже квадратная, она при этом заражала энергией, была властной и порою безжалостной. С легкой руки администратора Вовы в группе между собой ее называли «Бабушкой». Он же, администратор Вова, рассказал, что «Бабушка» когда-то удостоилась чести работать с Тарковским и теперь утверждала, что якобы от него она взяла манеру рассматривать актеров и всю остальную группу как подсобный материал для своего шедевра.

— Ты что, никогда не рожала? — продолжала буйствовать Ада Васильевна.

— Нет, — пролепетала измученная актриса.

— Оно и видно! — грубо заключила режиссерша.

Однако сцену худо-бедно отсняли. Женю попросили подшить воротнички к двум костюмам, и она занялась, наконец, делом. Еще ни с кем особенно не сдружившись, без Ани, она пока чувствовала себя одиноко в группе. Однако надо привыкать. Впрочем, в кино люди быстро сходятся...

Пока шила, невольно перенеслась мыслями к Туринскому. Что он сейчас снимает? Опять что-нибудь высокопарное, заведомо фестивальное?

Зачем обидела его тогда? И про фильмы его что-то наговорила, и про Анжелочку. Глупо, ни к чему. Он ведь приехал, чтобы поздравить, а я?

Мордвинова так и не решилась позвонить ему, чтобы извиниться. Туринский позвонил сам. Вот уж чего она не ожидала! К тому времени Женя немного успокоилась, обрела равновесие, даже некоторое умиротворение. Работа интересная, люди кругом, дочь рядом, подруга Светка, вполне можно жить и без страстей, в ее-то возрасте. Да и здоровье пора побереечь: не те уже нервы и сердце не то, чтобы переживать такие стрессы.

Однако стоило ему позвонить, Женя поняла, как ждала этого! Пусть буду мучиться, страдать, ненавидеть, чувствовать боль, только не душевный сон! Лучше терзаться, чем не чувствовать вообще ничего.

Туринский, наверное, был пьян или очень возбужден, что среди ночи взял-

ся звонить.

— Женька, до сих пор дуешься? — спросил он, будто они и не расставались.

— Вот еще, делать мне нечего! — ответила Мордвинова, но голос ее дрожал от волнения. — Лучше скажи, как ты, как твое кино?

— «С понтом библейские притчи»? — усмехнулся режиссер.

— Запомнил, мерзавец.

— Я все запомнил, Жень, — проникновенно сказал он, но Женя не купилась на его задушевную интонацию.

— Это хорошо, значит, склерозом еще не страдаешь.

— Иди ты, — обиделся Туринский.

— Сам иди.

Пауза. Женя слушала, как он вздыхает, и чувствовала, как снова возвращается нестерпимая тоска по нему.

— Слушай, ты для чего звонишь? — она была готова злиться на весь мир.

— Да вот, натуру отсняли, возвращаемся в Москву.

— Сочувствую.

— Женька, хватит глумиться! — возмутился он. — Ты можешь хоть раз нормально поговорить?

— О чем, Туринский? У нас есть общая база? Нас что-то связывает? Светские знакомые мне не нужны, не тот возраст, знаете ли. Так что разговаривай со своей Анжелочкой.

— Дура! — тихо сказал Туринский и отключился.

Женя потом долго плакала...

«Бабушка» любила окружать себя какими-то услужливыми тетками, которые смотрели ей в рот, боясь пропустить хоть слово. Мордвинова мысленно окрестила их «приживалками». Еще «Бабушка» любила вещать, то есть воспитывать группу или просвещать ее. Как всякая ханжа, она имела на вооружении христианские догмы, о которых забывала всякий раз, когда нужно было платить группе или организовывать мало-мальски человеческий график работы. Женю возмущало, что выходной давали после ночных съемок, когда по идее должен идти отсыпной. Человек проспит полдня, какой же это выходной? Таким образом Ада Васильевна сэкономила.

Женя дошла воротнички, встряхнула костюмы и поискала глазами ассистента Марину, пухленькую, коротко стриженую дамочку с запутанной личной жизнью. Женя многое знала о ней из доверительных бесед и часто удивлялась тому факту, что Марина была едва ли не ровесницей ей, Жене. И при этом жила насыщенно, полно, ничего не боясь. Женя с любопытством приглядывалась к Марине. Та перманентно худела, не брала кинокорм, а ела какие-то каши, заваривала специальные чаи. Говорила она тоненьким нежным голоском, всегда была спокойна и уравновешена. Но больше всего, конечно, Мордвинову восхищала в Марине ее способность полноценно жить, без оглядки на возраст.

Впрочем, в кино нет возраста. На предыдущем проекте ее все удивляли гримеры, тетки под шестьдесят, которые одевались по-молодежному и вполне способны были ущипнуть за задницу какого-нибудь симпатичного «светика». Престарелые хулиганки.

— Марина, все готово, — сообщила Женя.

Та сделала ей знак рукой: иди сюда. Ада Васильевна в кругу «приживалок»

что-то размеренно говорила. Очередной экскурс в ее героическое прошлое или новое поучение. Мордвинова прислушалась.

— Жуковский поздно женился, почему, вы знаете, но к браку всегда относился более чем серьезно. Он писал где-то: «Уважать святыню семейной жизни следует для того, чтобы была уважаема святыня власти государственной».

Надо же, наизусть шпарит, восхитилась Женя. Иногда в ее отношении к режиссеру проскальзывало именно восхищение. Сама-то она, Ада Васильевна, святыню семейной жизни ох как уважала. Все ее семейство работало на проекте, а главная женская роль досталась невыразительной, такой же квадратной и уже не юной дочке Ады Васильевны. Мордвинова не очень-то прислушивалась к сплетням в группе, но и до ее слуха дошло, что у «Бабушки» муж вдвое моложе ее и тоже работает на фильме. Вот это баба!

Выступление Ады Васильевны было прервано появлением на площадке спонсоров. Все засуетились, режиссерша тотчас из умудренной жизнью матроны преобразилась в светскую записную кокетку. Откуда-то взялся парик, шарфик, и вот тебе уже сама любезность и угодливость. Актриса!

Спонсоры, как всегда, вели себя на площадке по-хозяйски и хамовато.

— Кофе, девочки! — хлопнула в ладони барыня, и приживалки засуетились, предлагая спонсорам сесть и угоститься.

Те пить ничего не стали, но прошлись по павильону, бесцеремонно заглядывая во все уголки декорации, осмотрели костюмы, аппаратуру, не обращая внимания на людей, которые готовили кадр. Ада Васильевна семенила за ними, что-то попутно объясняя, но хозяева жизни ее не слушали.

Женя воспользовалась свободной минутой и снова взялась за сценарий. Однако мысли скоро опять свернули не в ту степь. А как он, Туринский, обходится со спонсорами, подумалось ей. Вряд ли раболепствует, ведь он сам по себе уже величина, у него своя студия. Может быть, его даже субсидирует Госкино или что там теперь. С его-то талантом какие фильмы можно снимать! А он пробавляется пустышками, чистым эстетством, паразитируя на образах Тарковского. Красиво, конечно, но ведь не греет. Неужели у него за душой ничего нет, никакого глубокого содержания, если его фильмы так пусты? Этого не может быть.

Жене отчетливо вспомнились яркие насмешливые глаза Туринского, их волнующий прищур, и ей сделалось так тоскливо, хоть вой...

Глава 19

За что?

Новый год подкрался незаметно. И вот уже все спрашивают друг у друга: — Ты где встречаешь? С кем?

— Конечно, с семьей, — отвечает уже, увы, далеко не всякий.

В последнее время появилась мода в новогоднюю ночь уходить из дома в бары, рестораны, кафе. Многие на все каникулы уезжают за границу. Жизнь в Москве замирает, улицы пустеют, как летом во время отпусков. Особенно в центре. Кого можно встретить в эти дни где-нибудь на Остоженке? Дворников-таджиков в оранжевых жилетах да подозрительных типов в кожанках и спортивных шапочках, надвинутых на лоб. Все они говорят на непонятных языках. Словом, Москва в новогодние дни превращается в иностранный город.

Однако кино не признает праздников, работа продолжается и в новогодние каникулы. Конечно, парочку дней будет позволено погулять, но не более. Вот и хорошо, думала Мордвинова. Ведь это с ума сойдешь, десять дней бездельничать и объедаться! И кто придумал эти длинные праздники, зачем? Это что-то не русская храбрость. Ну, школьникам, ладно, им надо отдыхать. А взрослым-то зачем? Ведь это невыносимо: все парализуется на десять дней с хвостиком!

Впрочем, я рассуждаю как всякая одинокая женщина, которая боится праздников в силу своего одиночества. Именно в Новый год оно чувствуется всего острее. Ведь новогодняя ночь — это показатель твоего семейного благополучия. Вот всякий раз и бодрись, бравируешь:

— Я люблю одна встречать Новый год. Не надо весь день стоять у плиты, чтобы потом, к двенадцати часам упасть без сил, не успевая даже привести себя в порядок!

И соболезнующей Светке говоришь:

— Спасибо, конечно, за приглашение, Свет, но вы там своей семьей, а я кто? Нет, лучше посижу у телевизора, тихо, спокойно...

И хотя Светка всякий раз уверяла, что Женино присутствие только освежит и расшевелит их болото, Мордвинова наотрез отказывалась приехать. Ведь всегда оставалась надежда, что Аня никуда не уйдет, и они будут вместе встречать Новый год. И еще... не надежда, а так, задняя мыслишка: вдруг Туринский вспомнит и ненароком завернет по своему старому адресу.

Женя ехала на троллейбусе с работы и размышляла. Завтра 31 декабря, а она еще не знала, где дочь собирается встречать Новый год. И спросить все как-то недосуг. У них ни елки, ни подарков, ни деликатесов праздничных не припрятано. Да и для кого...

Будь они неладны, эти праздники. Женя чувствовала усталость и тоску. Ну что тут особенного: заканчивается один год, начинается другой. Рождество — понятно, это действительно большой праздник. Но мы-то отмечаем начало нового года! Почему тогда не месяца, не недели? Глупость какая-то.

Настроение было хуже некуда. «Бабушка» наорала: косяков наделали, и была одна серьезная лажа, из-за которой пришлось переснимать сцену. Начало этой сцены снимали месяц назад, на улице. Герой входит в дом в крылатке, а

в передней он оказывается уже в одном сюртуке. Когда успел снять крылатку? Художник рвал и метал, Марина ругала костюмеров. Не записали сцену, а посмотреть в плейбеке, как смонтирован проход, почему-то не смогли. Ада Васильевна так разошлась, что хоть святых вон выноси. Это же драгоценная пленка, время, деньги.

На кухне горел свет: Аня дома! Мордвинова поспешила к подъезду и тут вспомнила, что ничего не купила на ужин. Дома шаром покати. Она достала из сумки телефон, набрала номер дочери.

— Ань, ты голодная сидишь?

— Да нет, я купила курицу и овощей.

— Молодчина.

Женя поднялась в квартиру. Ах, все же хорошо дома: из духовки пахнет жареной курицей, Аня на кухне строгает салат. Разве нам нужен кто-нибудь еще? Завтра ходим в магазин, приготовим оливье и свинину, выпьем шампанского. И елку не нужно, веточки будет достаточно.

Переодевшись в любимые шаровары и майку, Мордвинова вышла на кухню, уселась на диванчике, подогнув под себя ноги.

— Сейчас, уже почти все готово, — Аня поставила тарелки, достала вилки.

— Ань, ты уже решила, где встречаешь Новый год? — спросила Женя как бы между прочим.

Аня достала из духовки курицу, стала ее разрезать.

— Меня приглашал Артем, но я отказалась, — ответила она, не оборачиваясь. — Наверное, он заедет после двух. Встречает у отца, в его семье. А я с тобой останусь, ты же дома будешь?

Женя радостно улыбнулась, хотя дочь все так же стояла к ней спиной.

— Где же еще? Меня звали девчонки с работы и Светка тоже, но хочется дома посидеть, расслабиться... Ань, что с тобой?

Только теперь, подавая тарелки с едой, Аня обернулась и уже не смогла скрыть заплаканное лицо. Женя испугалась:

— Что случилось?

Аня отмахнулась, ответила, не глядя ей в глаза:

— Ничего особенного. Давай поедим.

Они молча ели, но сердце Жени обливало кровью. Не могла она видеть красных глаз дочери.

— Но ты расскажешь?

Аня кивнула.

Она ничего не понимала. Совсем ничего. Было еще несколько встреч с Тимом: прогулки, заканчивающиеся ужином в кафе, чудесные ночи. И все это по Аниной инициативе. Нельзя сказать, что он не звонил сам и не давал о себе знать. Нет, присылал загадочные эсэмэски с цитатами из прочитанных им книг, со стихами, которые, видимо, служили продолжением их бесед.

А говорили они обо всем. Ане безумно интересно было следить за ходом его мыслей и рассуждений. В Тиме дремал недюжинный учительский дар. Он знал, казалось, все и часто делился своими знаниями щедро, с удивительным терпением объясняя те вещи, которые Аня не понимала. Он научил ее выполнять на компьютере сложные для нее операции, показал, как монтирует фильм. Раскрыл свои фотографические секреты, попутно сделав множество удачных Аниных портретов. Глядя на эти фотографии, Аня даже готова была

полюбить себя. Тим видел ее по-своему, проникал в самую суть. Он любовался ею, хотя вовсе не приукрашивал, ловил живые моменты. Он радовался ей, и это было очевидно. Им хорошо было вдвоем.

Но... Говоря о чем угодно, они никогда не касались своих отношений. И Тим никогда не звал ее к себе, не говорил о будущем, их общем будущем. Аня ничего не понимала. Однажды она дала себе слово больше не звонить первой. Выдержала неделю и все же позвонила сама. Что она пережила за эту неделю, один Бог знает! Если бы в этот момент она работала с утра до ночи, разлука не казалась бы столь мучительной. Так нет же, она все еще сидела дома, изредка выходя на работу, когда ее звали помочь с массовкой или подменить на пару дней костюмера. Из грандиозных планов ничего не выходило, у нее все валилось из рук. Когда через неделю Аня позвонила сама и приехала к Тиму, он не спросил, почему она молчала. Будто так и надо. Однако она видела, как он рад, как соскучился!

Что же это такое? Может, на мне родовое проклятье, мужчины это чувствуют и сторонятся меня? Или я совсем дура, ничего не понимаю в людях?

Как всякая женщина, не терпящая неопределенности положения, Аня решилась-таки поговорить с Тимом. К тому же был повод, вполне законный, узнать, с кем и как он встречает Новый год. Это было вчера.

Когда Аня приехала, Тим поделился радостью: он получил заказ сделать фильм о фильме для какого-то совместного проекта и ему заплатили аванс.

— Предлагаю это отметить где-нибудь.

Ане не хотелось снова выходить на улицу, ехать куда-то.

— Может, лучше дома посидим? Тем более что Сережи нет.

— Хорошо, — с готовностью согласился Тим. — Тогда я сбегаю в магазин.

Пока он ходил, Аня обдумывала тактику решительного разговора. Однако он вернулся такой радостный, принес гору вкусных вещей, взялся ухаживать за ней: кормил, чистил для нее их любимый экзотический фрукт помело, наливал в бокал кагора. Аня не решилась испортить ему дорогую минуту. Потом тем более...

Разговор состоялся на другой день, когда она собиралась уезжать. Все утро, не вылезая из кровати, они пили кофе и смотрели фильм Жулавски, и Аня металась между необходимостью поговорить и нежеланием причинить ему боль. Тим был такой беспечный, такой веселый, такой родной...

И вот, фактически уже стоя на пороге, она спросила как бы между прочим:

— А почему ты мне никогда не звонишь, не приглашаешь сам?

Он смутился.

— Я звоню...

Аня рассердилась.

— Но ведь исчезни я из твоей жизни, ты же не будешь меня искать? Впереди Новый год, а ты ни слова, хочешь ли встретиться его со мной!

Тим молчал, нахмурившись.

— Я ничего не понимаю! — продолжала Аня. — Почему я бегаю за тобой, как шестнадцатилетняя девчонка, и никогда не знаю, увижу ли я тебя еще когда-нибудь. Я устала, пойми!

Тим слушал и внимательно разглядывал вешалку с куртками в прихожей. Как двоечник, которого прорабатывает учитель, подумалось Ане, и она еще больше рассердилась.

— Ну что ты молчишь, как нашкодивший пацан?

Она словно забыла, что перед ней взрослый тридцатисемилетний мужчина. Он все больше мрачнел.

— Тим, скажи же что-нибудь! — отчаявшись, вскрикнула Аня.

— Я думаю, — негромко заговорил он, все так же избегая смотреть ей в глаза, — что нам не нужно больше встречаться.

Сердце Ани словно стиснули железной рукой. Она не могла дышать, только выдохнула:

— Почему?

— Ты сама все сказала. Я, наверное, не гожусь для тебя. Я старше, живу иначе, нам трудно вместе.

Этого она не ожидала. Что угодно, но не это.

— Что ж, — с трудом вдохнув недостающий воздух, она открыла дверь. — Больше я тебя не побеспокою, прости...

Она ждала до последней секунды, что Тим остановит ее, скажет, что это шутка, зашедшая слишком далеко, не отпустит ее вот так. Нет, он не двинулся с места, когда защелкнулась дверь, и Аня шагнула к лифту. Пока она ждала, когда кабина поднимется на нужный этаж, ни шороха, ни движения за дверью не услышала. Будто его там и не было.

Она медленно брела до метро, все так же нечем было дышать. Железная рука стиснула все внутри и не отпускала. В метро ей удалось сесть, иначе, наверное, она бы упала. Приехав домой, свалилась на кровать и пролежала до вечера. Не вышла к маме, Женя даже подумала, что ее нет дома. И вот только сегодня она заплакала. Так было больно, несправедливо, горько, обидно! За что?

Почему Тим не сказал мне этих страшных слов тогда же, когда я впервые осталась у него? Почему ждал, пока я окончательно влюблюсь, прорасту, приручусь? Ответов на эти вопросы не бывает...

Ане пришлось рассказать Жене все с самого начала, всю историю ее короткой любви. Пока рассказывала, невольно ловила себя на том, что все переживает заново. Было больно, невыносимо больно, но не говорить о Тиме она не могла. Молчать еще нестерпимее.

Женя слушала, и страдание читалось на ее лице, будто боль дочери медленно проникала в ее организм и начинала мучить с той же силой. Она поняла, что нынешняя свобода нравов и кажущееся легкое отношение к любви не спасает от разочарований и одиночества. Они, нынешние дети, так растеряны, испуганы и одиноки!

Ах, если бы еще найти ответ на извечный вопрос: «Мой милый, что тебе я сделала?»

Глава 20

Женщины в новогоднюю ночь

Печальной получилась встреча Нового года. Мать и дочь делали вид, что им весело и плевать на всех мужчин планеты. Они приоделись, создали по мере сил праздничную обстановку: сделали два салатика, нарезали изысканных закусок, запекли мясо в фольге. На столик в гостиной выставили бутылки с шампанским и виски, в хрустальный графин налили морс. Зажгли свечи в красивых подсвечниках. Елочная веточка, стоявшая тут же, мерцала стеклянными шариками и снежинками из фольги.

— Как мы с тобой похожи! — сказала Аня, подводя маму к зеркалу. — Шикарные женщины: красивые, умные, молодые. Один недостаток: не очень счастливые.

Она включила телевизор, поискала ненавязчивую приятную музыку, налила в бокалы шампанского.

— Знаешь, — сказала Женя, — год на год не приходится. Сегодня так, завтра будет совсем по-другому. Жизнь, хотя и пролетает мгновенно, она все же длинная, и в ней столько всего бывает. Так что давай выпьем за перемены!

Пить не хотелось, но они мужественно осушили бокалы в жажде перемен.

— Давай погадаем на клипах, — предложила Женя.

У них была привычка шутливо гадать на чем угодно: на книгах, на радио, на телевизионных видеоклипах. Только уговор: смысл песни должен быть понятен.

Аня нашла музыкальный канал, где исполнялись без перерывов разные песни, сопровождаемые видеорядом, сделала погромче и загадала:

— На твою личную жизнь, на будущего избранника.

Однако одна за другой исполнялись иностранные песни или рэп, который тоже не брался ими в расчет из-за неразборчивости текста.

— А давай на радио! — вдохновилась Женя. — У меня там только по-русски поют.

Пока Аня приглушала телевизор, Мордвинова включила музыкальный центр, настроила на любимую радиоволну. Обе прислушались, улыбаясь:

— «Чиж» поет, — догадалась Женя.

Аня приложила палец к губам: слушай. Из колонки неслось:

— «А он в деревне хрен растит на всю страну...»

Они так и прыснули.

— Подумать только, — хохотала Женя, — какой у меня избранник полезный! Хреном страну обеспечивает, а у нас такая страшная нехватка хрена...

Они хохотали как сумасшедшие.

— Теперь тебе, на следующую песню, — немного успокоившись, предложила Женя. — Что бы ты хотела узнать?

Тут их прервал телефонный звонок. Это Светка в очередной раз пыталась уговорить Женю приехать. Обычно они сидели с Толиком вдвоем. Дочь жила с семьей за границей и лишь изредка приезжала на Новый год.

— Свет, мы же с Аней тут, — отбивалась Мордвинова.

— Вместе и приезжайте, — не отставала Светка.

— Поздно уже, не успеем. Да и зачем мы тебе, ты же с мужем?

— Да что муж, — вздохнула Светка, — обняться и плакать. Ритка не приехала, у себя в Германии встречает. Ну, ладно, Жень, с наступающим вас.

Женя положила трубку и сказала задумчиво:

— Видишь вот, Светка с мужем, а все равно одинокая...

— Но важно же быть не с кем-то, а с любимым человеком! — возразила дочь.

Женя пожала плечами:

— Так ведь у ней не абы кто, а муж.

— И что? Думаешь, ей с ним не скучно? Да надоели друг другу до озверения, какой тут праздник!

Мордвинова загрустила:

— У тебя упрощенное представление о семье. Между двумя людьми всегда есть что-то, скрытое от глаз посторонних, что-то, одним им ведомое. И пусть кажется, что надоели, их связывает нечто большее, чем кажется со стороны.

— А я не понимаю, зачем так мучиться, если уже ничего не могут дать друг другу? Привычка — вторая натура.

Женя почувствовала, что Аня раздражается, и воскликнула:

— Смотри, уже пора провожать старый год!

Они выпили еще немного шампанского.

— Нет, Омар Хайям был прав, говоря: «Ты лучше голодай, чем что попало есть, И лучше будь один, чем вместе с кем попало!» — проговорила Аня, будто ставя точку в едва наметившемся споре.

Аня не могла себе признаться в том, что она невольно ждала, ждала до последнего момента, что Тим позвонит, позовет. И когда пробила полночь и они выпили за Новый год, продолжала ждать, что он хотя бы поздравит. Она вышла на кухню покурить, а в это время Мордвинова, поддавшись хмельному порыву, набрала номер Туринского. Долго слушала гудки, ругая себя на чем свет стоит.

— Алло! — наконец отозвался телефон хрипловатым голосом режиссера. В трубке слышались звуки шумного веселья: смех, крики, музыка, звон бокалов.

— С Новым годом, Туринский, — с трудом выговорила Женя.

— Спасибо, спасибо, — ответил знаменитый режиссер фальшивым голосом. — Тебя тоже с ним же.

— Ну все, будь счастлив, — Женя поскорее попрощалась с ним, чтобы не слышать этой фальши. Должно быть, Анжелочка рядом, решила она.

Мать и дочь тихо сидели у телевизора и пили чай с праздничным тортом, когда приехал Артем Ненашев. Он позвонил Ане, попросил открыть ему дверь. Войдя в квартиру, гость с любопытством огляделся.

— Везде шум, веселье, а у вас тишина, — заметил он с улыбкой, подавая встретившей его Жене какие-то пакеты.

— Раздевайтесь, проходите, — оживилась Мордвинова. — Сейчас я вас буду угощать.

— Спасибо, я только что от стола, — приложил руку к сердцу галантный молодой человек. — Вот шампанского немного выпью с вами.

— Надеюсь, ты не за рулем? — поинтересовалась Аня.

— За рулем, но чуть-чуть выпить сегодня, я думаю, можно.

Он снял в прихожей свое элегантное пальто и прошел в гостиную. Достав из пакета бутылку шампанского, ловко вскрыл ее и разлил вино по бокалам.

— С Новым годом! — провозгласил тост.

— С Новым годом! — подхватили приунывшие было женщины.

Появление Артема внесло в их вечер оживленную суету. Его усадили, положили на тарелку салат, на блюде — торт, однако Ненашев ни к чему не приотронулся. Женя достала из пакетов виноград, мандарины, сыры и всякие деликатесы. Куда такая прорва, нам сроду не съесть, подумала со вздохом.

— Да, у меня ведь есть для вас подарки! — всполошился Артем.

Он кинулся в прихожую, достал из кармана пальто два небольших сверточка в блестящей бумаге. Было и вовсе неловко принимать от малознакомого мужчины подарки, к тому же столь ценные. Жене достались изящные серьги из белого металла (уж не платина ли?) с прозрачными, как капля воды, камушками. Они покоились на малиновой подушечке в бархатной коробке. Аня же с интересом рассматривала удивительное по дизайну кольцо из черного золота, украшенное редчайшим зеленоватым бриллиантом.

— Спасибо, — смущенно пробормотала Мордвинова, разглядывая нежданное богатство. — Но я не знаю...

— А у меня тоже есть для тебя подарок! — вспомнила дочь. — Конечно, о равноценности и речи нет, но все-таки...

Она метнулась в свою комнату, сняла тряпку с портрета Артема, который давно забрала к себе, чтобы закончить его без помех, понесла в комнату.

— Вот! Только не очень удачный, — она протянула подарок Ненашеву.

Тот с неподдельным любопытством разглядывал портрет, с которого на него смотрел inferнальный зеленоглазый красавец в образе вампира, но не злоедей, а романтизированный.

— Да, интересное решение! — удивленно заключил он.

— Тебе тоже не нравится? — Аня потянула портрет к себе. — Ладно, я нарисую другой.

— Нет-нет, очень нравится! — спохватился Артем. — Я его заберу: ты мне его подарила.

Он прижал портрет к себе.

— Конечно, нужна рамочка, но это если уж совсем по уму, — добавила она, сдаваясь.

— Спасибо, — в знак благодарности Артем чмокнул художницу в щеку и поставил портрет на полку стеллажа, чтобы можно было им любоваться.

Женя следила за молодыми людьми и думала: как бы неплохо было, если бы они подружились, а там, глядишь, и поженились. Я была бы спокойна за дочь. В Артеме чувствуется надежность и сила. И, кажется, он влюблен не шутя. Дай Бог, чтобы ему хватило терпения завоевать ее и приручить!

Эх, в который уже раз подумала Мордвинова, и почему мы любим только то, что ускользает от нас, не дается в руки, и никак не хотим посмотреть вокруг?

— Дорогие дамы, предлагаю ехать кататься, гулять: там настоящая новогодняя ночь! — предложил Ненашев, решительно поднимаясь с дивана.

Женю после шампанского тоже потянуло куда-то, но она решила не мешать молодой паре. Артем настаивал:

— Едем-едем! Ну, что вы будете одна сидеть?

— Да я сидеть не собираюсь, я спать лягу. Простите, привыкла на работу рано вставать.

И как ни уговаривали ее Аня с Артемом, она стояла на своем. Проводив их, Женя устало опустилась в кресло. Некоторое время она пялилась в телевизор, борясь с дремотой, потом встрепенулась, набрала номер подруги.

— Да? — кисло ответила Светка.

— Ты еще не спишь? — спросила Женя.

— Нет, что ты. Мой благоверный давно почивает, а я телевизор смотрю.

— Может, ты ко мне приедешь? — предложила Мордвинова.

Светка умолкла, перебарывая неожиданное предложение.

— Аня гуляет где-то, посидим вдвоем, как в старые добрые времена! — добавила Женя для верности.

— А что? — вдохновилась подруга. — Пуркуа бы не па, как говорят французы? Еду!

И уже через двадцать минут она снимала в прихожей шубу и вручала Жене бутылку мартины: Светка не признавала шампанского.

— Представляешь, с такси как повезло! — шумела Светка. — Рядом машина оказалась, в нашем районе. Моментом домчались. Улицы пустые...

И подруги уютненько устроились на диване у столика, заваленного всякими изысками и уставленного бутылками, налили по полному бокалу мартины с апельсиновым соком и от души поздравились с Новым годом. За этим бокалом последовали другие. Они давно так хорошо не сидели, не говорили, не пили.

— А на кой черт нам эти мужики, а, Жень? — спрашивала Светка. — Ну, вот скажи, какой от них взрослой самодостаточной женщине толк?

— Никакого, потому что самодостаточным женщинам никто не нужен. Мужчинам-то хочется нас спасать, опекать, беречь... А мы? Мы не даем им этой возможности, — рассудительно отвечала Мордвинова.

— Не-ет, — пьяно возражала подруга, — мужчина нынче — это предмет роскоши, и не всякая женщина его может себе позволить. Увы, тяжелые времена, кризис, понимаешь...

— Ты-то себе можешь позволить Толика, — уже ничего не понимая в их диалоге, заметила Женя.

— Но мы же говорим о мужчинах! — возразила Светка.

Женя вспомнила:

— Знаешь, Свет, где-то в интернете я читала рекомендации женщинам нашего с тобой возраста. И вот что там пишут. В нашем элегантном возрасте на первый план выходят подруги! Именно подруга необходима для дамы наших лет, чтобы не впадать в депрессию, мягко пережить неизбежно надвигающуюся так называемую менопаузу. — Мордвинова хлебнула из бокала и добавила с удивлением: — Почему пауза? Будто после нее все будет как раньше! — Она еще раз хлебнула и заключила патетически: — Словом, друг без друга нам труба!

Светка расчувствовалась.

— И то, Женька! Зачем нам лишняя мебель в доме, когда есть подруга! Мебель — это я про мужа. Ему что ни говори, все как в песок. Ничего не слышит, глаза пустые...

— Однако ты не спешишь избавляться от лишней мебели, — уколола Женя подругу.

Светка добродушно ответила:

— Жалко выгонять, пусть живет, он не вредный.

Они обнялись, всплакнули, потом стали вспоминать песни из студенческой юности. Словом, когда Аня под утро вернулась с прогулки, она обнаружила в доме полный декаданс.

Глава 21

Италия

Аня собирала чемодан, что для нее всегда было трудной задачей. Трудность состояла в выборе. Они летят в теплую, в целом, страну, но зимой. Что надеть сверху, какую брать обувь? Как принято в отелях одеваться к обеду и ужину? Какого класса отели? Сплошные вопросы и ни одного ответа. Артема спрашивать бесполезно, он сразу сказал:

— Все, что ты ни наденешь, все смотрится на тебе по-королевски, пардон, по-княжески.

Жаль, мама на работе. Они вчера еще попрощались на десять дней, столько времени займет путешествие в Италию. Через три часа самолет в Неаполь, а мне совершенно не хочется лететь. Отступать поздно, и, конечно, я полечу, я не могу подвести человека, который столько для меня делает. Он заслуживает много большего. Но какая же тоска на сердце, неужели это не пройдет?

Аня не чувствовала правомерности своего согласия на Италию. Мама понимала ее и все же не скрывала радости:

— Господи, Анечка, прикоснешься к истории, увидишь творения Микеланджело и да Винчи! Это звучит как волшебная музыка. Представляешь, сколько впечатлений ты привезешь из Рима, Венеции? Это же Мекка художников и писателей испокон веков.

Но Аня не могла, как ни силилась, разделить ее радость. Вот напасть: всю жизнь мечтать об Италии, и когда мне ее подносят на блюдечке с голубой каемочкой, я нос ворочу. Нет, надо укрепиться духом и сделать все, чтобы Артем не почувствовал истинных моих настроений.

Да и теплится где-то в глубине души надежда, что вдруг случится чудо и она освободится, сбросит груз тоски и бессмысленного страдания! Вспомнив о Тиме, Аня подумала, как была бы счастлива сейчас, если бы с ним летела в Неаполь. И вообразить невозможно!..

Но, увы. Тьфу, опять разнылась. Это оскорбительно по отношению к Артему, нехорошо, низко. Если быть честной, то не надо никуда лететь. Однако как сказать Ненашеву об этом за два с половиной часа до вылета.

И только Аня подумала так, зазвонил телефон и определился номер Артема.

— Ты готова? Я уже подъезжаю.

— Почти.

Что ж, чему быть, того не миновать. Кто сказал, что я — свинья неблагодарная? Аня заспешила, боясь что-нибудь забыть. Как всегда в таких случаях, куда-то пропадали только что лежавшие на глазах предметы личной гигиены, украшения, духи...

Артему пришлось немного подождать, когда он поднялся в квартиру, чтобы взять Анины вещи. Но вот они уже в пути. Да чем черт не шутит, думала она, поглядывая на его серьезное лицо, может быть, меня ждут чудеса, и я за-

буду, забуду, кого не следует помнить, и упьюсь свободой и красотой Италии?

В самолете Ненашев уснул, он двое суток почти не спал, завершая какие-то срочные дела. Аня время от времени взглядывала на него, стараясь отстраниться от привычного видения. Красив? Красив. Харизматичен? Безусловно. Одевается? Пусть не оригинально, но безупречно, ему идет. Сложение? Не атлет, но далеко не урод, строен, худощав. А еще тактичен, терпелив. Мать, да тебе крупно повезло!

Я ничего не знаю о нем кроме того, что его жизнь связана с кино. Что еще кроме кино? Что он любит? Был ли женат? Какие драмы пережил?

Ане вдруг показалось, что рядом, в соседнем кресле спит незнакомец, с которым ей предстоит сблизиться и, даст Бог, подружиться. И, в общем-то, все может быть таким интересным!

А пока она уткнулась в роман Айрис Мердок и попыталась читать, чтобы не скучать в пути. Однако ей никак не удавалось сосредоточиться. Мне надо будет ему все рассказать. Он поймет, а если не поймет, все равно я скажу ему о Тиме. Он должен знать.

Аня выпила предложенный стюардессой коньяк, попросила еще. Было неуютно и немного страшновато. Захотелось курить. Она смотрела на тяжелые облака внизу и думала об огромности мира, о колоссальных возможностях, которые есть у человека, если он сознательно не ограничивает себя и не ставит мысленные шоры. Незаметно она задремала. Когда прилетели, была вялой и скучной.

И вот они на автобусе спустились по горному серпантину к городу. Жаль, сейчас зима, подумала Аня. Что здесь делается весной и летом! Какая, должно быть, красота! В Неаполе остановились в небольшом, уютном отеле с видом на Везувий. Артем снял один номер на двоих, что не вполне устраивало Аню. Где, скажем, курить? Об остальном и говорить нечего. Что делать, здесь все решал Артем. Как, впрочем, и всегда.

Поделив полки в шкафу, они разбирали вещи, когда Аня решилась объяснить.

— Артем, мне нужно кое-что тебе сказать.

Он собирался отнести в ванную туалетные принадлежности, остановился на полдороге, спросил:

— Ты уверена, что нужно?

— Уверена.

— Сейчас?

— Лучше сейчас, сразу...

Артем все же дошел до ванной, вернулся и сел в одно из двух кресел, стоявших в номере.

— Сразу так сразу, — улыбнулся он.

Аня закурила, не спрашивая позволения. В конце концов ему пора свыкнуться с мыслью, что я курю. Выдыхая дым и следя за струйкой, она начала говорить.

— Есть человек, который очень мне дорог. Так случилось, что мы теперь не вместе. Я не знаю, навсегда это или только временно. Ты должен знать, что он есть, а если он снова возникнет в моей жизни, то... Я уйду к нему.

Она умолкла, ожидая, что скажет на это Артем. Он молчал, осмысливая услышанное, наконец произнес:

— Я понял. Не важно. Все неважно, раз ты со мной.

Он подошел к Ане, потянул за руку к себе, обнял, глядя в глаза:

— Забудь на миг обо всем, мы в Неаполе! Понимаешь? Ты можешь любоваться этими улицами, соборами, может быть, они вдохновят тебя на новую картину. Ведь, если я правильно понимаю, художнику это необходимо.

— Художнику! — усмехнулась Аня. Она положила голову на плечо Артему и закрыла глаза. Вот и забыла.

Какая я жадная и как много мне надо. И Артема тоже надо. Эти безумные зеленые глаза — самое живое и истинное в нем. Когда я рисовала их, мне казалось, что я разгадала их тайну. Но, видимо, не до конца. Я должна видеть его в страсти...

Потом они обедали в отеле, потом вышли в город и долго гуляли по удивительным улочкам. Артем звал ее в музеи, но Ане почему-то не хотелось заходить в помещения. Была мягкая пасмурная погода, в которую все навевало тихую грусть и хорошо гулялось. Аня изучала незнакомую ей архитектуру. Каждый древний город имеет свой неповторимый облик.

Нагулявшись, они вошли в маленькое кафе отдохнуть и выпить кофе. Пока ждали заказ, Аня захотела курить, но не нашла зажигалки. Молодой красавец-официант принес им кофе, и Аня, вспоминая школьные азы английского, пыталась сформулировать вопрос:

— У вас есть... огонь?

— Огонь? Есть! — не растерялся официант и дохнул на нее, подобно огнедышащему дракону, сопроводив это выразительными жестами.

Аня рассмеялась, оценив двусмысленное кокетство итальянца, не выходящее, однако, за рамки приличия. Молодой красавец принес ей зажигалку и откланялся. Ненашев с любопытством наблюдал за ними.

Артем активно изучал город. Обзаведясь картой, искал на ней нужные объекты и тянул Аню за собой смотреть их. Она снисходительно подчинялась и с улыбкой посматривала на взрослого человека, который радовался возможности узнать что-то еще и совершенно по-щенячьи бросался на все новое.

У Ани не было такого энтузиазма, хотя она впервые оказалась за границей. Не от равнодушия, а от обилия сильных впечатлений. Их требовалось пережить, переварить, на это необходимо время. Аня берегла силы, складывая все в копилку про запас, зная, что потом эти впечатления всплывут, когда будет необходимо. Она зарисовала замок, одной стеной спускавшийся в море, зарисовала силуэт Везувия, тонувшего в сизой дымке.

— Завтра едем в Помпею! — сообщил Артем, когда они вечером вернулись в отель.

Ужинали в том же ресторанчике, и Аня оделась просто, как всегда. Глядя на сидевшего напротив мужчину, Аня продолжала открывать его для себя, как незнакомца, изучать его, привыкать к нему.

— Почему ты так смотришь? — спросил Артем.

— Хочу тебя знать.

— Разве ты мало знаешь меня? — удивился он.

— Хочу больше узнать.

Ненашев взглянул глубоко в глаза тем, «вампирическим», взглядом, и Аня опять ощутила его магнетическую власть.

И все-таки мы по отдельности: он и я. Он славный, интересный, может

быть, слишком подвижный для меня, но чудесный. И все-таки, есть он и есть я. Два мира, две планеты. Возможно ли для нас слияние планет?

Когда они вернулись в отель, слова уже были не нужны. Аня видела, как волнуется Артем и ждет, когда она подаст какой-нибудь знак. Она молча подошла к встревоженному мужчине, положила голову ему на грудь. Ане показалось, что он растерялся на какой-то миг, но тотчас обнял ее и крепко сжал в объятьях...

Италия с ее городами Неаполь, Рим, Флоренция, Венеция, Сиена казалась иным миром, где действительно забывалось все московское, уходило куда-то вместе с болью саднящей раны. Аня не помнила, кто она, откуда, зачем здесь? Может, она жила когда-то, до того как проснулся Везувий, в Помпее, вот в таком каменном доме с маленьким бассейном посередине. У нее была расторопная служанка и старый отец, который мечтал выдать ее замуж за богатого патриция.

В отрочестве Аня обожала античную историю и античное искусство, часами могла сидеть в Пушкинском музее, глядя на совершенные мраморные изваяния или другие обломки ушедшей цивилизации. Потом на листе бумаги воспроизводила дорические колонны, черные амфоры, разрисованные красными фигурками, головы благородных римлян.

Если бы ее теперь спросили, сколько ей лет, где она живет и чем занимается в Москве, она совершенно искренне бы не вспомнила. А Артем... Он не очень-то и мешал. Когда он был излишне активен и бодр, Аня уходила гулять одна. Это условие она обговорила сразу, и Артем был вынужден согласиться. К тому же он прихватил с собой в Италию Анин сценарий, который та давно уже ему подсунула, но все не было времени прочесть. Теперь такая возможность появилась. Он почитывал сценарий, сидя в кафе, в одиночестве, или отправлялся гулять по своему маршруту.

Вечером они встречались в отеле, и Аня показывала свои зарисовки, которые делала во множестве. Они делились впечатлениями о порознь прожитом дне. Когда сценарий был прочитан, Ненашев не сразу сказал об этом. Ане пришлось вытягивать из него признание: сценарий не понравился.

— Это невозможно снять, — говорил Артем, и лицо его приобрело жесткое, холодное выражение. — Образы, образы, а где действие? Мало действия. Это не видеоряд, а больше эмоции. Аня, ты художник, это очевидно. Зачем тебе писать сценарии?

Аня пожала плечами и ничего не ответила на это.

Переезжая из города в город, они были счастливыми странниками без памяти и прошлого. Однако ближе к завершению путешествия Аня почувствовала усталость, эмоциональную перенасыщенность и раздражение. Не имея длительного опыта совместной жизни с мужчиной, Аня страдала от постоянного присутствия рядом чужого человека. Она никогда ни с кем не сближалась настолько, чтобы делиться особенностями женского существования, и она определенно чувствовала дискомфорт от того, что рядом в ванной брился мужчина, что ей приходилось ходить в туалет, когда он в номере, что он видел ее утром, заспанную и нечесанную. Раздражение нарастало, и Аня уже с нетерпением ждала возвращения домой.

Артем же, казалось, не знал утомления и неудобств. Разве что влюбленность давала ему неиссякаемую энергию, но к концу их поездки он был, как и

в начале, бодр, свеж и заинтересован. Возможно, это было только внешне, а глубоко внутри он тоже испытывал всякого рода неудовольствия? Вряд ли, Аня бы это почувствовала. Он искренне отдавался общению, прогулкам, наблюдениям. С упоением рылся в цветных проспектах, изучал местные карты, разыскивал что-то интересное помимо обычного туристического маршрута.

В день вылета Аня подумала о сувенирах, но денег не было, да и ходить по магазинам в поисках никому не нужных вещей вовсе не хотелось. Она решила только заглянуть в магазины одежды, так, ради любопытства. Она не хотела впутываться в авантюру Артема, но тот увязался за ней. В результате Аня не смогла отказаться и сделалась обладательницей красивого модного пальто, сапог и вечернего платья. Артем оплатил покупки.

— Купи что-нибудь и Жене, — предложил он.

Аня выбрала для мамы красивый платок и пару кофточек. Артем расплатился карточкой и собрал свертки.

— Я верну тебе деньги, когда заработаю, — пообещала Аня, почувствовав угрызения совести, как только они вышли из магазина.

— Пустяки, — отозвался Ненашев. — Забудь об этом.

Она внимательно посмотрела на него. Кажется, Артем грустит. Она же, напротив, была оживлена в ожидании отъезда. Ей и вовсе сделалось совестно.

— Спасибо тебе за все! — Аня остановилась и поцеловала Артема в губы. Он улыбнулся какой-то беззащитной улыбкой. Сердце Ани защемило, когда она взглянула в его глаза. В них читалась такая грусть, что хоть брось.

Дура, какая дура! Зачем поехала? Знала же, знала! Италия поманила, заграница, епрст. Они в молчании вернулись в номер, упаковали чемоданы. Потом снова серпантин, горы, самолет, тяжелые облака внизу. Они почти не говорили, разве что «Ты у окна?», «Читать будешь?» и другие пустяки.

И едва приземлились в Шереметьево, Аня поняла, что безумно рада возвращению и снова страстно хочет видеть Тима.

Глава 22

Ночной визит

Съемки «Жуковского» были приостановлены из-за недостатка средств. Что-то там случилось у спонсоров. Конечно, ни о какой Италии-Германии не могло быть и речи. Даже Питер оставался под сомнением. Воспользовавшись моментом, Ада Васильевна не оплатила последний месяц работы всем, кто не мог защитить своих прав. И костюмерам в первую очередь, не говоря уж о рабочих-таджиках. Конечно, так прямо она не отказывала, обещала что-то предпринять. И зарплата оставалась исключительно на ее совести, никаких других рычагов заставить «Бабушку» платить не было. Как выяснилось позже, она уже обманывала таким образом работающих на нее людей.

Мордвинова ломала голову, что же теперь делать, когда, очередной раз явившись на «Мосфильм», получила от ворот поворот. Молодой таджик Айрик сидел на обломке декорации и сокрушенно качал головой:

— Ай, ай, кушать нада, жить нада... Как?

И такая тоска читалась в его огромных персидских глазах, что у Жени внутри все перевернулось. А чем она могла помочь? В таком же положении оказалась. Последние два месяца Аня пробавлялась случайными заработками: что-то сшила, подработала на социальной рекламе, но этого мало. Конечно, с голоду не умрешь, но надо оплачивать счета, закупать продукты, одеваться надо к весне, в конце концов. Хорошо еще, от питерской квартиры есть небольшие деньги. Мысль, что она, взрослая здоровая женщина, будет жить за счет дочери, тяготила Женю. И, как назло, накопились какие-то долги, включая и те деньги, что она задолжала Светке за юбилей. Все откладывала момент расплаты, дооткладывалась.

Мордвинова ехала домой и злилась. Ей-то, Аде Васильевне, что? С голоду не умрет, не Айрик. Небось, себе в карман зарплату положила или, еще противнее, «на идею», то есть вложила в свою будущую нетленку. Нашла же денег, чтобы оплатить дорогую модную актрису, редкую бездарь, но примелькавшуюся в сериалах! И с операторской группой рассчиталась. Ха, попробовала бы Адочка этого не сделать! Они б ее в порошок стерли. Их профсоюз дело свое знает, да «Бабушка» и сама понимает: без оператора фильма не будет.

По дороге домой Женя зашла в магазин и долго думала, что лучше купить: овощи или курицу. И то, и другое не получалось. Если отдать Светке деньги от питерской квартиры, то буквально нечего будет есть. Ну да ладно, можно и поголодать, полезно. Женя вспомнила, как жила без работы на арендные деньги. И их ведь хватало. Конечно, она ничего не покупала себе, питалась как придется, да много ли ей было нужно? Теперь инфляция все съедает, квартплата сделалась запредельной, цены на продукты тоже. Жизнь в Москве — испытание не из легких. Все соки выжимают из простого москвича. Ох и дождутся!

Такие революционные мысли одолевали Мордвинову, пока она шла из магазина домой. Закрыв за собой дверь квартиры и очутившись в знакомой обстановке, где ей было уютно и спокойно, Женя подумала уже примиренно: ну ничего, Аня вернется завтра, найдет работу. Да, может, Ада Васильевна все же раскошелится, ведь фильм еще не закончен, будут досъемки. Как-нибудь пере-

живем этот месяц...

Она занялась привычными делами, и бунтарский дух окончательно оставил ее. Закончив с приготовлением нехитрого обеда, состоявшего из овощного салата, Женя быстро перекусила и взялась за телефон.

— Свет, я хочу тебе отдать оставшуюся часть долга, — сказала она в трубку.

— О, очень кстати! Впрочем, разве деньги бывают некстати? Я заеду, Жень, сто лет не виделись.

Женя решила до ее появления сделать уборку: стереть пыль, помыть полы. Без Ани она ленилась, жаль было терять время, когда можно почитать, посмотреть фильмы. С этой работой ведь света дневного не видишь.

Светка примчалась в конце рабочего дня и внесла в дом запах морозца на своей песцовой шубке и кругленький, как она сама, смех. Ворвавшись на кухню, она воскликнула:

— Слушай, я такая голодная!

Мордвинова виновато посмотрела на нее:

— Ой, а у меня только салат овощной...

— Давай салат, — со вздохом согласилась подруга. — Конечно, я бы сейчас свининки откушала изрядный кусочек: день сумасшедший, поесть было некогда. А ты худеешь, что ли, Жень?

— Да где там! — возмутилась Мордвинова. — Не до похудения тут.

Она прикусила язык, едва не проговорившись, что попросту нет денег на продукты. Светка тогда не взяла бы возвращенный долг, а тянуть дальше некуда. Подруга полезла в холодильник и, не обнаружив там ничего вкусного или мясного, удивленно воззрилась на хозяйку:

— Жень, где еда-то?

— Не ищи, нет. Я... в магазин не ходила, некогда было. Работаю как лошадь.

— Аньку отправь. Нельзя же так.

Женя махнула рукой:

— Анька завтра только возвращается из Италии. Да, вот такие мы пусто-домки.

Светка без энтузиазма умяла салат и взялась за чай.

— Ну, хоть конфетку-то дай. Иль печенючку?

Вид у нее был такой жалобный, что Женя поцеловала беднягу в макушку. И тотчас вспомнила про заначку — небольшую шоколадку, которую Аня как-то припрятала на черный день.

— Ну вот, хоть что-то, — обрадовалась Светка.

Она уехала после десяти, и Женя легла спать пораньше, чтобы отоспаться, наконец, после трудовых будней. Неунывающая подруга, с ее энергией и легким взглядом на жизнь, окончательно излечила ее от тревоги и страхов.

Мордвинова уже десятый сон видела, когда вдруг подскочила на кровати от оглушительной трели домофона. Машинально поглядела на часы: половина третьего ночи. Первая мысль была об Ане, но с какого перепугу дочь будет звонить ночью в домофон? Тогда кто?

Женя немного выждала: вдруг ошиблись. Однако трезвон не прекращался, казалось, что он разбудит сейчас весь дом. Женя подкралась к домофону, осторожно сняла трубку.

— Да?

— Открывай, а то я сейчас околею на этом гребаном ветру! — хрипло про-

орала трубка.

— Кто это? — спросила Женя с недоумением.

— Женька, ты что, совсем офонарела? Открывай быстрее, я замерз!

Господи, да это же Туринский! Она нажала на кнопку домофона, щелкнула замком двери и забежала по комнате, хватая халат, расческу, все, что под руку попадалось. Туринский ввалился весь заснеженный, с красными руками.

— С ума сойти! — ахнула Женя. — Ты откуда такой?

— Пешком шел от моста, потому что этот...

— Не ругайся!

— ...таксист-кавказец не повез меня сюда. Не по пути, говорит. А по-моему, просто струсил. Я его припугнул, он машину остановил и говорит: «Топай на своих двоих».

Мордвинова поняла, что знаменитый режиссер пьян в стельку.

— Что ты несешь? — пробормотала она, помогая Виктору Алексеевичу снять пуховую куртку. — Где твои перчатки?

— Хрен их знает.

Вид у него был несчастнейший. Женя протащила помороженного режиссера на кухню, достала водку и взялась растирать его руки.

— Полегче, полегче! — возмутился он. — Я не дам тебе зря переводить ценный продукт.

Как-то исхитрившись, Туринский выхватил из рук Жени бутылку и пристроился пить прямо из горлышка.

— Да хватит тебе! — Женя вырвала бутылку. — Не бережешь себя совсем.

Она заварила чай прямо в кружке и подала ее Туринскому.

— О, вот это хорошо! — обрадовался тот. — Сейчас согреюсь. А у тебя тепло. — Тут он рассмеялся. — Помнишь, Женька, была как-то жутко холодная зима в Питере, мы мерзли отчаянно и грелись с тобой спиртом «Рояль»? Его тогда везде продавали...

Мордвиновой не понравились его воспоминания.

— Слушай, ты почему ночью болтаешься по городу? Почему дома не сидишь?

Туринский скорчил пьяную гримасу:

— Дома! Это не дом, а карцер. Тебя бы туда...

Женя оторопела:

— Ты понимаешь, что говоришь, или совсем плохой? Витька!

Туринский тяжело вздохнул и снова потянулся к бутылке.

— Ну уж нет! — Женя унесла водку к себе в комнату и убрала в шкаф.

— Хватит уже, — вернувшись, сказала она. — Послушай сам, что ты несешь. И я вообще не понимаю, что ты тут делаешь!

Однако Туринский не ответил. Он замер, положив голову на сложенные на столе руки.

— Ты что, спишь? — возмутилась Мордвинова.

— Не, не сплю, я на тапочки смотрю, — пробормотал всемирно известный режиссер.

Женя тормозила его, звала, но безуспешно. Отогревшись, Виктор Алексеевич впал в крепкий сон. Мордвинова стояла над ним в растерянности и не знала, что дальше делать. Хорошо, Ани дома нет, однако утром она вернется, а тут, на кухне, такое...

Женя разобрала в своей комнате гостевое кресло и вернулась за режиссером. Она попыталась приподнять спящего, чтобы переправить его на кресло. Туринский что-то бормотал и отбрыкивался. С большим трудом Мордвиновой удалось стянуть его с табурета и удержать от падения на пол. Закинув его руку себе на плечо, она поволокла тело в комнату. Туринский недовольно мычал:

— Что за женщина, зверь! Покоя нет...

Однако, перебирая ногами, доковылял-таки до кресла. Он упал на постель прямо в одежде. Женя не стала больше его трогать, только накрыла пледом.

Она села возле спящего и задумалась, рассматривая его лицо. Когда не светят его ясные молодые глаза, Туринский кажется уставшим и пожившим ловеласом. Он красив и теперь, с этой гривой седых волос, резкими морщинами сухого лица, внушительным носом и решительными губами. Жене тотчас вспомнилась ночь после юбилея, и она покраснела, как институтка.

Что за напасть? Я бегу от него, гоню от себя, а он все лезет и лезет в мою жизнь! Хотя, если уж быть совсем честной, я сама спровоцировала это, позвонив ему и пригласив на юбилей. Но кто же знал!

Однако когда Мордвинова ложилась спать, она отчего-то чувствовала себя необыкновенно счастливой. Саднящая пустота, от которой она безумно устала за последние годы, исчезла, мир вдруг наполнился и стал гармоничным. И ведь только от того, что этот сумасшедший режиссер спал в ее комнате!..

Наутро Женя проснулась с чувством, что ей приснился хороший теплый сон. Вспомнив все, она тотчас подскочила и посмотрела на кресло. Оно было сложено, стопка белья аккуратно пристроена на подлокотнике. Ушел... И слава Богу.

Женя направилась в ванную. Пока чистила зубы, стояла под душем, силилась не плакать. Ничего не произошло. Ну, занесло беднягу нечаянно по старому адресу. Выкинуть из головы и тотчас забыть. Однако в горле стоял ком, а сердце словно сжали тисками. Господи, как я его ненавижу!

Когда Женя вышла из ванной, Туринский хозяйничал на кухне.

— Что ты опять тут делаешь? — воскликнула она от неожиданности, захватываясь в банный халат.

Виктор Алексеевич покосился на ее оголенные коленки и невозмутимо произнес:

— Иди одевайся, соня, я жратвы принес, сейчас завтракать будем.

Нечего делать, она подчинилась. Поспешно приводя себя в порядок, подкрашиваясь и причесываясь, вдруг резко остановилась и решительно стерла помаду с губ. Что я делаю? Зачем? Хочу ему понравиться, что ли? Нечестно, постыдно. Он женат, и этим все сказано.

Уже без всякого энтузиазма Мордвинова облачилась в свою повседневную одежду: майку и шаровары. Пусть видит меня такой, нечего! Я ведь не всегда в вечерних нарядах щеголяю.

Она вышла на кухню, Туринский уже накрывал на стол. Он успел приготовить омлет с ветчиной и зеленью, настрогал салат из овощей, нарезал копченой колбасы и бекона. У Жени глаза на лоб полезли от такого изобилия. Режиссер по-хозяйски слазил в холодильник и достал оттуда бутылку водки.

— С утра? — удивилась Женя. Она ждала, что вот-вот вернется Аня.

— Чуть-чуть, для аппетита! — Туринский разлил водку по стопкам. — Налейте

тай.

Женя опять подчинилась, удивляясь самой себе. Они выпили и со вкусом закусили.

— Там я вам накидал кое-чего, — жуя колбасу, сказал Туринский, — а то сунулся в холодильник, а там мышь повесилась. Евгения Тимофеевна, что так бедно-то?

— А то! — вскинулась тотчас Мордвинова. — Денег нет, не заплатили за месяц работы, и неизвестно, оплатят ли вообще.

— Ну, ты не журишь, дам я тебе денег. — Туринский снова разлил водку по стопкам.

— Еще чего! — Женя выпила не поморщившись. — У тебя я не возьму.

— А что так? Гордая, да?

Жене стало смешно, и она прыснула.

— Лучше расскажи, что это вчера было, — перевела она разговор.

— А что было? — режиссер округлил глаза. — Ничего не помню!

— Да как ты сюда попал, притворщик? — хохотала Женя.

— Через дверь, надеюсь, — лукаво улыбнулся Туринский. — Ну не помню я. Картину закончили, отмечали вчера с ребятами. Еще помню, как поехали к нашему оператору, там добавились. В общем, дальше провал. Но ты наворачивай, Женька, а то совсем что-то отоцала, я смотрю.

— Ты мне зубы не заговаривай, Туринский. Как тебя на Потылиху занесло? — допытывалась захмелевшая Женя.

— Веришь, понятия не имею. Видно, автопилот сработал.

— Через пятнадцать лет?

— Не занудствуй, Евгения Тимофеевна. Говорю тебе, не помню. — Туринский слегка помрачнел. — Давай еще по одной!

Женя не возражала. Ей сделалось подозрительно хорошо, а она ведь знала, что завтра наступит расплата. Плевать. Так не хотелось нарушать это состояние, столь зыбкое и в то же время такое знакомое, только немного подзабытое.

Они больше не пили, только говорили и говорили. Туринский рассказывал о новом фильме, о монтаже, о предстоящей озвучке, о том, что хотел бы он увидеть в итоге. И, конечно, не обошлось без любимой темы: каким должно быть искусство.

— Знаешь, Женька, ты права, — горячился режиссер. — Я всегда доверял твоему чутью. Ты говоришь, что у меня пустые фильмы... Ну что ж... Я хотел создавать красоту, чтобы в каждом кадре — поэзия. Красивые лица актеров, крупные планы, психологизм. Но сейчас начал понимать, что мало, этого мало! Почитал тут «Мартиролог» Тарковского, его дневники. Он пишет, что искусство всегда религиозно, что истинная поэзия свойственна религиозным людям. Вот! — Он стукнул кулаком по столу. — Может, он хватил лишку, но в корне прав. Понимаешь теперь, почему нынешнее искусство в заднице?

Женя обдумала сказанное и изрекла:

— Пожалуй, в точку. Можно и так сформулировать. Вот этого мне не хватает в твоих фильмах: глубины, человечности, духовности, в общем...

Туринский посмотрел на нее просяще:

— Женька, давай вместе работать, а? Как раньше, помнишь?

— Я не работала с тобой, ты с кем-то меня путаешь, — ответила Мордвино-

ва.

— Ну, не работала, помогала, — покладисто кивнул режиссер. — Давала умные советы, критиковала, помогала писать сценарии. Помнишь, я про неформалов снимал, ты предложила пустить за кадром песню Талькова?

— Не помню, — мрачно ответила Женя. — И не втравливай меня ни во что! Ты мне никто, и звать тебя никак.

— Врешь ведь, — обезоруживающе улыбнулся Туринский. — Женька, я без тебя не сниму ничего путного. Думаешь, меня ослепили все эти международные награды, признание?

— А то нет? — поддела его Женя. — Ой, лукавишь, Туринский!

— Перед тобой — нет, — серьезно ответил режиссер. — Да, кругом дилетанты и бездари, разве кто правду скажет? Мне ты нужна, Женька...

Он смотрел на нее с тоскливой мольбой. Приписав вспышку сентиментальности водочным парам, Женя грубостью отгородилась от щемящего чувства, завладевшего ее сердцем.

— А ты мне не нужен!

— Опять врешь! И чего ты так психуешь все время?

— Хочешь снова все услышать? Напомнить?

Туринский устало махнул рукой и поднялся из-за стола.

— Ладно, не кипятись. Я пойду...

Они не услышали, как вошла Аня. Попрощавшись с Артемом у подъезда, она втащила в прихожую чемодан, прошла в кухню и остолбенела, застав там вполне боевые действия.

Женя кричала в отчаянии:

— Ты зачем меня мучаешь? Тебе что, это доставляет удовольствие?

Виктор Алексеевич отвечал в том же духе:

— Да я ведь хотел предложить тебе работу! Ты все переиначиваешь по-своему. Что ты вечно из меня монстра делаешь?

Женя безумствовала:

— Потому что ты и есть монстр! Иди к своей Анжелочке и трепи ей нервы, а меня оставь в покое! Благодетель нашелся: работу он предлагает!

Аня сочла необходимым вмешаться:

— Все, господа, брейк.

Схватив с вешалки куртку, Туринский выскочил из квартиры, с силой хлопнув дверью. Через несколько секунд он вернулся, сунул что-то в руку оторопевшей Ане и окончательно исчез. Аня вошла в кухню и с недоумением положила на стол перед застывшей мамой несколько пятитысячных купюр.

Глава 23

Концерт

Она едва дождалась минуты, когда осталась одна и смогла включить компьютер. Открыла почту, и пальцы ее запорхали над клавиатурой. В тему письма Аня поставила: «Не сочти за беспокойство!», а потом стала рассказывать об Италии, без подробностей, одни эмоции. Ничего личного, ни одного вопроса. Письмо доброму знакомому о поездке в Италию. Путевые заметки. Она сняла на телефон несколько наиболее удачных набросков и прикрепила фотографии к письму. На секунду задержала дыхание и кликнула на кнопку «Отправить». Все, теперь ничего не исправишь, дело сделано. Остается ждать...

Это оказалось самым трудным. Аня не могла лечь спать, хотя было уже поздно: надеялась, что Тим прочтет ее письмо и тотчас ответит. Он же ночами сидит за компьютером, работает. Ответит, если захочет, если сочтет нужным. Да, небольшое «если».

Она усилием воли заставила себя пойти в ванную и мыться не торопясь. Мама давно уже спала. Аня нарочно тянула время и долго сушила мокрые волосы феном. Затем набросила на плечи халатик и вышла. Компьютер не был выключен, дрожащими пальцами она снова открыла почту, и сердце болезненно-радостно встрепенулось. Тим ответил!

Восторженная волна захлестнула все ее существо. Ну, просто как девчонка. Тим писал: «Тебя ждет билет на концерт легенды рока, американской группы «Guns N' Roses». Отвечай поскорее: концерт завтра!))» Она немедленно ответила: «Иду, конечно! Звони!» И он позвонил!

Они говорили, перебивая друг друга, вздохом. Столько всего накопилось невысказанного, разного. Договорились встретиться пораньше перед концертом, который начинался в семь вечера, и зайти куда-нибудь попить кофе. Уже засыпая, Аня подумала, что они в разговоре опять ни разу не коснулись своих отношений. И правильно, зачем? Так хорошо, когда он есть...

На другой день проснулась поздно, и уже ничем не могла заниматься, только рылась в вещах на вешалах в поисках подходящего наряда и советовалась с Женей, что надеть, как причесаться. Тиму нравится женственный стиль, значит, прочь штаны и всякие джинсы. Только юбка или платье. Они перебрали с мамой десятки вариантов.

Женя не задала не единого вопроса. Аня не хотела пока говорить, с кем идет на концерт. Маме нравится Артем, это очевидно, на Тима она обижена из-за Ани. К тому же Тим не стремился и не стремится познакомиться с ней, будто нарочно избегая этой темы. Женя еще и поэтому настороженно относилась к нему.

— Добавь вот этот шарфик, — предложила мама, оглядывая Аню с головы до ног.

В конце концов остановились на темно-зеленом платье с открытыми плечами, на платье сверху накидывался тончайший изумрудного цвета шарф. Сапоги на высоком каблуке, их Аня надевала крайне редко. Волосы укладывались пенкой, как всегда, создавался объем и художественный беспорядок. Макияж едва заметный, искусный. Все-таки я научилась чему-то у гримеров.

Аня поняла, что мама догадывается, с кем встречается ее дочь. По лихорадочному блеску глаз, нетерпению и нервной дрожи. Что ж, потом все объясню, расскажу, она поймет. А не поймет, все же посочувствует.

Когда ехала на место встречи, думала с умильной нежностью: он купил дорогостоящий билет и ждал, когда я позвоню. А если бы не позвонила? Он что, чувствовал, что я прилетела в Москву? Разве он мог знать?

Выйдя из метро, Аня тотчас увидела Тима и задохнулась от радости. Подходя к нему, чувствовала, как дрожит все внутри и замирает сердце. В повязанной на голову черной бандане, в короткой куртке Тим казался совсем юным. Вот он заметил Аню, и в глазах его плеснулась радость.

— Привет, — поздоровалась она нарочито небрежно и спокойно. Однако чего ей стоила эта небрежность!

— Привет, — ответил Тим, улыбаясь. Он неуловимо дернулся, чтобы поцеловать ее, но не решился. — Идем сюда, я знаю неплохое местечко. И клуб здесь в двух шагах.

Они направились в кафе, где подавались блюда японской кухни, выбрали любимые Анины роллы и суши. Сразу взяли легкий, шутливый тон. Аня держалась непринужденно, рассказывала об Италии, но внутреннее волнение не улеглось, и она решила закурить, следя, чтобы руки не дрожали. Тим был не менее взволнован встречей. Он высыпал в чашку с кофе весь сахар, без конца все ронял и переворачивал, курил одну за другой сигареты. Несколько мгновений они не отрываясь смотрели друг другу в глаза, будто спрашивали: «Как ты?» Потом говорили много, обо всем, кроме них самих.

— Ты изменилась, — сказал Тим, когда они вышли из кафе. — Стала спокойнее, сильнее.

«Знал бы ты!» — подумала Аня. Только ничего не испортить! Никаких выяснений отношений, никакого давления, помощи мне Бог! Возможно, Тим говорил себе то же самое. Он был предупредителен, нежен, внимателен.

Концерт превзошел все ожидания. Аня была в восторге: увидеть легенду западного рока, слушать их вживую! Иметь возможность разделить этот восторг с ним, с самым любимым и близким...

Звезды рока были в солидном возрасте, но энергия била из них ключом. Они завели зал, молодежь буйствовала на танцполе, люди среднего возраста тоже не устояли под напором буйного веселья. Праздник получился. Аня без конца улыбалась и ловила себя на том, что испытывает абсолютное счастье. Они выпили по коктейлю, свободно могли курить. Толкотня и грохот музыки будоражили нервы, но не раздражали. Тим сиял и, кажется, тоже был вполне счастлив.

После концерта, не сговариваясь, направились к нему. Сережа был в командировке, все складывалось в этот день как по мановению волшебной палочки. Бывают же такие моменты в жизни, почему мы забываем о них потом? Их с порога кинуло друг к другу. Истосковавшиеся руки, губы, тела искали потерянного приюта. И не надо думать, что наступит завтра со всеми сложностями бытия. Есть только теперь, сейчас...

Глава 24

Сюрприз

После Италии начался какой-то иной период в жизни Ани. Впечатления, впитанные ею в прекрасных старинных городах, постепенно оседали, превращаясь в эскизы, наброски, картины. Особенно удавалась Венеция. Странно, думала Аня, я почти не помню тот день в Венеции, так, отрывки, фрагменты... Помню, как было промозгло и сыро. Откуда тогда этот прелестный городской пейзаж? Откуда поэзия? Казанова нашептал? Природа искусства, верно, такова, что мы преобразуем форму грубого вещества в идеальные образы. Не я первая открываю эти законы...

На новом проекте не ожидалось ничего интересного. Снимали многосерийный фильм про маньяка. С художником повезло: Аня работала на этот раз с известным в киношных кругах Димой Вересовым. Его имя значилось в титрах самых заметных фильмов двух последних десятилетий. Аня видела некоторые из них и отметила интересные костюмы. В современном кино все довольно однообразно, скучно, а вот Дима умудрялся сделать нечто оригинальное в духе создаваемого образа. У него были контакты с магазинами, где можно было брать для съемок дорогую фирменную одежду в обмен на упоминание в титрах названия этой фирмы или магазина. По окончании съемок одежда возвращалась обратно. Это была значительная экономия бюджета.

Едва познакомившись с Аней, Дима с ходу попросил обращаться к нему на «ты» и называть Димой.

— А то я чувствую себя прямо старым дядькой, когда ты говоришь мне «вы»! — сказал он.

Ане всегда было сложно к человеку почти в два раза старше ее обращаться на «ты», но с Димой оказалось легко и в этом плане. Весь подготовительный период они вместе болтались по магазинам, по секундам, подбирая костюмы для героев фильма, и редкий случай, когда Аня не поддавалась его уговорам и не покупала себе что-нибудь интересненькое на казенные деньги в счет будущей зарплаты. Казалось, все подобрали, можно было немного расслабиться, но однажды утром Дима позвонил и поинтересовался:

— Аня, ты заявила костюмы на завтрашние съемки?

— Конечно, — ответила она.

— Сцену перенесли из помещения на улицу.

— Опа!

Это означало, что потребуется верхняя одежда, а ее не было.

— И что теперь? Надо срочно искать? — взволновалась Аня.

Дима всегда был нетороплив и спокоен и на этот раз безмятежно произнес:

— Бросай площадку на костюмеров и айда со мной в магазин!

Они встретились в большом торговом центре, походили по магазинчикам, но ничего не нашли. Дима предложил отправиться по знакомым секунд-хендам. У метро «Новокузнецкая» на одной из улиц было сразу несколько подвальных, где продавали вещи секунд-хенд. Они начали обход с ближайшего.

— Вот это тебе подойдет! — Наметанный глаз Димы выудил из вороха вещей нечто действительно оригинальное, и Аня невольно потянулась к этой вещи вопреки всякому здравому смыслу.

— Дима, у меня долги, я уже и так набрала кучу всего, зарплаты же не хватит расплатиться!

История повторялась. Диме почти всегда удавалось ее уговорить.

— Ну, ты хотя бы примерь, — настаивал он.

И, конечно же, эта удивительная накидка с капюшоном оказалась будто создана для Ани. Она страдала:

— Я не могу это себе позволить, Дима! Я разорена!

Художник посмотрел на нее одобрительно и предрек:

— Пожалеешь.

Аня знала, что так оно и будет, но покупать дорогую и не очень нужную вещь — чистое безумство.

— Нет, Дима, не могу...

Она хотела повесить накидку на место, но Дима остановил ее королевским жестом:

— Дарю!

— Нет!

— Да.

Он положил вещь в корзину и направился к кассе. Аня следовала за ним, бормоча слова благодарности.

По дороге в следующий секонд-хэнд они заглянули в любимый винтажный магазинчик. Там Аня долго не могла отойти от витрины, где выставлялись серьги, браслеты и другие украшения 50-70-х годов. Это было так увлекательно — разглядывать вещи недавней, но ушедшей эпохи. Аня не стала ничего выбирать, только наметила на будущее, что бы хотела купить себе и маме.

Кстати, рассказав как-то Вересову о маме, она скоро пожалела об этом. Профессионализм художника по костюмам был таков, что по одному описанию он создал образ незнакомой ему женщины и подобрал для нее ряд весьма хороших вещей, которые соответствовали ее возрасту, но не были лишены исключительной женственности. Женя пришла в восторг, когда дочь принесла ей неожиданные обновки. Словом, Аня наслаждалась работой и общением с ним. И многому училась, между прочим.

Пока они ходили по магазинам и покупали куртки, меховую жилетку и пуховик, Дима рассказывал про давние тусовки, в которых участвовали знаменитейшие люди кино. Все они были ему в свое время друзьями или приятелями, и Аня чувствовала, что это вовсе не хвастовство. Дима рассказывал о своих знакомствах без всякого желанья поразить ее воображение. Он вспоминал забавные истории, если к слову приходилось. Когда речь зашла о скандальном режиссере Макарове, который когда-то снимал приличное кино, у Ани звонил телефон. Извинившись, она отошла в сторону и ответила:

— Алло?

— Аня, привет, — деловито сказал Артем. — Когда у тебя заканчивается смена?

— Пока не знаю, но не раньше девяти.

— Я заберу тебя, если получится. До связи.

И все, он отключился, не желая слышать ее возражений. Как ему удастся это?

Расставшись с Димой в метро, Аня, нагруженная пакетами, вернулась на съемочную площадку и теперь все думала об этом звонке.

— Уберите бум из кадра! — прогремел режиссер, и звукер оттянул длинный микрофон на себя.

Нужно было готовить новую сцену.

Дав распоряжения костюмерам, Аня заглянула в вызывной, сверившись окончательно с тем, что приготовили к этой сцене. Вспомнила приснившийся накануне кошмар: одевали тысячную массовку, а руки-ноги стыли на ветру. И все лица почему-то были страшные, маргинальные. Аня обломала ногти, застегивая ремни и шинели, пришивала погоны, и их было много, много. Бр-р!

По рации прозвучала реплика второго режиссера:

— Девочки, перекустюм!

Аня привычно дернулась, но костюмеры были на площадке, значит, все в порядке, можно покурить.

Звонок Артема не шел из головы. Опять Артем. Он делает вид, что ничего не произошло, это мучительно. Взрослый успешный человек ведет себя как ребенок. Или как страус, который прячет голову в песок. Нельзя же быть таким непробиваемым! Нет, Аня не ссорилась с ним, не выясняла отношения, просто свела их к минимуму.

А как еще? У Ани появилась работа, у Ненашева свой проект, все идет, как идет, и не надо никаких бурных расставаний. Аня никогда ни с кем не рвала отношений так, чтобы навсегда. Либо отношения сходили на нет и сводились к редким встречам и телефонным звонкам, либо оставались вполне дружескими. Всегда можно было обратиться друг к другу с просьбой, самой чем-то помочь в профессиональном плане.

Артем, конечно, держится молодцом. Аня не хотела бы его терять навсегда, она надеялась, что как сильный человек он все переживет и примет переход отношений в иное качество. Что ж делать? Всем свойственно ошибаться, и Аня не исключение. Кто знает, возможно, и Артем скоро поймет, что так лучше...

При первой же встрече она сообщила ему, что вернулась к Тиму. Уговор есть уговор. Аня ждала бурной реакции с его стороны, но Артем, казалось, не услышал сказанное. Что ж, ее дело предупредить. И почему бы не дружить дальше, если мы цивилизованные люди?

Они сидели тогда в небольшом кафе на Тверской, пили кофе, Аня курила. В глазах Ненашева плясали сумасшедшие огоньки, он улыбался, и от этой улыбки бросало в дрожь. Аня порой начинала сомневаться, слышит ли он и в самом деле, что она ему говорит. Они расстались тогда, словно ничего не произошло. Это пугало и настораживало Аню.

И вот теперь, не считаясь с ее волей, Артем решил захватить ее с работы.

— Не убирай эту кофту, ее надо будет почaitь, — сказала Аня костюмеру Оле, собирающей сумку с костюмами. — Я возьму ее домой.

Значит, в любом случае придется ехать домой: надо кофту тонировать чаем. Ну и ладно. Набралось еще кое-что из стирки, что Аня не могла доверить костюмерам. К концу смены все сошлось на том, что к Тиму она не попадает. Впрочем, он и не звал.

Тима снова пригласили поработать осветителем, времени на общение почти не оставалось. Тут либо спать, либо общаться. Аня вырывалась на неделе пару раз на ночь, но для работы нужны силы и следовало высыпаться. Очень мало толку от такого общения. И опять вернулись сомнения: если я сама не

позвоню, станет ли он меня звать? Но экспериментировать не хотелось. Она ведь решила принимать отношения такими, какие они есть. А какие они?..

Артем ждал ее у проходной «Мосфильма», его машина была припаркована неподалеку. Высокий, прямой, в элегантном пальто с французским шарфом, он являл собой воплощение решимости. Аня подошла, чмокнула его в щеку в знак приветствия. В глубоких зеленых глазах что-то вспыхнуло и тотчас погасло. Есть в нем все же некая инфернальность, маньячность, что ли. Аня вспомнила шутливое восклицание Жени:

— А я думала, он маньяк!

Да что это! Видно, фильм, на котором она сейчас работала, так воздействовал на психику. Ане все же стало не по себе от этих дурацких ассоциаций.

— Мы куда-то едем? — спросила она, пока Артем пристраивал в багажник ее сумку со стиркой. — Или ты просто решил меня до дому подбросить?

— Надеюсь, это не нарушило твоих планов? — не отвечая на вопрос, сказал Артем. — Садись.

Он открыл перед ней дверь, и Аня села на переднее сиденье. Пока они ехали неведомо куда, Аня с тревогой вглядывалась в решительный профиль Ненашева, его сомкнутые губы, напряженные скулы.

— Ты очень устала? — спросил он вдруг, почувствовав ее взгляд.

— Да, очень, — честно призналась она.

Он привез ее к себе. Аня не ожидала такого подвоха и еще больше встревожилась и рассердилась. Артем, однако, весело улыбнулся:

— Я приготовил княжеский ужин. Хотел пригласить тебя куда-нибудь, но потом подумал, что тебе после работы захочется расслабиться.

— Это неожиданно, — сдержанно ответила Аня.

— Ты же знаешь, я люблю сюрпризы! — легкомысленно заявил Ненашев.

Он усадил Аню в удобное кресло-качалку, а сам взялся хлопотать, накрывая на стол. Первым движением Ани было уйти, но она так устала... После двенадцатичасовой смены и беготни по магазинам не было сил двигаться, хотелось только спать. Она бросила взгляд на портрет, висевший на стене в изысканной раме. Вспомнила, как писался портрет. Рамка была подобрана со вкусом, в ее обрамлении портрет заиграл новыми красками. Сейчас Аня смотрела на него отстраненно и понимала, что интуиция художника помогла ей угадать героя, еще не зная его. Портрет показывал потаенную, темную, запредельную суть его образа. Он отталкивал и притягивал одновременно. В отрочестве Аня грезилась о таком герое, она рисовала его в своих школьных тетрадях, в личных дневниках и описывала в девичьих анкетах.

Однако в Италии я не почувствовала ничего опасного, зловещего. Отчего же сейчас я испытываю тревогу? Психоз заразен. Да в Италии Артем был счастлив, вот почему!

— Шампанское, вино, виски? — спросил Ненашев.

Стол был накрыт, от тарелок исходил изумительный дух.

— Виски, — ответила Аня. — Все остальное сразу меня усыпит.

Они пили виски и уплетали вкусную еду. Аню отпустили все тревоги и страхи. Горели свечи, создавая интимность и уют, зеленые глаза неотступно следили за ней, но уже не пугали.

— По какому поводу этот ужин? — решила все же спросить она.

— Ничтожный повод. Мне исполнилось тридцать лет, — с улыбкой ответил

Артем.

— Сегодня? — удивилась Аня.

— Да.

— Поздравляю! — спохватилась она и подняла граненый стакан с виски. — За тебя.

Аня почувствовала укор совести, поэтому выпила сразу все налитое виски. Этим решительно приблизила момент, когда начинала говорить с акцентом. Артем предложил с деланной небрежностью:

— Если хочешь, останься у меня...

— Мне надо еще стирать, — слабо возразила Аня. Ей не хотелось трогаться с места, но медлительность ее могла быть неправильно истолкована.

Артем тоже охмелел и теперь не казался железобетонным. Глядя на Аню, он говорил:

— Знаешь, я думал, добившись твоей любви, я успокоюсь. По идее, так должно было произойти. Так всегда было. Приходило некое удовлетворение. С тобой все по-другому. Жажда не проходит, а, наоборот, только обостряется. Если ее не утолить, остается ноющая рана или пустота...

Эти слова отрезвили Аню. Она с грустью и сожалением посмотрела на потерянного мужчину, но, едва он поднял на нее свой взгляд, она отвернулась и произнесла:

— Я поеду домой. Ты меня проводишь?

Артем кивнул и улыбнулся. Лучше бы он не улыбался. Однако он не выглядел жалким, скорее растерянным. Артем задержал свой взгляд на ней, когда помогал надеть пальто, затем притянул к себе и поцеловал.

— Я буду ждать тебя, — проговорил он, крепко сжимая ее плечи.

Они молча ехали до Потылихи, Артем попросил таксиста подождать и проводил Аню до дверей квартиры. Только после того, как за ней закрылась дверь, он вошел в лифт.

Аню встретила сияющая Женя.

— Ань, нас снова прикрепляют на «Жуковского»! Для съемок мне нужно нашить фартучков и чепчиков, ткань выдали. Ты мне поможешь, если будет время?

Аня чувствовала себя разбитой, измотанной, еще сказалось выпитое. Однако ответила с улыбкой:

— Конечно, помогу. Мам, у меня тут стирка, заложишь в машину, а? Мне надо еще кофту почайть...

Женя великодушно предложила:

— Я все сделаю, ложись спать. Ты же с ног валишься, я вижу.

Аня благодарно поцеловала маму и пошла к себе. Прежде чем включить свет, она зачем-то выглянула в окно и увидела Артема. Тот стоял у такси на проезжей части и смотрел на ее окно.

Глава 25

Слава и ничтожество

В новостях культуры рассказывали о премьере нового фильма Виктора Туринского «Первое затмение». Картине уже прочили международное признание и награды. Сообщалось, что «Первое затмение» выдвинуто на Каннский и Берлинский фестивали.

Вернувшись со смены и переработки в несколько часов, Мордвинова наскоро закусывала на кухне, включив телевизор. Хотелось поскорее в душ и спать. Выходных нет уже три недели. Даже после ночной смены не давали отсыпного. Ада Васильевна спешила поскорее завершить свой шедевр и распустить группу. Задолжав уже за два месяца, она избегала разговоров о зарплате. Женя была злая на весь свет, а тут еще самодовольная физиономия Туринского, который важно вещал о высоких задачах, которые он ставил перед собой, работая над фильмом.

— Ну-ну, — ворчала Мордвинова. — Какой художественный свист! Сам-то ты веришь в то, о чем говоришь?

Она затосковала, невольно приликая взглядом к изображению Туринского на экране. Все, как назло, напоминает о нем. Откроешь один журнал, там в светской хронике его снимки, другой — фотографии домашнего интерьера, его образцово-показательная жена — новоявленная звезда последнего «шедевра» знаменитого режиссера. Молодая, красивая, яркая брюнетка...

Женя достала из холодильника бутылку водки, которая хранилась для всяких технических целей. Водка была хорошая. Мордвинова наполнила граненую стопку и выпила. Туринский давно исчез с экрана, а она все сидела, подпершись рукой, и смотрела в телевизор, ничего не видя...

А на другой день, на съемках, «Бабушка» в кругу «приживалок» вещала опять о нем же, о Туринском. Женя просто оторопела. Ада Васильевна, оказывается, побывала на премьере.

— Он, конечно, мастер, — важно выговаривала она, — но редкостный кобельфо. Я его спрашиваю как-то: «Витька, и не надоело тебе жен менять?» А он и отвечает: «А дочка, ты знаешь, что говорил «красный граф» Алешка Толстой Михаилу Булгакову? А он говорил: «Надо менять жен, батенька! У настоящего писателя должно быть три жены». А чем режиссер хуже писателя?» А я и говорю: «Так у тебя не три, а тридцать три жены!» Он подмигнул мне: «Три, А дочка, всего три! Остальные — одалиски и наложницы!»

Женя горько усмехнулась: стало быть, ее он зачислил в одалиски. Ну, Туринский, только появившись на моем горизонте, я тебе все скажу и даже больше!

— Конечно, в обаянии ему не откажешь, — продолжала «Бабушка» терзать сердце Мордвиновой. — Он интересный мужик, красивый. Нынешняя его жена, Анжела — дочь режиссера Гарина, его приятеля. Влюбилась в Витьку как кошка, сама на шею вешалась. Отец рвал и метал, когда узнал об их связи.

— А что Туринский? — спросила одна из «приживалок».

— Да что Туринский? Он сроду еще ни одной юбки не пропустил, а тут само в руки идет. Отец был взбешен и вынудил его жениться. Я говорю как-то: «Витька, на что тебе эта девчонка? Умрешь со скуки!» А он: «А дочка, да разве не все равно кто? А тут тело молодое». Старый похабник!

Тут Жене страстно захотелось завесить самой Адочке оплеуху. Вот бы она удивилась. «Не тебе судить!» — хотелось крикнуть при этом. А возмутись Адочка: «За что?», Женя бы ответила чужой фразой: «За то удовольствие, с которым ты это говоришь!»

Вот-вот прозвучит команда «Мотор!», а Мордвинова никак не могла справиться с собой. Она сидела за декорацией, изображавшей дюссельдорфскую квартиру Жуковского, и дошивала чепец. Не успела дома дошить, что делать, времени совсем не было. «Бабушка» с утра успела пройтись по этому поводу:

— У нас костюмеры не умеют ни стирать, ни шить.

Женя промолчала, а вот ассистент Марина не выдержала, заступилась:

— Зря вы так говорите, Ада Васильевна! У нас вполне компетентные, профессиональные костюмеры, они прекрасно справляются со своими обязанностями.

— Ладно, ладно! — отмахнулась дама-режиссер.

Мордвиновой, по правде говоря, было не до ее капризов. Она шила и думала о Туринском. Ее вдруг посетила мысль, что Виктор Алексеевич может быть несчастен в своей семейной жизни. Вспомнился его безликий дом с современным дизайном, его вполне холостяцкие навыки... Да ведь пришел к ней ночью «на автопилоте», стало быть, не так уж сладко ему живется в его «карцере» (кажется, так он выразился).

Вот, вот, пожалей его, пожалей. С этого всегда все начинается, мне ли не знать? У него этих жалельщиц! Очередь, как у Мавзолея, выстроится, свистни он только...

Ну, вот зачем он опять появился? Только я подумала о свободе, о каких-то возможностях (если они, конечно, еще остались), и он тут как тут. Колдовство, не иначе. Женя чувствовала, что опять попадает в зависимость от Туринского. Вчера перед сном вспоминала ночь после юбилея. А ведь думала тогда: случайность это или начало нового этапа. Да какой тут может быть новый этап, когда три жены и тридцать одалисок! Слеза капнула на чепчик.

— Жень, ты чего? — услышала она и подняла глаза. Над ней склонился администратор Вова, симпатичный парень. Сколько ему, лет тридцать пять?

— Да так, голова болит, — мрачно ответила Мордвинова, однако ей было приятно внимание молодого мужчины.

— Есть парацетамол, дать? — предложил деятельный Вова. — Ада Васильевна загоняет любого.

— Вова! Где Вова? Я без него как без рук! — тут же послышался пронзительный голос «Бабушки», и администратор умчался на зов босса.

Женя припомнила, что Вова часто оказывал ей разные знаки внимания, только она не придавала им никакого значения. Администратору положено следить за порядком на площадке и быть в курсе всего, вот он и отслеживает. Однако через пятнадцать минут Вова вернулся с таблеткой и стаканом воды.

— Вот, выпей. Мне помогает.

Женя поблагодарила администратора, надеясь, что он уйдет. Однако Вова с сочувствием следил, как она будет принимать лекарство. Пришлось выпить ненужную таблетку под его заботливым взглядом.

А что, меня тоже не на помойке нашли! «Да захоти я, была бы моей Натальей!» — мелькнула в голове фраза из любимого фильма про арапа. Что ж я опять в ту же петлю лезу? Отчего бы, скажем, не пофлиртовать с Вовой, коли

он так мил?

Мордвинова улыбнулась самой пленительной своей улыбкой и проворковала:

— Спасибо, Вова. Ты меня просто спас!

— Вот и хорошо, — удовлетворенно кивнул головой администратор и помчался по своим делам.

Женя посмеялась над собой: не сработало. Однако тотчас опять загрустила. Отчего, когда любишь кого-нибудь и желаешь быть только с ним, нужно искать кого-то другого, предлагать себя, как товар, выставлять в лучшем виде? Чем же это не проституция? Все внутри протестует.

Однако на другой чаше весов — одиночество, возраст, последний шанс... Оптимизма эти мысли не прибавляют. Выходит, из страха одиночества я должна оставить свое чистоплюйство и искать хоть кого-нибудь, кто согласится разделить со мной надвигающуюся старость?

Еще говорят, что надо уметь любить тех, кто рядом. Надо не хватать звезды с неба, а пытаться разглядеть в ближних то, что можно полюбить. Ведь человеку свойственно пленяться недостижимым, тянуться к запретному плоду...

А если в моей жизни теперь сплошь запретные плоды, что тогда? Как трудно жить. И зачем, зачем я ему позвонила тогда? Зачем разыскивала его телефон, позорясь и стыдясь, на что надеялась?..

— Женя, подежурь на площадке, — вывела ее из задумчивости Марина, и Мордвинова отправилась работать.

Глава 26

Ответные меры

Им так и не заплатили за два месяца работы. Ада Васильевна торопилась, выжимала из группы все соки, кормя обещаниями. Много говорила о долге, совести, о чести, которая выпала всем участникам проекта «Жуковский», о добрых делах и Божьей благодати, которая снизошла на нее. Она приводила на съемки священника в качестве консультанта и подолгу беседовала с ним. В последний съемочный день никто даже не заикнулся о «шапке». И так все ясно: денег нет. Все устали, все вздохнули с облегчением, ни на что не надеясь. Только операторская группа была уверена, что их не обманут.

В костюмерном департаменте состоялся совет. Художник по костюмам устранился. Он свое получил, у него три проекта одновременно и некогда заниматься ерундой. Его ассистент Марина собрала костюмеров в их пыльной, забитой хламом костюмерке на «Мосфильме» на чай и произнесла речь:

— Судя по всему, платить нам опять не собираются.

Мордвинова завелась с ходу:

— Интересное кино! Что ж мы им в насмешку, что ли, дались? Люди работали, вкалывали добросовестно, честно, перерабатывали сплошь и рядом, а им — шиш?

— Ее бы устроило, если б мы вообще бесплатно работали, — сказала второй костюмер Даша, похрустывая печеньем.

— А мы и так бесплатно трудились! Или нет? — взвилась опять Женя.

— Ну, нам все же оплатили один месяц, — спокойно отвечала Марина, заваривая себе какой-то специальный чай.

— И что делать? — задалась вопросом костюмерная команда.

— Я однажды уже сталкивалась с такой ситуацией, — ответила Марина, выкладывая пакетик с чаем на блюде.

— Как это? — удивилась Даша.

— Очень просто, — с тем же олимпийским спокойствием ответствовала Марина. — Арестуем костюмы.

— Арестуем? — не поняли костюмеры.

Ассистент разъяснила:

— Заберем костюмы с фильма, увезем куда-нибудь и не вернем, пока нам не заплатят.

— Отличная идея! — воскликнула Женя. — Только вот сработает ли?

Марина философски пожала плечами.

— А если все же не сработает? — настаивала Мордвинова.

— Ну что ж, тогда ничего нельзя будет сделать. По крайней мере, мы сможем сдавать их в прокат и таким образом хоть что-то компенсируем: костюмы все же исторические, дорогие.

Женя знала, что есть люди, которые живут прокатом реквизита и костюмов. Аня изредка практиковала это. Скажем, снимаются какие-нибудь сапоги сороковых годов прошлого века, за их прокат хозяин получает тысячу рублей в день. Одна знакомая Ани имеет дома целый склад такого барахла и этим живет. Конечно, у нее связи, контакты, ее все знают. Ведь в кино почти все решают связи и свои люди.

Дальше предстояло решить, куда везти костюмы и на чем. Опять выручила Марина.

— Давайте все сложим по сумкам, и я отвезу их к себе на дачу.

Это было разумное решение. Костюмеры тотчас согласились и, вымыв чашки, взялись упаковывать сюртуки, панталоны, галстуки, эфирные бальные и повседневные платья, шали, шляпки и цилиндры в большие сумки, портпледы, кофры и картонные коробки. Изрядно повозились. Потом помогли Марине перетащить все это в ее машину.

— Нужно, чтобы кто-то из вас поехал со мной и там помог все перетаскать и устроить.

Женя вызвалась ехать. Расставшись с Дашей у проходной «Мосфильма», они сели в машину и тронулись в путь.

— И все-таки я не понимаю, — снова заговорила Женя о наболевшем, — как это возможно: взять и не заплатить людям за работу? Это как вот? Как она потом живет, с такой совестью-то?

Марина улыбнулась, чуть покосившись на спутницу, и ответила:

— Это капитализм, о какой совести может идти речь?

— Да, но ведь есть же какие-то пределы, хоть какие-то нравственные понятия и при капитализме? Или нет?

— Деньги — вот единственное понятие при капитализме. Женя, ты будто только что родилась! — Марина посмотрела на нее с любопытством.

— Не хочу жить в таком мире... — отчаялась до слез Мордвинова.

У Марины зазвонил мобильный телефон. Она глянула на дисплей и, держа руль одной рукой, проворковала в трубку:

— Да, дорогой...

Жене было неловко слушать чужой разговор, к тому же она всегда нервни-

чала, когда водитель за рулем говорил по телефону. Марина мурлыкала, договариваясь с кем-то о встрече. Закончив разговор, она нежно пролепетала:

— Любимый звонил...

Мордвинова знала, что у Марины есть семья: муж, дочь. Муж домосед, он ведет хозяйство, воспитывает дочь, пока Марина зарабатывает деньги в кино, скача с одного проекта на другой. Где-то он работает тоже, но времени свободного у него гораздо больше, чем у жены. При всей своей занятости Марина успевала еще и вести бурную личную жизнь.

Женя смотрела на нее с тоскливой завистью: почему я не могу так? И ведь не скажешь, что Марина молода и прекрасна. Конечно, она стильно одевается, короткая стрижка ее освежает, легкая округлость добавляет шарма. Да и сама по себе Марина — интересный человек. Но не это главное. Видимо, есть в ней некая внутренняя свобода, позволяющая ей так легко жить, любить.

Мы сами выбираем, как нам жить. У Марины есть силы и на работу, и на дом, и на любовника, даже на бальные танцы. А я? Старая оципанная курица. Ношусь со своей такой же старой любовью, как эта курица с яйцом. Женя крепко задумалась. Весь оставшийся путь они молчали.

Приехали на дачу, когда уже вечерело. Вышли из машины, и Женя, вдохнув в себя пьянящий чистый воздух, ахнула:

— Красота!

За городом повсюду благоухала весна. В Москве ее совсем не чувствовалось, а здесь... Женя всегда чутко воспринимала пробуждение природы, просыпаясь вместе с ней каждую весну с надеждой на призрачное счастье. Живительный воздух оттаявшей земли вновь взбудоражил ее.

Марина открыла ворота и заехала на участок. Домик был небольшой, но уютный, участок вполне ухоженный.

— Муж хозяйничает, — пояснила Марина.

Первым делом они перетаскали сумки на чердачный этаж. Изрядно попотели: наверх вела узкая и крутая лестница. Потом Марина поставила чайник, достала из кухонного шкафчика кокетливые чашки, из пакета, привезенного с собой, вынула печенье и коробку шоколадных конфет, пригласила Женю к столу.

— Вы не волнуйтесь, — заговорила Марина, когда они уселись поудобнее за столом, — ваши телефоны я знаю, как только будут новости, позвоню. У меня есть некоторые идеи, кому можно предложить костюмы. Деньги за прокат поделим поровну.

Мордвинова кивнула, думая о своем.

— Марина, ты счастлива? — неожиданно спросила она.

Марина удивленно улыбнулась:

— Ого, как глобально! Ты философ, Женя?

— Да нет, просто неудачница, — ответила Мордвинова мрачно.

Марина плавными округлыми движениями наливала чай.

— Нельзя так говорить, — заметила она, усаживаясь. — Ведь ты прожила большой отрезок жизни, у тебя замечательная дочь, интересная работа. И, наверное, милый друг? Я сужу по тому, в какой форме ты находишься. Одета к лицу, выглядишь свежо. Тебя не обижает, что я так говорю?

— Да нет, конечно, — усмехнулась Женя.

— Так милый друг у нас имеется? — лукаво улыбнулась Марина.

— Нет, милого друга не имеется, — сокрушенно потрянула головой Мордвинова.

— Ой, это не может быть для тебя проблемой! Ты хорошо выглядишь, прекрасно сохранилась, стройная... Поверь, все проблемы в нас самих и только.

— Я знаю.

Они помолчали. Совсем стемнело, и пора было возвращаться в Москву.

— Эх, устала, — потянулась Марина. — Сейчас бы легла и уснула!

— Так ложись, я доберусь как-нибудь... — предложила Женя.

— Нет, у меня свидание нынче, — кокетливо ответила плутовка.

Как хочется свидания весной, со вздохом подумала Мордвинова.

— А что же ты говоришь дома? — спросила она не подумав.

— Меня не спрашивают ни о чем, — ответила Марина. — Я ведь часто прихожу домой утром, после ночной смены. Кто там разберется: одной сменой больше, одной меньше...

Они ехали в город, и Женя думала, что не хотела бы никого обманывать. Она рождена верной, любящей, постоянной, только вот, оказалось, не нужна никому такая...

Марина высадила ее у метро. Они распрощались, и Женя почувствовала страшную тоску. Домой ехать не хотелось: там ее ожидало одиночество. Женя достала мобильник и набрала Светкин номер:

— Свет, так хочется напиться!

Преданная подруга сразу все поняла:

— Жень, а приезжай ко мне, вместе и напьемся!

ЧАСТЬ 3 ПЯТЬ ПУДОВ ЛЮБВИ

Глава 27

В космических высях

Артем пригласил Аню в Дом кино на премьеру фильма, к которому имел непосредственное отношение как продюсер. Фильм показался ей вполне сносным, снят он был со вкусом, прекрасная операторская работа. Не взволновал, но тут уж ничего не попишешь. Все-таки она отточила восприятие на фильмах Феллини, Гринуэя, Жулавски.

Потом был банкет для съемочной группы и особенных гостей. Ненашев постоянно находился в центре внимания, как именинник. В его честь без конца пили здравицы, без конца щелкали фотоаппараты. Аню разглядывали с наглым любопытством. Одна из актрис, такая рыжая кошка, просто ела ее глазами. «Счастье, что я одета к лицу и выгляжу неплохо, — подумала Аня, — а то бы провалилась сквозь землю!»

Очень скоро все напились до полного раскрепощения, и рыжая подошла к Ане.

— Давай знакомиться. Я Лера.

— Аня, — ответила без всякого выражения.

Рыжая исполняла в фильме одну из главных ролей. Ане даже понравилась ее игра, такой непосредственной, органичной была она в кадре.

— Ты ему кто? — с места в карьер начала Лера, указывая на Артема, которого пылко обнимал какой-то пожилой импозантный мужчина.

«Конь в пальто», — едва не вырвалось у Ани, но она вовремя прикусила язык. Ответила туманно:

— Приятельница, скорее всего.

— Не гони, сразу видно, что спишь с ним. Он носит с тобой, как с принцессой.

«С княжной», — хотела поправить Аня, но опять вовремя одумалась. Лера налила себе и Ане коньяка, чокнулась с ней и выпила.

— Актриса? — был следующий вопрос в анкете.

— О, нет! — Аня ответила слишком поспешно и, боясь обидеть Леру, добавила: — Я работаю по костюмам.

— Художник? — рыжая дунула на длинную челку, падающую ей на лицо. — Рисуешь?

Аня помедлила с ответом:

— И это тоже.

— Интересно, наверное? — Актриса была сама непосредственностью не только на экране.

Ане она начинала нравиться.

— Трудно сказать, — ответила она на непростой Лерин вопрос. — Понимаешь, в кино нет перспектив роста.

— Как это? — удивилась Лера. — Фильмы-то разные, цели тоже.

Аня вдохновилась:

— И все же. Я работаю ассистентом художника по костюмам. Художником

не иду на большие проекты, боюсь.

— Чего? — Актриса схватила с тарелки бутерброд с черной икрой и стала с аппетитом жевать.

— Запороть боюсь, боюсь, что не справлюсь, — ответила Аня. — А у ассистента всегда одно и то же: подготовить к съемкам все нужное, проследить, чтобы не было косяков и лаж, к следующему дню все отобрать и так далее. Какой тут рост? Меня пугают люди, которые всю жизнь проработали, скажем, примерами. Всю жизнь — одно и то же!

— И про актрис это можно сказать, — задумалась Лера и тут же нашлась: — Ну а опыт, рост мастерства разве не идут в расчет?

Аня подумала:

— Пожалуй, идут. А потом? Дальше что?

— Ну, ты так далеко-то не заглядывай, — посоветовала Лера. — Ты рискни художником отработать картину, а потом и задашь себе этот вопрос. В любом случае, Анька, тебе не место в костюмерах, сечешь?

— Секу.

Они еще выпили, закурили и тут подошел Артем. Он явно встревожился, увидев девушек вместе.

— Темчик, я в восторге от твоей принцессы! — заявила Лера.

— От княжны, — поправил ее Ненашев, улыбаясь Ане. — Лерка, там тебя режиссер обыскался, речь готовит.

— Да пошел он, старый козел! — отмахнулась рыжая, однако, натолкнувшись на стальной взгляд Артема, тотчас ретировалась: — Ухожу, ухожу, ухожу.

Аня с сожалением посмотрела ей вслед.

— Лера посоветовала мне попробовать себя в качестве художника по костюмам, — сказала она задумчиво.

— Так в чем дело, Ань? — оживился Артем. — Все к вашим ногам, княжна! На следующий проект рекомендую тебя в качестве художника.

— Все будет зависеть от проекта, — сказала Аня. — Мне кажется, я еще не готова взять на себя такую ответственность...

— Когда-то надо начать. — Артем взял ее руку и сжал в своих ладонях. — Ты постоянно всего боишься. Может, это потому, что рядом нет надежного человека?

Аня внутренне съежилась. Ненашев это почувствовал, но руку не отпустил.

— Давай сбежим отсюда, я кое-что тебе покажу!

Он потянул ее за собой. Выскочили на улицу, к машине.

— Ты что, сядешь за руль? — приостановилась Аня.

— Сяду. Я не пил, только притворялся. — Он распахнул перед ней дверцу.

Было уже поздно, двенадцатый час ночи, но город жил своей бурной жизнью. Светились огни реклам, сновали автомобили, на Тверской и Садовом все было как днем. Артем загадочно молчал, но Аня чувствовала, что он взволнован.

— Куда мы едем? — не выдержав, спросила она.

Они подъехали к одному из новых домов-небоскребов, вошли внутрь, причем и охрана, и консьерж пропустили пару без слов. Забрались в сияющий новеньким металлом лифт и долго поднимались. Артем неотрывно смотрел на Аню, и глаза его светились в полумраке лифта. И вот остановка. Ненашев об-

нял ничего не понимающую спутницу и вывел из лифта. Они прошли куда-то вверх по ступенькам, открыли небольшую дверцу, и Аня ахнула, у нее подкосились ноги. Порыв ветра, казалось, принесшегося прямо из космоса, трепал их волосы. Далеко внизу лежал город, весь в огнях, мерцающих, как звезды.

Аня никогда не была на такой высоте, разве что в самолете. Она замерла от ужаса и красоты, расстилающейся до горизонта. Дух захватывало, и было ощущение, что паришь в космических просторах.

— Видишь, — шепнул Артем, касаясь губами ее волос, — жизнь огромна, наши возможности огромны, мы все можем...

Он обнял ее, напуганную, потрясенную, и, повернув к себе, поцеловал в губы.

— Выходи за меня замуж, — проговорил сильный мужчина с дрожью в голосе. — Мы столько всего сможем сделать! Ты будешь рисовать, работать в кино, путешествовать в поисках впечатлений. Никаких границ: весь мир перед тобой, как этот город сейчас...

Он снова стал целовать ее все более страстно, жадно, и Ане пришлось приложить усилие, чтобы высвободиться из его объятий. Артем подставил лицо хмельному майскому ветру. Аня достала сигареты и закурила, сознательно занижая торжественность момента прозаической затяжкой.

Когда Ненашев обернулся к ней, глаза его влажно блестели.

— Что ты скажешь мне? — спросил он хрипло.

Аня пожала плечами:

— Для меня это слишком внезапно. Прости, Артем...

Забыв о страхе, она быстро пошла по крыше к чердачной двери.

Глава 28

Ссора

Они поссорились. Впервые за много лет. Да и ссорились ли когда-нибудь вообще?

У Ани был выходной, Женя еще не приступила к новому проекту: ее вот-вот должны были прикрепить. Словом, они бездельничали дома с полным правом. За окном неистовствовал май, однако Аня хандрила. Она встала поздно, вышла на балкон с чашкой кофе и сигаретой, прямо в пижаме. Впереди в дымке громоздились высотки, по сравнению с которыми некогда самое высокое на Потылихе двадцатипятиэтажное здание казалось спичкой рядом с коробком.

Аня любовалась новенькой, пока не запыленной листвой деревьев, которые еще во множестве оставались от некогда обильных зеленых кущ потылихинских пустырей и оврагов. Да, еще совсем недавно их островок утопал в зелени, как в лесу.

Допив кофе и загасив сигарету, Аня вернулась на кухню. Женя жарила сырники ей на завтрак. Устроившись на диванчике с ногами, Аня некоторое время наблюдала за матерью и вдруг сказала:

— Артем Ненашев сделал мне предложение.

Женя выронила лопатку, которой переворачивала сырники. Она не стала поднимать ее, застыла в ожидании продолжения.

— И? — произнесла, не дождавшись. Тотчас спохватилась, подняла лопатку и перевернула сырник, начинавший подгорать.

Аня с трудом проговорила:

— Я не дала согласия...

Женя швырнула лопатку, выключила плиту, сняла фартук и села напротив дочери.

— Почему, Ань?

Впрочем, она не удивилась ответу. Аня молчала.

— Как это было?

Ане не хотелось возвращаться к пережитому, но мама имела право знать. Она рассказала.

— И что он? — упавшим голосом спросила Женя.

— Он ничего, — ответила дочь. — Отвез меня домой, попрощался и все.

— Больше не звонил, — утвердительно сказала Женя.

— Звонил, почему же, — Аня достала сигарету из пачки и закурила. — Я ведь не ссорилась с ним, не расставалась, не посылала его. И я давно уже сказала Артему, что у меня есть мужчина.

— Кто? — иронически удивилась Мордвинова. — Этот каскадер?

— Он не каскадер, мам.

— Ну, осветитель.

— И не «светик».

— «Так кто ж ты, наконец?» — процитировала Женя.

— «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо», — подхватила Аня.

— Ты хочешь выйти замуж за Тимофея? — бросив дурачиться, спросила Женя.

— Во-первых, он не предлагал. Во-вторых, и за него я тоже не пошла бы, — ответила дочь.

— Ты вообще не хочешь замуж? — удивилась Мордвинова.

— Да, вообще.

Женя включила чайник, который уже остыл, поставила на стол тарелку с сырниками.

— Я этого не могу понять, — заговорила она наконец. — Объясни мне, почему вы не женитесь?

— Кто мы? — спокойно спросила Аня.

— Ну, молодежь, нынешнее поколение молодых. Ведь тебе уже двадцать семь лет!

— Это много?

Выдержка изменяла Жене, хотя она понимала, что ее раздражение адресовано не столько дочери, сколько современной жизни вообще.

— Давно установлено, что заводить детей здоровее всего в возрасте от семнадцати до двадцати пяти лет.

— Я не хочу детей.

Женя, поднявшаяся было за чайником, так и села, беспомощно глядя на дочь.

— Ничего не понимаю! Почему?

Аня внешне была спокойна, но пальцы ее, державшие сигарету, слегка дрожали.

— Потому что страшно за них.

— Да нет, вы просто эгоисты! — бросила Мордвинова.

Аня повысила голос:

— Родить их в мир, где людей взрывают в метро, берут в заложники в театре, где педофилы и маньяки разгуливают безнаказанно, где варварски уничтожаются леса, исторические памятники — это ли не эгоизм?

— Да ведь кроме этого еще много, много другого! — в бессилии воскликнула мать.

— Что, например?

Женя горячилась и не сразу могла собраться с мыслями. Она налила себе кофе, взялась за сырник, да так и не откусила от него, положила на тарелку.

— Как что? Как что? А вот май за окном? — Она сделала жест рукой в сторону. — А объятья любимого человека? Вкус хорошего шоколада? Интересная книга? Поэзия «Серебряного века»? Прекрасная музыка? Долгожданное письмо? Новогодняя елка? Звуки любимого голоса в телефонной трубке? Улыбка ребенка?

Аня слушала ее с упрямым выражением лица.

— Любовь — это всегда, прежде всего, страдание, а про детей мы уже поговорили.

Мордвинова рассвирепела.

— Нет, что это за времена-то настали? Всего боитесь, не женитесь из-за эгоизма, из-за того, что это работа, труд, как любые отношения, а вы озабочены только своей внешностью, своим дорогим здоровьем!

— Ты говоришь, брак — это работа. Но для чего работать? — Аня пожала плечами. — Чтобы ненавидеть друг друга в конечном итоге? Так я лучше буду работать над собой.

— Да, жить для других теперь не модно, — саркастически усмехнулась Женя.

— При чем здесь это? — удивилась упрямая дочь.

— При том, что брак, семья — это жизнь для других, не только для себя любимого! Вы всего боитесь: болезни, смерти, почему же не боитесь одиночества? Человек не может жить без человека!

— Для того чтобы с кем-то жить, не обязательно жениться, — резонно ответила Аня.

Женя даже растерялась:

— Да, но дети, дети-то? Они ведь теряют представление о нормальной семье! В Англии разрешили однополые браки, им позволят усыновлять детей и дальше что? Человечество выродится!

Аня опять пожала плечами:

— Я тебе и говорю, что не хочу в этот мир рождать детей.

Мордвинова расстроилась до слез:

— Но ведь это элементарно: должен быть рядом человек, отец твоих детей, твой муж, который будет тебе опорой и поддержкой. Я ведь не вечная...

Аня перебила ее:

— Покажи мне хоть одну благополучную семью, где муж — опора и поддержка!

— Да сколько угодно!

— Ну?

Женя растерянно замолчала, силясь припомнить хоть одну счастливую пару.

— Только не говори мне о Свете и ее супружнике, — предупредила Аня.

— Не говорю, — вздохнула Женя. — Светке он надоел смертельно, однако живут же...

— Привычка, — отрезала дочь.

Женя опять готова была расплакаться.

— Да пойми ты, брак — это не страсть и не романтические грезы, это...

— Ячейка общества, — язвительно подсказала Аня.

— Да, если угодно! Некое соглашение двух людей строить общий мир, в котором будет комфортно детям, старикам, где общность основана на взаимном доверии, уважении, любви!

— Примеры? — требовала безжалостная дочь.

У Жени опускались руки.

— Я могу только о себе сказать, — заговорила она с усилием. — Когда мы жили с Туринским, я знала, что такое семейное счастье...

— И где он, Туринский? — усмехнулась Аня. — И потом, вы ведь не были женаты.

— Да... — задумалась Женя. — Счастье не бывает продолжительным, но есть вещи, которые остаются на всю жизнь.

— Тем не менее ты жила одна много лет. И сейчас тоже.

Мордвинова заморгала глазами, сгоняя слезы. Она попыталась откусить от сырника, но не смогла жевать. Аня и вовсе не касалась завтрака. Она курила и задумчиво выпускала дым в сторону открытой форточки. Женя проморгалась, помолчала и другим, срывающимся голосом заговорила, подводя итог:

— Вам жить, вам платить. Только вот... Взять хотя бы классическую русскую литературу, ведь это зеркало жизни. У Толстого в его «Войне и мире» есть «мысль семейная». Это девятнадцатый век. Двадцатый век — не самый благополучный, мягко говоря, — есть «мысль семейная» в «Тихом Доне», «Белой гвардии». А что сейчас? Что вы оставите?

Аня хотела сказать: «То же, что и вы», но промолчала. Да ответа и не требовалось. Женя отодвинула тарелку с надкушенным сырником, встала и ушла к себе. Аня погасила сигарету в пепельнице, допила кофе и произнесла без всякого выражения:

— «Мысль семейная»... Литературщина сплошная.

Глава 29

Премьера

Позвонил администратор Вова и предложил два пригласительных на премьеру «Жуковского» в «Художественном».

— Вообще-то приглашений немного совсем, и каждое только на одно лицо, — сообщил Вова, — но некоторые актеры не могут приехать, и я отложил на твою долю два.

— Когда премьеры? — спросила Мордвинова.

— Завтра в восемнадцать ноль-ноль.

Назавтра Женя была как раз свободна.

— Как их можно забрать? — спросила она.

Они договорились встретиться в метро на станции «Киевская». Женя тот час позвонила Ане.

— Пойдешь со мной на премьеру «Жуковского» завтра вечером?

Аня не сразу ответила.

— Если только для компании. Смотреть, что там наваяла ваша «Бабушка», не очень-то хочется...

— Ну, давай, сходим! — попросила Женя. — Если что, всегда можно сбежать.

— Хорошо, попробую выбраться с работы пораньше...

Премьера представлялась Мордвиновой прекрасным поводом для окончательного примирения с дочерью. С момента ссоры прошла неделя, а у них так и не выдалась свободная минутка, чтобы поговорить и свести на нет взаимную обиду. Женя была глубоко огорчена образовавшимся холодком в их отношениях. Она понимала, что Аня сама запуталась, что ее позиция — это своего рода протест против неустроенности нынешней жизни, дисгармоничности бытия. Самое печальное, что возразить нечего и противопоставить нечего кроме собственной убежденности в семейных ценностях. Впрочем, чему она удивляется? Семья — это государство в миниатюре. Каково состояние государства, такова и семья.

Конечно, Жене в первую очередь хотелось, чтобы у Ани счастливо сложилась женская судьба. К тому же, пока она не передаст дочь на руки мужу, Мордвинова будет чувствовать ответственность за Аню, как за маленького ребенка. Конечно, им хорошо вдвоем. Но все равно это одиночество. А в состоянии ссоры и вовсе тоска...

Женя собралась и поехала к метро. Вроде бы и вышла вовремя, но немного опоздала. Вова очень спешил. Он сунул ей билеты и прыгнул в вагон поезда. Мордвинова не успела даже спросить о деньгах: когда же им заплатят за два месяца работы? Она вертела в руках два плотных прямоугольника с изображением Жуковского. «На одно лицо». Надо же, и здесь сэкономили! Кто же пойдет один на такое мероприятие?..

Ане посчастливилось сбежать с работы пораньше. Они договорились встретиться возле кинотеатра. Женя позвонила Марине, узнать, что с костюмами.

— Знаешь, Женя, никаких подвижек не было, но есть спрос на наши костюмы. Возможно, в скором времени появится немного денежек.

— Ты идешь сегодня на премьеру? — спросила Мордвинова.

— На какую? — удивилась Марина.

— «Жуковского».

— Ах, я уже была. Знаешь, ничего положительного не могу сказать. Фильм плохонький...

Женя удивилась в свою очередь:

— А разве премьера уже была?

— Была в Доме кино. Ада Васильева уже третий раз показ устраивает.

Попрощавшись с Мариной, Женя задумалась. Интересно, как это «Бабушка» не боится смотреть в глаза людям, которых так пошло ограбила, обманула? Если она проделывает такое не раз, неужели не нашлось никого, кто бы ее наказал? Или она не связывается с теми, кто может взыскать?

Настроение подпортилось. Женя уже без интереса выбирала, что ей надеть. Какая разница? Аня вообще после работы приедет, в чем есть. И она не стала слишком усердствовать в выборе наряда. Джинсы и легкий джемпер, волосы наверх убрать заколкой, вот и все приготовления.

Приехав к кинотеатру, Мордвинова еще подождала минут двадцать, пока приедет Аня. Первое, что они увидели, войдя внутрь, были два дюжих омонцовца. Ага, выходит, Ада Васильевна подстраховалась! Тут же выяснилось, что фильм начнется только через час, а в пригласительном билете указывалось время сбора гостей.

Им пришлось помыкаться в прибывающей толпе весьма странных личностей. Эта толпа напоминала массовку, с которой им часто приходилось иметь дело.

Художник по костюмам поздоровался и скользнул куда-то наверх. Мелькнули еще знакомые лица. Пронесся шорох: «Бабушка! Бабушка!». Ада Васильевна прошествовала в сопровождении «приживалок» и тоже поднялась наверх. Подскочил администратор Вова:

— Женя, почему не поднимаетесь? Там фуршет для съемочной группы.

— Пойдем? — Женя вопросительно посмотрела на дочь.

— Что-то не хочется...

— Мы не пойдем, — сказала Женя, и администратор помчался дальше.

На экранах, развешанных по стенам, показывали фильм о фильме. Кое-где мелькало Женино лицо, но смотреть и вспоминать съемочный процесс совсем не хотелось. Аня была неразговорчивая, уставшая. Мимо прошли омонцовцы, направляясь на улицу покурить. От их вида стало вовсе не по себе.

Наконец-то открыли зал, можно было сесть. Они прошли к задним рядам, сели подальше. Однако испытания еще не закончились. На сцену кинотеатра вышла съемочная группа или ее малая часть во главе с Адой Васильевной. Она потребовала, чтобы все участники съемок поднялись к ней, но больше никто не откликнулся. Женя заметила, что и Вова куда-то исчез. «Бабушка» хлопотала:

— Вова, где ты? Кто еще в зале, выходите!

Мордвинова вжала голову в плечи. «Бабушка» успокоилась: рядом с ней стояли ее дочь, ее бывший муж, муж (или сожитель) нынешний. Конечно, на сцене присутствовал и исполнитель главной роли, театральный актер Вольнов, милый лысоватый человечек с большими карими глазами, и другие актеры, ну и, конечно, «приживалки».

Ада Васильевна с трагическим пафосом стала вещать о положении дела в современном кинематографе. Клеймя всякие «Дневные позоры», она говорила о своей высокой миссии пропагандиста христианского искусства, войдя в экстаз, взывала к духу Жуковского.

— Я чувствую его присутствие в зале! Надеюсь, мы не посрадим его память, и фильм ему понравится!

Пока она говорила, Женя с дочерью переглядывались в недоумении. Когда речь зашла о духе Жуковского, Мордвинова невольно прыснула. На нее недовольно покосились соседи из массовки. Между тем «Бабушка» исходила еле-еле, представляя сериальную диву, которая должна была обеспечить хоть какие-то кассовые сборы, если фильм выйдет в прокат. Звездулка пролопотала в микрофон что-то благодарное, все перецеловались в умилении, пару слов сказал скромняга Вольнов, и фильм начался.

Титры выполнены были художественно, рождая ностальгию по 19 веку. Но первый же эпизод резанул искусственностью, нарочитой театральностью. Актеры двигались и говорили, как марионетки. А уж какую чепуху они несли!

— На бумаге это выглядело приличнее, — шепнула Женя.

Аня морщилась, как от зубной боли. Нестерпимая фальшь! Они посидели еще десять минут в надежде, что со сменой эпизода и актеров что-то исправится. Нет, никакого улучшения!

— Может, уйдем? — предложила Аня.

Мордвинова посмотрела по сторонам — они находились в самой середине ряда.

— Посидим еще чуть-чуть, — ответила шепотом.

Но когда в фильме появились кадры из предыдущего «шедевра» Ады Васильевны, Женя не выдержала:

— Она цитирует сама себя! — возмутилась вслух.

На нее зашикали.

— Давай уйдем! — повторила Аня.

Мордвинова никогда не уходила ни со спектакля, ни с сеанса кино, считая это неуважением к труду их создателей, независимо от результата. Однако тут ее душа не вынесла.

— Пойдем, — скомандовала Женя, и они, поминутно извиняясь перед соседями, выбрались из зала. В холле скучали омовцы, в буфете какие-то люди угощались бутербродами. Мать и дочь без сожаления вышли из кинотеатра и направились к метро.

— Забыть, как кошмарный сон! — пробормотала Женя, доставая проездной билет.

Внутри у нее все кипело. Позвать омовцев, чтобы защититься от обманутых коллег, а потом разглагольствовать о христианских ценностях! Аня повидала всякое за годы работы в кино, однако «Бабушка» и ее сразила наповал.

— Бывают же такие деятели! — усмехнулась дочь.

Они остановились возле китайской пагоды — станции «Арбатская».

— А пойдем погуляем! — предложила Аня. — Посидим где-нибудь на Арбате, выпьем кофе?

Женя с готовностью согласилась. Они медленно прошли по Старому Арбату, разглядывая всяких чудаков, которых там всегда в избытке. Послушали уличных музыкантов, поглазели на сувениры и выставленные на продажу

картины. Мимо них, танцуя и напевая свои песенки, проследовала группа кришнаитов. Народ останавливался поглазеть на это пестрое шествие.

Потом они рылись в книжных развалах, и Женя все изумлялась: буквально за копейки продаются книги, которые когда-то доставались с большим трудом, выдирались из журналов, переплетались отдельными брошюрами... Теперь купить можно что угодно. За бесценок уходят подписные издания классиков, любая зарубежная литература.

— Давай здесь посидим, — предложила Аня, указывая на вывеску кафе.

Они не пошли внутрь, сели на летней веранде, которая совсем недавно была смонтирована в преддверии лета. Заказали кофе и вкусных пирожных. Подумали и попросили еще по алкогольному «Мохито». Туда-сюда мимо них сновали шумные толпы, господствовало ощущение нескончаемого праздника. Впрочем, май и был праздником длиною в месяц...

За последнюю неделю Мордвинова пережила острое одиночество. И хотя работа на новом проекте не оставляла ни сил, ни эмоций, ей было тягостно возвращаться домой и сталкиваться с отчуждением дочери: Аня тоже много работала и приходила абсолютно вымотанной. И у нее сил на разговоры не было. Попив чаю с бутербродами, она уходила в свою комнату и сразу ложилась спать. Часто она и вовсе не ночевала дома. И если раньше звонила и предупреждала, хотя Женя и не требовала этого, то теперь жила своей отдельной жизнью, не посвящая в нее мать.

Обе они были безумно одиноки. Мордвинова это чувствовала как никогда. Тяжело ей далась эта неделя... И самое горькое — это осознание, что, выйди Аня замуж, Женя действительно останется в полном одиночестве. Будет приходиться в пустую квартиру, засыпать под бормотанье телевизора, просыпаться в зловещей тишине, и не с кем будет перемолвиться словечком...

Теперь дочь сидела перед ней, не прятала взгляда и не уклонялась от вопросов. Впрочем, вопросы-то были самые безобидные. Они говорили о работе, каждая о своем фильме. Аня рассказала о параллельном проекте, для которого они с Димой Вересовым подбирали костюмы. Ее поразило поведение актрисы, которую Аня считала талантливой и достойной уважения.

— Представляешь, — рассказывала она, — вместе с ней ездили по магазинам, она все примерила, одобрила. Потом я узнаю, что она жалуется, будто ей даже не показали костюмов! Мне кажется, у нее не все в порядке с головой. Как-то я приехала за ней в салон, где ей делали прическу. Все хорошо, все нравится. Только вышли от визажиста, она говорит: «Кошмар, что мне наделали! Уродство какое-то!» У меня и слов не нашлось.

Они больше не возвращались в беседе к злосчастной премьере и к «Бабушке», все это было уже страницей прошлого. Удивительно, как быстро все уходит, забывается...

— Ань, давай больше не будем ссориться, — сказала Женя в приливе грусти и радости одновременно. — Мне без тебя так плохо, так одиноко!

— А разве мы ссорились? — улыбнулась Аня. — Мне тоже без тебя плохо, мам. Ты не представляешь, как я всегда скучаю по тебе...

Они обе были тронуты. Женя не скрывала слез: в последнее время она стала такой плаксой. Темнело. Они сидели на бурлящем Арбате, и было чувство, что все еще впереди, все возможно.

— Знаешь, — сказала Аня, — даже если я выйду замуж когда-нибудь, я не

хочу расставаться с тобой.

— Но это невозможно, — возразила Женя.

— Возможно. Мы будем дружить домами, так что тебе тоже придется выйти замуж!

Глава 30

Трудный разговор

День начался скверно. Аню не пропустили на «Мосфильм». Что за оказия? На проходной заявили, что ее фамилия попала в черный список, и отобрали пропуск.

— Но почему, как? — недоумевала Аня.

Охранник ей отвечал, что ему неизвестно и не его это дело. Раз в черном списке, значит, не велено пускать. Аня опаздывала на смену, ей пришлось звонить Диме Вересову:

— Дима, я почему-то попала в черный список, и меня не пропускают на проходной.

— Что за дела? — удивился художник. — Сейчас попробую связаться с продюсером.

Аня нервно прохаживалась перед проходной и курила в ожидании звонка. Смена вот-вот начнется, еще не все подготовлено, надо посмотреть кое-что, а она стоит здесь, ждет непонятно чего! Впрочем, ждать пришлось недолго, продюсер попросил передать трубку охраннику. Суровый человек в черной спецовке спокойно выслушал его и вежливо ответил:

— Я все понимаю, но мы подчиняемся только своему начальству. Звоните им, нам прикажут, мы выполним.

Он вернул Ане телефон, из которого неслась отборная ругань линейного продюсера. Аня попыталась вставить хоть слово, но в итоге просто отключилась. Она еще раз обратилась к охраннику:

— Это какое-то недоразумение, ей-богу! У меня смена началась, вы срываете съемки.

Охранник был неумолим. Он сделал каменное лицо и отвернулся.

— Почему не пропускаете мою дочь? — услышала Аня за спиной знакомый голос. Она обернулась и увидела Туринского, который выходил с территории «Мосфильма». Наверное, ночная смена, подумала она (Студия Туринского арендовала павильоны на «Мосфильме»). Ишь ты, «дочь»!

— Что случилось, Ань? — поцеловав ее в щечку, спросил Виктор Алексеевич.

— Не понимаю, — сердито ответила она. — Не пускают, пропуск отобрали...

Туринский ввязался в беседу с охранником и выяснил, что Ане инкриминировалась передача пропуска другому лицу.

— Кому ты давала пропуск? — спросил режиссер.

— Да никому не передавала, чушь какая-то! — возмутилась Аня. — Может, нас с мамой перепутали?

Нервы ее были на пределе. Опять звонил Дима, сказал, что сейчас подойдет с продюсером. Туринский узнал телефон начальника охраны, стал звонить, но никак не мог дозвониться.

Потом все разрешилось в одночасье. Явились коллеги и настояли на одно-

разовом пропуске. Тут же Виктор Алексеевич поговорил с начальником охраны и передал трубку суровому секьюрити. Как-то все утряслось благодаря Туринскому, Ане вернули пропуск и вычеркнули ее имя из черного списка.

Она так и не поняла, что это было: чей-то злой умысел или глупая случайность. На смену, конечно, опоздала. Прощаясь со своим спасителем, Аня сказала:

— Спасибо вам, Виктор Алексеевич! Я уж думала, с ума сойду тут...

Туринский махнул рукой, мол, не на чем, и собрался было уходить, однако остановился и крикнул Ане, спешащей вслед за Димой и продюсером:

— Ань!

Она обернулась.

— Давай часов в шесть в буфете встретимся? Хочу пару слов тебе сказать.

Аня удивилась, но согласно кивнула.

Эпизод с пропуском вывел ее из равновесия. Примчавшись в костюмерку, Аня быстро проверила, что без нее собрали костюмеры для съемок. Потом понеслись на площадку.

Работа заняла все мысли Ани, вытолкнув из памяти утренние неприятности. И только во время обеда она вспомнила о предстоящей встрече с Туринским. Подумала, не пойти ли и не сказать об этом Жене. Они часто сталкивались в коридорах «Мосфильма». Однако, поразмыслив, решила пока ничего не говорить. Мало ли что собирается сообщить ей Виктор Алексеевич.

В шесть часов как раз образовался небольшой перерыв в съемках, и Аня безболезненно покинула площадку. Она явилась в назначенное место, когда Туринский уже сидел за столиком и что-то жевал.

Увидел ее и заметно обрадовался:

— Ань, садись. Что-нибудь будешь есть-пить?

— Я обедала недавно. Разве что соку выпью.

Туринский метнулся к буфетной стойке, вернулся и поставил перед девушкой бокал с соком.

— Спасибо. — Аня смотрела на него с любопытством.

Надо же, дочерью назвал на проходной. Пятнадцать лет не вспоминал, а тут — на тебе, «дочь»! А он неплохо выглядит, даже влюбиться можно. Моложав, поджарый, сухой, высокий. А за эти глаза полжизни можно отдать! И плевать, что седой весь. Красивый мужчина и вовсе не старый. Вполне понимаю маму: рядом с ним другие мужчины блекнут. Зачем-то пригласил... Она была заинтригована.

Между тем Туринский достал сигареты, машинально предложил Ане. Она взяла.

— Ты куришь? — запоздало удивился режиссер.

— Уже лет десять, — усмехнулась Аня.

— Да, я виноват перед вами, бросил... — пробормотал Виктор Алексеевич.

— Ничего, как видите, мы выжили, — снова усмехнулась она.

— Почему на «вы», Ань? — всполошился Туринский. — Я не чужой тебе.

Аня стряхнула пепел в толстую стеклянную пепельницу, стоявшую на столике.

— Я уж и не знаю, как обращаться, на «ты» или на «вы». Вроде бы росла на твоих глазах, а с другой стороны — знаменитый режиссер, гордость российского кинематографа.

— Да брось! — поморщился Туринский. — Хоть ты пощади.

Аня снова с любопытством посмотрела на него.

— Ты хотел мне что-то сказать... — напомнила она.

Виктор Алексеевич задумался. Аня ждала.

— Даже и не знаю, как сказать-то... Ничего конкретного. — Он вдруг покраснел, как мальчишка, и в Ане поднялось теплое нежное чувство к нему.

Господи, мужчины как дети. Они так ранимы, так трепетны.

— Я подумал, может, ты поговоришь с Женькой... Мне нужна ее помощь.

Аня насторожилась.

— Какая помощь?

Туринский вздохнул и снова закурил.

— Понимаешь, хочу снять что-нибудь настоящее. Пора уже. И вот чувствую, что без ее участия мне не справиться.

Аня посуровела.

— Знаешь, Вить, я бы не хотела, чтобы ты снова ее подвесил.

— Как это? — В глазах его мелькнул испуг.

— Ну, так. Маме надо устраивать свою жизнь, не девочка уже. Она ведь была готова к новому, к общению, поиску. Тут опять появился ты — и все! Снова замкнулась: работа — дом. Оставь ее в покое, а?

Туринский слушал ее внимательно, напряженно.

— Ты считаешь, нужно оставить ее в покое?

— Ну да! Что ты можешь ей дать кроме новых страданий? Ты ведь женат, у тебя налаженная жизнь, блестящая карьера, зачем тебе еще мама? Ты ее терзаешь, пойми.

Аня разволновалась и тоже схватилась за сигарету.

— Она могла бы получить интересную работу, хорошо оплачиваемую, между прочим, — неуверенно пробормотал Туринский.

— У нее есть интересная работа!

— Костюмера? — усмехнулся режиссер.

— Да, костюмера! — отрезала Аня.

— Да ты знаешь, что она может, на что способна? — взволновался режиссер.

— А ты знаешь, что она почти пятнадцать лет просидела дома перед телевизором с пакетом семечек?

Виктор Алексеевич нахмурился и умолк. Аня продолжила, постепенно заводясь:

— Ты представить не можешь, с каким трудом мне удалось ее вытащить из дома, заинтересовать хотя бы съемочным процессом. У нее же никого не было без тебя, ты можешь это понять? Ни одного мужчины! Пятнадцать лет коту под хвост!

Туринский смотрел на нее в ошеломлении:

— Ты шутишь? У Женьки все эти годы никого не было?

Аня пожалела, что проговорила. Вот, будет теперь думать, что он — единственный и неповторимый. Много чести. Пока они молчали в замешательстве, к их столику подошел известный актер Пашков и поздоровался с Туринским.

— Вить, познакомь с красавицей, — кокетливо пристал он, бросая на Аню нескромные взгляды.

Режиссер сдержанно ответил:

— Это моя дочь, Миш, знакомить не буду, иди своей дорогой.

Актер поднял брови, присвистнул, но не обиделся, пошел дальше.

Виктор Алексеевич взглянул на Аню чрезвычайно серьезно.

— Ань, я виноват, знаю. Но пойми, мне с вами было очень хорошо, вы были моей семьей, единственной семьей. Теперь я могу с уверенностью сказать, что у человека, за редким исключением, может быть только одна семья. Ею были вы для меня...

— Поэтому ты нас бросил? — съязвила Аня.

— Понимаешь, я не мог не уйти, иначе бы ничего не достиг в жизни.

— Но почему? — удивилась Аня. — Потому что было хорошо?

— Можешь смеяться, но да, — подтвердил Туринский. — Было хорошо, и уже не хотелось никуда стремиться, завоевывать, искать... Мне необходимо было уйти!

Аня пожала плечами:

— Ну что ж, я не в претензии, мне как-то все равно. Вот мама...

— Я скучаю по ней, — вдруг признался Туринский, — мне ее не хватает.

— Как все сложно! — На этот раз Аня не была тронута его признанием.

Туринский горячился:

— Пойми, я думал, семья, дом — это буржуазные ценности, они мешают творчеству, искусству. Да так оно и есть! Но человеку одиноко без семьи, и в определенном возрасте это становится проблемой.

— Ты же женат! — снова удивилась Аня.

— Чистая формальность, — тотчас отреагировал режиссер, и это не понравилось ей.

Тут к Туринскому бросилась актриса Ларина, снимавшаяся во всех его фильмах.

— Виктор, я тебя жду, жду!

Она кивнула Ане в знак приветствия и, схватив Туринского за руку, потянула за собой:

— Идем в офис, мне очень нужно поговорить с тобой!

— Сейчас, Лен, еще минутку, — ответил знаменитый режиссер и отнял руку. — Иди, я скоро буду.

Однако актриса и не думала подчиняться. Она уселась рядом:

— Нет уж, послушай!

Тогда Аня поднялась:

— Мне надо бежать: перерыв давно закончился.

Туринский смотрел на нее умоляюще:

— Не уходи так, — проговорил он с отчаянием в голосе.

Аня наклонилась к нему и поцеловала в лоб.

— Все хорошо, Виктор Алексеевич. Пока.

И она вышла из буфета. Перерыв, конечно, не закончился, иначе бы ей дали знать по телефону. Но надо было как-то сбежать. Однако задержка в съемках грозила основательной переработкой, а у Ани были планы на вечер. Пока шла по коридору, она все думала, надо ли говорить маме об этой встрече с Туринским? Конечно, надо бы, она так тоскует по нему. Но зачем? Лишние волнения и беспочвенные надежды? Решила ничего не говорить, посмотреть, что будет дальше.

Глава 31

Все непонятно

Вот уже неделю Тим не звонил сам и не отвечал на ее звонки. Аня не знала, что и думать. Она снова и снова набирала его номер и слушала бесконечные гудки. Телефон не был заблокирован, абонент не находился вне зоны действия, он просто не отвечал.

Поначалу она ждала, что Тим перезвонит, увидев пропущенный звонок. Однако он не перезванивал. Опять! Опять попытка неизвестностью, опять неуверенность в завтрашнем дне и вечные вопросы: что не так я делаю, что во мне не так?

Любопытно, что Артем тоже пропал, но это понятно. Отказ сложно пережить так быстро. Может, оно и хорошо, что так...

Промучившись неделю, Аня решила поехать на «Семеновскую», к Тиму, и выяснить все на месте. В глубине души она надеялась, что он куда-нибудь уехал, телефон забыл, что дома его не будет, когда она явится туда. Тогда все бы объяснилось. А то, что не предупредил... Что ж, они не давали друг другу никаких обещаний.

Аня едва дождалась конца смены. Хорошо еще, не ночная. Однако после ночной, почти без сна. Ехала поздно, в одиннадцатом часу, а ей нужно было еще успеть вернуться домой, если все же Тима нет. И утром спозаранку опять на смену. Дима Вересов теперь работал на другом проекте, оставив Аню за себя.

Она приготовила все на завтра, что-то развесила на вешалах, что-то отдала костюмерам стирать. Вышла из костюмерной последняя, закрыла ее на ключ. Для верности еще раз набрала номер Тима и еще раз послушала гудки. Он не взял трубку.

Ехала на «Семеновскую» в страшном волнении, как на первое свидание. Удивительно, я не могу пресытиться им, мне нужен он каждую минуту, даже если я этого не осознаю. Всякий раз увидеть его после разлуки — такое блаженство, за которое все можно отдать! Чем он держит меня, чем обворожил меня мой идеальный мужчина? Какие тайны скрывает его душа? Я ничего не знаю о нем кроме того, что он мой, мой. Мой...

Сердце Ани бешено стучало, когда она поднялась на нужный этаж и нажала кнопку звонка. У нее подкашивались ноги от страха или волнения. Обостренным слухом она уловила шорох за дверью. Кто-то рассматривал ее в глазок? Тим или Сергей? Зачем Сергею? Будь он дома, сразу б открыл.

Аню шатнуло вдруг от внезапной мысли: что если Тим не один, а с женщиной? Почему об этом она не подумала? Ни разу не пришло в голову, что Тим может... не изменить, а встретиться с другой женщиной. Теперь испугалась до дрожи, и ей стало неловко до краски в лице. Что как эта женщина сейчас разглядывает ее в глазок?

Аня решительно шагнула к лифту и нажала кнопку вызова. И тут дверь отворилась.

— Аня! — позвал ее Тим.

Он стоял в проеме дверей, изменившийся, похудевший, бледный. Аня медленно подошла и прислонилась к его груди...

— Ты после смены? — спросил Тим, увлекая ее в комнату. — Я сейчас принесу поесть.

Он ушел, и Аня смогла немного перевести дух. Хорошо, что не расплакалась, а то была на грани. Она не задала ни одного вопроса, хотя готова была обрушить на его голову поток упреков и жалоб. Мысленно похвалила себя и за это. Все, ни слова упрека.

Она огляделась, будто вечность не была в этих стенах. И никого нет у Тима, даже Сережи. Почему же не отвечал? Вот его телефон лежит, на компьютерном столе, возле светящегося экрана монитора. А если бы я сейчас не пришла сюда? Впрочем, решила же обойтись без вопросов.

Тимофей вернулся с подносом и выставил на стол тарелку с дымящимся омлетом, чашку кофе с молоком, бутерброды с сыром.

— А ты? — спросила Аня.

— Я уже ел.

Тим уселся верхом на стул и теплым взглядом следил за Аней. И опять они говорили о чем угодно, только не о том, что волновало ее больше всего. У Тима закончился проект, он решал, что делать дальше. Каждый месяц нужно было платить за квартиру, причем немалые деньги, и самый пустячный простой всякий раз — это брешь в бюджете, которую нелегко залатать.

— Меня зовут на два месяца на Мальту: осветителем на новый проект, — сообщил Тимофей.

Внутренне дрогнув, Аня ничем себя не выдала.

— Полезно будет погреться на солнышке, а то я что-то разболелся, — добавил он.

— Так ты болел? — силясь говорить спокойно, спросила Аня.

Тим смущенно кивнул.

— Почему же не позвонил? — вырвалось у нее.

Тимофей собрал посуду и предложил:

— Пойдем покурим на кухне?

Они устроились за кухонным столом с пепельницей, закурили, и Аня все ждала ответа. Пауза затянулась, наконец Тим произнес:

— Я не хочу, чтобы ты меня видела слабым. Мужчина не должен болеть, это позорно.

Аня не нашлась, что ответить на это. Он прав и неправ. Да, Тим всегда помнит о разнице в возрасте и делает все, чтобы Аня ее не чувствовала. Она и не чувствует. Но не позвонить, когда болеешь, это уж слишком! Кто же ухаживает за ним, греет молоко и приносит из аптеки лекарства? Да, он всю жизнь рассчитывал только на себя и теперь, как все закоренелые холостяки, никого не хочет подпускать так близко...

— Может, ты приедешь ко мне на Мальту? — спросил Тим.

Аня пожалала плечами:

— Вряд ли получится. Все лето мы снимаем натуру в Измайловском парке. Проект заканчивается только в середине сентября...

— И нельзя найти замену на это время? — настаивал он.

— Некого. Художника сейчас на проекте нет, я вместо него. Я не могу подвести Диму...

Тим помолчал, потом предложил посмотреть интересный польский фильм.

— Давай попробуем, — согласилась Аня. — Не знаю, хватит ли меня на весь фильм: я спала прошлой ночью всего три часа.

— Почему так мало? — спросил Тим, когда они вернулись в комнату.

— Сплошные ночные смены, а днем спать не получается: дел всяких скопилось, — Аня невольно зевнула и прилегла на диван.

Она следила, как Тим ищет в компьютере скачанный фильм, и боролась со сном. Поставив на просмотр и повернув экран, чтобы было удобно смотреть, Тим забрался к ней на диван, за спину, обнял ее, свернувшись в клубок, и прижал к себе. Так она и уснула в его объятьях, как в колыбели, чувствуя себя защищенной, как никогда. Уснула, чтобы потом проснуться для более сладостного сна...

Глава 32

Откровения

«Мой муж никогда не был мне верен», — прочитала Мордвинова заголовок статьи на развороте популярного журнала «Звезды и планеты». Купила его по дороге домой, у метро, соблазнившись обложкой. Анжелочка во всей своей звездности сияла на ней, на этот раз без своего знаменитого супруга. В метро Женя полистала журнал. Он славился некоторой «желтизной»: интимными подробностями из жизни звезд и их откровенными интервью. Этот номер не был исключением. Гвоздем программы, или номера, была Анжелочка.

Приехав домой и на скорую руку приготовив ужин, Женя села почитать за едой. Анжелочка делилась с журналистами плачевной участью жены неверного мужа-знаменитости.

— Что ж это такое? Что ж ты за дрянью-то такая? — вслух возмутилась Мордвинова.

Зачем же мужа топить? Еще ославила на всю страну! Его значимость, талант, харизма спокойно спать не дают? Женя со злостью куснула бутерброд с колбасой. Тут зазвонил городской телефон.

— Алло? — свирепо рявкнула в трубку Мордвинова.

— Жень, ты чего такая злая? — Это была Светка, кто же еще.

— Журнал читаю, про Анжелочку Туринскую.

— А-а, да, я тоже читала в интернете, — подхватила подруга. — Вот змея, а? Но он сам виноват, Жень: взрослый мужик, все повидал, что ж так попался-то? Женя тотчас бросилась на защиту своего бывшего:

— Да она женила его на себе! Плохо ли: жена знаменитого режиссера, все роли ее, международные премии, гремит на весь мир! Он ведь ее, засранку, своими руками слепил! Тварь неблагодарная.

— Жень, Жень, — не сразу остановила Светка поток брани, — да плюнь ты на них! Современная молодежь, она вся такая. Пока человек нужен, будут задницу лизать, а получают свое — отпихнут и перешагнут через него.

Мордвинова не унималась:

— Ведь сама бегала за ним, отца натаскала на нужную цель! И теперь вот на: получи, фашист, гранату от советского бойца!

— Жень, — силилась вклиниться Светка, — Жень, я влюбилась!

— Так хочется мордочку ее кукольную расцарапать, — бесилась Мордвино-

ва, и вдруг до нее дошел смысл последней фразы: — Что?

Светка счастливо рассмеялась:

— Влюбилась, говорю.

Женя никак не могла осознать услышанное.

— Интересное кино! А Толик?

— При чем тут Толик? — обиделась подруга. — К нему это не имеет никакого отношения!

— Муж все-таки, — буркнула Женя.

Все кругом влюбляются! Лето, жара...

— И кто этот счастливец? — спросила она все же.

Светка рассыпалась воркующим смешком:

— Новый программист, вернее, тест-менеджер. Тридцать лет, не женат.

Светкина небольшая компания занималась информационными технологиями, писала программы на заказ.

— Сколько? — брови Жени поползли вверх. — Ты совсем спятила? Он тебе в сыновья годится!

— Ну и что? — тихо ответила подруга. — Я ведь не замуж за него собралась, я влюбилась. А кто мне запретит просто тихо любить его?

Это было так не похоже на Светку! Мордвинова оторопела и замолчала. Потом спросила с сочувствующими нотками в голосе:

— А он знает об этом?

— Нет, — не сразу ответила подруга. — Может, чувствует. Он очень внимателен ко мне.

— Ну да, ты же его начальница, — буркнула Женя, но без ехидства.

Платонический роман. Удивительно, что Светка оказалась способна влюбиться вот так романтически.

— Представляешь, Толик будто почувствовал, — продолжала нашептывать свои тайны подруга, — заинтересовался мной опять, как в молодости. Бывало, только футбол и вдохновляет его, а теперь...

Да, Мордвинова много раз замечала, что влюбленный человек словно излучает флюиды, привлекающие к нему людей противоположного пола.

— Как зовут твоего программиста, что он из себя представляет? — Женя взяла трубку и перебралась в свою комнату на диван, готовясь к долгой беседе.

— Может, мы встретимся, а? — жалобно попросила Светка. — Понимаешь, меня всю переполняет безысходное чувство, а я даже поговорить о нем ни с кем не могу...

— Сейчас? — спросила Мордвинова не без ужаса. Она уже спала на ходу от усталости.

— Да нет, не так срочно, — засмеялась подруга. — Когда сможешь, а я после семи каждый день свободна.

— Ладно, — Женя лихорадочно соображала, когда же у нее будет выходной. — Свет, кажется, в среду у меня выходной. Доживешь?

— Доживу, — снова рассыпалась каким-то новым, «влюбленным» смешком Света. — Ты позвони мне накануне.

Они попрощались, и Женя положила трубку. Несмотря на собственные переживания по поводу Туринского и его глупой жены, она была заинтригована платоническим романом подруги. Пока дремала у телевизора, а потом готови-

лась ко сну, Женя все размышляла об этом. И как Светке удалось, думала она, засыпая, очароваться мужчиной, в наши-то годы? Да-а-а...

Глава 33

За коктейлем

В среду они встретились в новом кафе на Остоженке — любимый район Москвы. Есть не хотелось из-за жары.

— Что, вдарим по «Мохито», освежиться? — предложила Света, потирая руки.

— Давай, — тотчас согласилась Мордвинова.

Она по опыту знала, что в жару этот коктейль просто жизнь спасает.

— Алкогольный или без? — спросила подруга.

Она пригласила, она платила, она задавала тон. Женя с удовольствием подчинялась Светке.

— Алкогольный, — тряхнула она головой и вспомнила анекдот их студенческой юности: — Гулять так гулять! Официант, коржик!

Светка сделала легкий заказ: салаты, ягодный десерт, коктейли.

— Скорей бы в отпуск, такая жара! — вздохнула она.

Светка всегда ужасно страдала летом в городе.

— Хорошо здесь: прохладно, кондиционер.

— А когда ты едешь в отпуск, куда? — сочла нужным поинтересоваться Женя.

— В сентябре полечу на Канары. А сейчас и не хочется уезжать, разве что из-за жары... А ты?

Мордвинова махнула рукой:

— Какой отпуск! Лето, ты знаешь, самый киношный сезон. Со всех сторон предложения сыплются. Кажется, кризис миновал: столько фильмов запускается! Зимой, наверное, будем отдыхать.

— И дома опять просидишь? — недовольно заметила Света.

— Да как-то не получается спланировать, — замялась Женя. — Ну и незачем. От чего мне отдыхать? На пенсии отоспимся.

Им принесли коктейли, и подруги с жадностью припали к трубочкам. Приятная прохлада разлилась по жилам, головы прояснились, глаза заблестели.

— Вкусно, зараза! Давай еще по одному? — предложила Света.

— Давай!

Однако все это было предисловием, а Женя ждала главного: повести о любви. «Прекрасно понимаю домохозяек, которые за неимением собственной личной жизни следят за героями сериалов. Впрочем, Светка мне родной человек, и все, что происходит с ней, интересно и важно».

Подруга деловито достала из сумочки пачку сигарет и зажигалку. Только теперь Женя обратила внимание, что они сели в зале для курящих.

— С каких это пор ты куришь? — удивилась она.

— Да я так, немного, — защищалась подруга. — Понимаешь, в курилке только и можно оказаться тет-а-тет. У нас мало кто сейчас курит, все побросали.

— Ну, рассказывай же! — не выдержала Мордвинова.

— Ох, ну что, — смутилась Светка и мило покраснела. — Тест-менеджер,

тридцать лет, зовут Максимом.

В свое время, когда Женя сломалась и засела дома, ее бывшая одногруппница взялась переучиваться. Забыв о гуманитарном образовании, из которого пригодился только английский язык, освоила в тонкостях компьютер и программирование, удачно устроилась на работу в набирающую обороты фирму, благополучно пережившую кризис девяносто восьмого года. Довольно скоро сделалась компаньоном хозяина и теперь по совместительству возглавляла отдел. В подчинении у нее была, в основном, молодежь.

Максим появился в отделе прежде, чем Света смогла его разглядеть. Ему дали хороший оклад. Максим окончил МГУ, факультет ВМК, у него отличный послужной список. Он не москвич, хотя уже больше десяти живет в Москве. Снимает квартиру с приятелем, недолго был женат, но давно разведен, детей нет. Родители его живут где-то в глубинке.

— Господи, какие нынче холостяки-то пошли! — воскликнула Мордвинова, вспомнив еще и Артема Ненашева. — Жаль, не наш возраст...

Светка, конечно, знала, что в отделе новый сотрудник, но не обратила на него должного внимания. Месяц назад фирма праздновала свое пятнадцатилетие, устроив торжества на теплоходе. Пили, ели до отвала, танцевали, пели караоке. Гостей развлекали специально нанятые аниматоры, наряженные в пиратские костюмы. Было сыто, пьяно и весело.

Светка сидела за столиком у самого борта, провожала глазами яркие цветные огни вечернего города, светящиеся пешеходные мосты, иллюминацию набережной. Думала, как преобразилась Москва в последние годы, как расцвела и похорошела. И вдруг услышала голос...

— Он пел, как все, в общем, караоке, и песня была какая-то ресторанная, то ли Розенбаум, то ли «Любэ».

— Но это совсем не ресторанные песни! — заступилась за певцов Мордвинова.

— Ну, в общем, что-то такое мужское, шансонное.

Голос не был ни хриплым, ни низким, ни вкрадчивым, однако удивительно проникновенным и чувственным.

— А, вспомнила! Он пел «Зимний сад»!

— Ничего себе шансон! — вставилась было Женя, но рассказчица не обратила внимания на ее слова.

Прослушав песню до конца и от души отхлопав ладоши, Светка захотела узнать, кто же исполнитель.

— Это Максим Соколов из нашего отдела, — подсказала секретарша Танечка.

Вот тогда Светлана Петровна впервые обратила внимание на своего нового подчиненного. Так получилось, что после праздника все, кто не пил, развозили по домам вкусивших. Максим доставлял начальницу на своей машине: серебряного цвета «хендай».

— Во что ты была одета? — Женя была верна себе в этом вопросе.

— Неплохо, скажу тебе, — с готовностью отвечала подруга. — У меня есть костюмчик летний из шелка...

— Брючный?

— Нет, блузка и юбочка, потом покажу. В общем, неплохо смотрелась.

Максим вел машину легко и уверенно, в дороге мягко шутил над подвы-

пившей начальницей. Пока ехали, Света выпросила у него все, что было прилично выпрашивать. В частности, узнала, что он любит петь, поет под гитару с пятнадцати лет. Чаще всего в кругу друзей.

— А голос у него действительно чудесный! — прокомментировала Светлана Петровна и мечтательно умолкла, потому что им подали десерт.

Когда официант ушел, Женя спросила разнежившуюся подружку:

— Какой он, твой Максим?

— Красивый...

— Естественно. А поподробнее?

— Ну, Жень, — счастливо рассмеялась Светка, — может быть, ничего особенного для кого-то, а мне в нем нравится абсолютно все, понимаешь?

Она зажмурилась от восторга.

— Рост? — не отставала педантичная Мордвинова.

— Выше среднего, для меня просто высокий.

— Глаза?

— Карие, — с нежным вздохом отвечала допрашиваемая. — Немного раскосые, чуть-чуть.

— Волосы?

— Стрижет коротко, ему идет. Темные.

— Худой, накачанный, толстый?

— Стройный, Жень, плечи широкие... Не знаю, я ведь вижу его в основном в костюме, иногда в рубашке. Мне кажется, что идеальный...

— То есть одевается он по-офисному? — уточнила дотошная Женя.

— Ну да, как же еще? — удивилась Света. — У нас же дресс-код.

— Нос? — перебила ее Мордвинова, задаваясь целью составить полный словесный портрет Светкиного принца.

— Красивый...

— Это понятно, а точнее? Вздернутый, картошкой, пуговицей, греческий, ястребиный, крючковатый, мясистый, длинный?

— Стоп, стоп! — засмеялась Светка. — Ты, Жень, прямо Шерлок Холмс! Да не знаю я, какой у Максима нос. Но не курносый, точно.

— Ясно. Губы? — Женя хотела довершить портрет.

— Губы тонкие, яркие, изящные. Еще ему идет, когда он слегка небрит.

— Ну, размер ноги не спрашиваю, это уже не так важно, — пошутила Мордвинова. — И что же, на какой стадии твой служебный роман?

— Избави Бог, чтобы кто-нибудь узнал! — испуганно отмахнулась Светка и огляделась по сторонам, будто боялась, что их услышат посторонние. — Нет никакого романа, Жень. И ты понимаешь, что по определению не может быть! Я влюблена, и пока мне этого достаточно. На работу на крыльях лечу!

— Прекрасно выглядишь, между прочим, — заметила Женя, любуясь подружкой. — Ну а как все же он к тебе относится? Что дальше-то было, после корпоратива?

— Тогда в машине на пьяную голову я высказала желание послушать, как он поет под гитару. Сказала даже, что хочу записать для себя.

Максим не смутился, не стал отнекиваться или кокетничать. Он просто сказал, что споет, когда ей будет удобно.

— Прямо в конторе? — удивилась Мордвинова.

— Ну да, я же не могла напроситься к нему домой. Конечно, охранник смот-

рел, мягко говоря, с недоумением, когда после работы Максим приволок в офис гитару.

— И что, спел?

— Спел! И это было умопомрачительно. — Светка так вздохнула, что все сделалось ясно. — Вот меня и подкосило. Ты же знаешь, как я люблю, когда кто-то хорошо поет.

Конечно, Женя знала. Когда-то и Толик в студенческом кругу очаровывал девиц своими песенками. И Светку словил. Не удержалась, не без ехидства добавила:

— Да еще если этот «кто-то» молод и красив. Ой, Светка, не заиграйся.

— Ты, Жень, не волнуйся, — серьезно ответила та. — Я же сама все прекрасно понимаю. Но мне от Макса ничего не нужно, только чтобы он был...

Женя внимательно посмотрела на подругу:

— Врешь ведь? Так уж ничего?

Глаза Светки подозрительно заблестели.

— Только тебе, на ушко, ладно?

Она заговорила, и от каждого слова ее веяло неутоленной страстью и любовной тоской. Нет, между ними ничего не было. Так, легкий флирт в рамках приличия. Светка терпеть не могла, когда за ее спиной сплетничали, поэтому старалась не давать повода для пересудов. К тому же в отделе трудились молоденькие девушки, которые живо интересовались Максимом и следили за каждым его шагом.

— Как он с ними? — тотчас поинтересовалась Мордвинова.

Со всеми вежлив и ровен. В особых пристрастиях замечен не был. Что касается начальницы, то внешне кажется все то же: доброжелательность, уважение, дистанция.

— Но я чувствую, понимаешь? — Светка перешла на горячий шепот. — Он отмечает все, связанное со мной. Причем очень внимательно наблюдает и совсем не отстраненно!

Как-то она делала выговор секретарше, и Максим нечаянно стал свидетелем этой сцены. В глазах его плясали чертики, а взгляд говорил: «А, вот вы как еще можете? Ну-ну!» Или заказчик расстроил начальницу звонком, она чуть не плачет. Максим опять рядом, смотрит вопрошающе, с сочувствием, мол, не убивайтесь, это еще не конец света.

— Понимаешь, он рядом, и эта незримая близость восхитительнее всего на свете! — с мягкой улыбкой говорила Света. — Я чувствую в нем родного человека, для которого я тоже что-то значу. Помнишь, мы с тобой говорили однажды, что человек, способный продолжить за тобой цитату — из книги или фильма, неважно, — не может быть тебе чужим? Так вот, мы определенно говорим на одном языке.

Мордвинова слушала, и ей делалось все грустнее. Конечно, такая любовь романтичнее и долговечнее, чем утоленная страсть. Однако она заведомо обречена, и Женя знала, что эта любовь принесет ее подруге немало страданий. Сейчас Светка хорохорится, влюбленность ее окрыляет, держит в тонусе. Но постепенно придет чувство неудовлетворенности, раздражение, потом иссушающая, безнадежная тоска и страдание, которое старит много быстрее, чем годы.

— Ну, а сейчас как у вас? — спросила Женя, сочувственно вздыхая.

— Прекрасно! — беззаботно мотнула головой Светка, но от пронизательной Мордвиновой не ускользнула нотка грусти, которая неразлучна с самой разной любовью.

— Грустишь? — спросила она.

Подруга взялась за сигарету.

— Скучаю. Все время скучаю по нему. И думаю: что будет, если он решит уволиться? Тогда все, мне конец.

Она закурила.

— Почему ты думаешь, что он уволится?

Светка опять оживилась.

— Он ведь талантливый, умный, сам песни сочиняет. Ну, не место ему в офисе! И жалко: не похож он на обычного клерка. Помнишь, у Лермонтова про гения, прикованного к чиновническому столу?

— Он должен умереть или сойти с ума, — тотчас отозвалась Женя.

— Ну да, — кивнула Светка. — Может, Макс и не гений, но явно предназначен для чего-то другого.

— Гению тоже есть надо, — Мордвинова решила отрезвить подругу, витающую в облаках.

— Да, конечно, — не стала спорить та. — Только жалко, его именно жалко. Ведь бывают всякие люди, кто-то успокаивается в зрелости, доволен тем, чего добился, все у него хорошо. А есть такие, кому нельзя останавливаться.

Она задумалась. Все давно уже было выпито и съедено. Женя первая нарушила молчание:

— Даже и не знаю, что тебе пожелать...

— Не надо ничего! Я все знаю, Жень. Я просто люблю его, и это само по себе прекрасно. Значит, я живу!

— Но ведь ты не можешь не желать большего! — не выдержала Мордвинова.

Светка погрустнела.

— Конечно, но я никогда не признаюсь ему в этом.

— А он? Он мог бы сам, наверное, сделать какие-то шаги...

Совсем тихо ответила влюбленная бизнес-леди:

— Он не посмеет: дистанция, возраст, субординация. Нет, это невозможно!

Она попросила счет. Оставив в книжечке солидные чаевые, скомандовала:

— Уходим!

Они брели по любимой улице к метро и молчали. На Светку это было так не похоже, и Женя окончательно поняла, что подруга задета глубоко. Прощаясь на переходе, они договорились созвониться.

— Теперь тебе придется все мне рассказывать, — смеясь, сказала Мордвинова. — Я теперь буду переживать...

А когда ехала одна до «Киевской», внезапно подумала: «Может, прав был Туринский, оставив меня? По крайней мере, его творческая судьба сложилась удачно...»

Глава 34

Город ночью и днем

— Охрана, подойдите к костюмвагону. Поскорее, если можно! — стараясь сохранять спокойствие, сказала Аня в рацию.

Вот уже две недели съемки на натуре в Измайловском парке сопровождаются бесконечными конфликтами с местным населением. Аня и не подозревала, что в огромном парке, который почему-то почти не освещался, велась такая насыщенная ночная жизнь. И каким-то образом съемочная группа, разместившись здесь со своей техникой, помешала этой жизни. Туда-сюда сновали разряженные старушки и что-то злобно шипели сквозь зубы. Оказывается, рядом располагалась танцевальная площадка. На ней собирались те, кому за сорок. В основном это те самые бойкие, нарумяненные старушки и горстка старичков с баянистом во главе.

Аня никак не могла понять природу злобы и агрессии, исходивших от людей. А сколько матерной ругани пришлось услышать! Киношников трудно удивить, но здесь просто уши вяли.

— Понаставили тут! — непременно скажет кто-нибудь, проходя мимо, да еще долбанет со всей дури по колесу или бамперу вагона.

На редкость агрессивны и «красноречивы» оказались именно старушки, танцующие и поющие на дискотеке и рвущие друг у друга из рук немногочисленных старичков. Они плевали в сторону костюмвагона и трясли кулачками. А потом под баян горланили душевные песни. Видимо, съемочная группа вторглась в нечто заветное, нарушила некий природный баланс. Или это классовая ненависть, и прав был Карл Маркс?

Парк огромен, группа заняла и оградила всего лишь незначительную его часть, отчего же столько ненависти в их адрес? То и дело в рации раздавалось:

— Охрана, подойдите к буфету! Охрана, ребята, кто-нибудь, загляните в гримваген!

Выставляли охрану не только ночью, но и днем. А ночью частенько приходилось отсиживаться в костюмвагоне. Хорошо, в нем все устроено так, чтобы можно было жить. Туалет, кухня, холодильник и даже стиральная машина. Полная автономия. Ренат, генеральный продюсер, молодец, обеспечил группу отменной техникой.

На этот раз пьяный агрессивный мужик атаковал их вагончик. Он с руганью обрушился на Аню с костюмером Олей, сидевших на балконе. Слава Богу, ребята подросли, оттеснили его за пределы ограждения. Он еще долго что-то кричал и грозил, но в конце концов пропал из виду. Просто ужас! Аня долго приходила в себя от пережитого страха.

Моя бабушка непременно бы сказала, что на фильме о маньяке иначе и не может быть. Сам материал притягивает инфернальное. А какие силы задействованы, какие деньги!

Зазвонил мобильный телефон, и Аня удивленно подняла брови. Звонил Артем. Впервые с того вечера, когда он сделал ей предложение. Будто почувствовал! Аня нажала на кнопку и сказала:

— Алло?

— Аня, ты завтра свободна? — спросил Артем как ни в чем не бывало.

Он определенно почувствовал, что она сейчас одна и страдает от обиды и разлуки с Тимом.

— Днем да, но в шесть мне на ночную смену, — тоже как ни в чем не бывало ответила Аня.

— Я заеду за тобой в час дня! — как всегда, без всяких предисловий заявил Ненашев.

— Опять сюрпризы? — нахмурилась Аня, но звонку Артема на удивление обрадовалась.

— В общем, будь готова к часу. Все, пока, надо бежать, — и он отключился.

Бабушка бы еще сказала, что держать возле себя человека, если ты ничего не можешь ему предложить, как-то некомильфо и что нехорошо встречаться с влюбленным в тебя мужчиной при отсутствии любимого человека. Но что в том плохого, если я не хочу терять Артема из-за пустых условностей? Я никого не обманываю, не интригую, не завлекаю нарочно, чтобы использовать. Все по-честному. Все взрослые люди и отвечают за свои поступки. Артем вовсе не мальчик-колокольчик из города Динь-динь! Он сильный человек, занятый интересным делом. И я не хочу терять его навсегда.

Начался дождь, аллеи парка опустели. Ночной летний дождик. Хорошо в такую минуту сидеть в вагончике, тем более что теперь перерыв затянется.

— Кажется, надолго зарядил! — выглянув на балкончик, сказала Оля. — Можно даже поспать.

Она устроилась на диванчике подремать. Аня достала книжку Айрис Мердок, села поближе к свету. Почитать ей не дали. Явился актер Антон Васильев, который постоянно пасся в костюмвагене.

— Ань, я покурю у тебя, а? — Огромный, рыхлый, он сразу занял полвагона.

— У нас нельзя курить. Ты же знаешь! — привычно ответила Аня. — Костюмы пропахнут.

— Ну, я чуть-чуть, вот тут, на балкончике. Что-то мне худо, Ань...

Васильев постоянно тянул «дурь», приставал к Ане и рычал в каком-то первобытном томлении. Дима Вересов рассказывал, что недавно Антон собирался жениться, но невеста прогнала его. Все меньше предложений в кино, актер буквально уговорил Рената, продюсера фильма, взять его на главную роль. Он был известен и даже любим, вполне звездное имя, но работать с ним был сущим наказанием. Васильев прятался в костюмвагене от Рената, который строго-настрого запретил ему курить траву на площадке. Костюмеры боялись актера, непонятных вспышек гнева, его приставаний и утробного мычания.

Одна Аня справлялась с ним. Она всегда была безукоризненно вежлива, спокойна и терпелива. Ее звали всякий раз, когда нужно было одевать Антона.

Покурив, Васильев забрался в угол, растянулся под вешалами и притих.

Спустя некоторое время он высунулся из убежища и, осмотрев Аню с ног до головы, спросил:

— Ань, ты на «шапку» пойдешь в вечернем платье?

Аня, как всегда, была одета в штаны, в замысловатую кофточку, а волосы повязала красивым платком, тоже замысловато.

— А, Ань? — не отставал Васильев.

— По обстоятельствам, — ответила она, отрываясь от книги. — Если будет работа или неподходящая погода, какое же тут вечернее платье?

— Но ты можешь уехать с работы, переодеться, а? — не унимался актер.

— Может, я еще не пойду на «шапку», — возразила Аня.

— Не-е, Ань. Ты приходи обязательно!

Аня пожала плечами:

— Рано еще говорить о «шапке». Может, Ренат решит, что у нас перерасход, и не даст денег. А по костюмам у нас точно перерасход!

Из рации донеслось:

— Снимаем. Все на площадку!

Дождь прекратился, на площадке царило оживление. Несмотря на ночную прохладу и сырость, Васильев страшно потел, гримеры без конца промокали ему лицо и обновляли грим, он нервничал, изводил режиссера, которому и без того доставалось от продюсера. Словом, все шло своим чередом...

Дуня Пыльникова, играющая главную героиню, совсем юная актриса, уже прославившаяся ролью в популярном сериале, пожаловалась:

— У меня дома отключили горячую воду, как я теперь отмываться буду?

Аня сочувственно покачала головой: актриса с ног до головы была залита киношной кровью. Дуня была симпатична ей: она не «звездила» и не куражилась над костюмерами, работала в поте лица, беспрекословно выполняя все требования режиссера, а в перерывах была обычной девчонкой, шутила, говорила о любимой музыке, о книгах, рассказывала о своей собаке.

— А хочешь, поедem ко мне? — предложила Аня. — У нас есть горячая вода, помоешься по-человечески, поспишь перед сменой.

— Это удобно? — колебалась Дуня.

— Конечно.

После смены они вместе отправились домой. Васильев предложил:

— Девчонки, давайте я вас доведу!

— Спасибо, Антон, — ответила Аня, — но нас уже ждут.

Девушек отвозил приставленный к актерам водитель. Он быстро домчал их по утренней Москве на Потылиху. Там они принимали душ, пили чай с Женей, собиравшейся на смену, и наконец улеглись. Аня поставила будильник на двенадцать, однако на всякий случай написала Артему, чтобы он ее разбудил. Спать оставалось не более пяти часов.

Ей приснился Тим... Счастливый сон, светлый, нежный. И все было так просто, легко, и никаких недоговоренностей, непонятого сопротивления Тима. А главное, не было того постыдного скандала, который Аня закатила ему перед расставанием. Проснувшись раньше будильника, она улыбалась. Ответила на звонок Артема, готовила Дуне завтрак, потом проводила ее и все хранила это теплое ощущение.

Она тогда и не собиралась скандалить, получилось само собой. Расстроенная предстоящей долгой разлукой, Аня сошла с тормозов, не смогла совладать с эмоциями. Обида, неопределенность положения, ревность к неведомому — что сыграло свою зловещую роль? Она вовсе не хотела так расставаться. Заранее продумала тактику поведения и так позорно сорвалась! Наговорила много пусть справедливых, но обидных слов. Неоправданные претензии, упреки — как снежный ком. Ее несло. Не хватало здравого смысла, чтобы остановиться.

Тим молча слушал, не глядя ей в глаза. Хмурился, морщился, как от боли. И в конечном итоге произнес всего одну убийственную фразу:

— Я опять скажу, что ты совершенно свободна и что нам надо расстаться.

Аня чудом удержалась, не расплакалась.

— Что ж, раз я свободна, то... — проговорила она с усилием. — Значит, свободна!

Зачем, зачем мне эта свобода? Тем более что она ложная. Пока я люблю, не может быть свободы. А он мне никогда не говорил, что любит. И я тоже. Будто оберегаем каждый свою территорию...

Они опять попрощались будто навсегда. Плохо попрощались. Она уехала, не поцеловав Тима, не сказав ему добрых напутственных слов. Это разрыв...

К часу Аня не была готова, и Артем покорно ждал ее в машине.

— Мы куда-нибудь опаздываем? — спросила она после приветственного поцелуя.

— Что-то пропустим, конечно, но это не страшно.

Аня села на переднее сиденье, и они помчались. Ненашев привез ее в Коломенское на джазовый фестиваль. Тут царил праздник. Толпы молодежи и людей разных возрастов разместились прямо на траве перед сколоченной эстрадой. Вид открывался чудесный. Публика радовала веселыми лицами, приветливыми улыбками. Лето опьяняло не меньше музыки и напитков. Летом город бывает удивительно хорош, несмотря ни на что.

Аня смотрела на оживленного, отбивающего ритм и подпевающего Артема и улыбалась. На него заглядывались девушки, и это почему-то было приятно. И не надо было думать о солнце над Мальтой, об обиде, о вечном непокое и недостижимом счастье...

Потом они пообедали в милом кафе. Немного прогулялись по залитым солнцем улицам. Аня была так благодарна Артему за этот праздник, что, кажется, слишком пылко попрощалась с ним у проходной «Мосфильма» в шестом часу вечера. Его глаза вновь загорелись опасным огоньком. Он уезжал, как ей показалось, взбодренный и обнадеженный.

Глава 35

И так бывает

В съемках наметился перерыв, выдалось сразу несколько свободных дней. Мордвинова даже не знала, как распорядиться этим неожиданным подарком.

Дел, конечно, накопилась прорва. Необходимо закупить на месяц продуктов: дома шаром покати. Перестирывать кучу своего, а не киношного, барахла. Сделать генеральную уборку: в доме не пылесосили и не мыли Бог знает сколько времени. У матери с дочерью просто не оставалось сил на уборку после смены, а в редкие выходные получалось только отоспаться. А ведь у большинства женщин есть еще мужья и маленькие дети! Собой неплохо было бы заняться: маникюр-педикюр, очистительные маски и прочее.

Женя раздумывала обо всем этом на кухне за утренним кофе, сидя на диванчике в своей красной пижаме. По давней привычке взяла ручку с подоконника, вырвала листочек из блокнота, примагниченного к холодильнику, и составила список дел на ближайшие два дня.

Закупка продуктов оказалась на первом месте. В обычном магазине покупать дорого, надо ехать в «Ашан», но для этого нужна машина. Женя посмотрела на часы, висевшие над столом, и взялась за телефон. Набрала Светкин служебный номер.

— Да? — ответила подруга игриво-бодрым голоском.

— Света, привет.

— Ой, Жень! Куда ты пропала? — но тотчас себя перебила. — Подожди секундочку, я дверь закрою.

— Да работаю сутками, — ответила Мордвинова на ее вопрос. — Ты тоже что-то давно не звонила. У тебя все хорошо?

— Вроде бы да. Надо поговорить, Жень...

Мордвинова воспользовалась моментом и тотчас изложила свою просьбу: нужна-де машина, продукты все вышли, холодильник пуст, полки шкафчиков тоже. Света предложила ехать после семи.

— В пробках постоим, но хоть поболтаем! — вдохновилась она.

Женю это вполне устраивало.

— Договорились! До встречи.

До вечера она занималась уборкой, стиркой, пылесосила, мыла, развешивала белье на сушилке, проветривала квартиру, распахнув настежь окна и балконную дверь. Домашняя работа, обычно столь утомительная, на сей раз доставляла даже удовольствие. Вот что значит смена деятельности. Или дело в том, что теперь крайне редко и мимоходом приходится заниматься домом?

А если бы я была замужем? Или Аня? В кино бы мы не работали однозначно. Ни один мужчина не выдержит такой жизни! Разве только если сам будет работать там же, рядом...

Мысли Жени автоматически перенеслись к Туринскому. Нет, видимо, и это не спасает. У Витьки вон никак не складывается семейная жизнь, хотя трудятся они вместе, бок о бок. А хотела бы я сейчас бросить все и снова засесть дома ради любимого человека? Размышлять абстрактно не получалось, и Женя представила в роли этого человека конечно же Туринского. Непростой вопрос,

но ради него она бы могла все бросить, как это уже сделала однажды.

Ладно, какой смысл теоретизировать? Мордвинова энергично двигала мебель, расставляла по полкам книги под звуки музыки, льющейся из музыкального центра, но прогнать непрощенные образы уже не могла.

Неужели я смирилась с тем, что теперь навсегда и бесповоротно одна? Когда работаешь день и ночь, некогда и подумать об этом, одиночество не пугает. В кино люди прячутся от одиночества под иллюзией полноценной жизни. И только в минуты остановки, когда оглядываешься вокруг, ужасаешься пустоте. И это мой удел?

Мордвинова едва дождалась семи часов, чтобы поскорее отвлечься от безнадежных мыслей в болтовне с подружкой, в магазинной суете. И еще ей не терпелось услышать продолжение Светкиной истории любви. Когда та позвонила, подъезжая, Женя уже была готова к выходу: приняла душ, подкрасилась и причесалась. Она распечатала на принтере у Ани список продуктов, пересчитала деньги и спустилась вниз.

Увидев подругу, стоявшую у машины с сигаретой, в первый момент Женя слегка оторопела. Светка была неузнаваема. Помолодевшая, сбросившая килограммов десять, похорошевшая, и все это за каких-то три-четыре недели!

— Девушка, вы подругу моей молодости здесь не видали? — обратилась Мордвинова к ней.

— Да брось, Жень! — засмеялась довольная Светка. — Я после работы, устала, не выпалась...

— А я тебя еще в магазин погнала, — сказала Женя, усаживаясь в машину. — Однако по твоей сияющей физиономии не заметно, что ты убита трудами.

Светка выруливала на узкую дорогу, она слегка покосилась на подругу и усмехнулась:

— Это все любовь...

Женя оживилась:

— Есть хорошие новости?

Света пожала плечами.

— Ничего определенного. Все идет как идет.

Мордвинова приготовилась слушать, но подруга не торопилась посвящать ее в коллизии своего любовного романа.

— Ну не томи, Свет! — взмолилась Женя. — Сама же сказала: поговорить надо!

— Да, собственно, что? — пожала та плечами. — Со стороны не скажешь, что есть какое-то движение, развитие. Но для меня, знаешь, любая мелочь — целое событие.

Она помолчала, старательно выруливая на Третье кольцо.

— Вот как-то мы стояли вдвоем в курилке, разговаривали о том о сем, и он нечаянно назвал меня на ты. Понимаешь, не вы, Светлана Петровна, как всегда, а ты! Для меня праздник! Ведь это что значит? Это значит, что про себя, внутренне, он со мной на ты.

— Пустое вы сердечным ты... — с улыбкой начала Женя.

— ...Она, обмолвясь, заменила, — подхватила Светка. — Ну да, именно. И для меня это радость, свидетельство нашей близости, пусть и никем не замеченной.

Вся история любви Светланы Петровны состояла из таких нюансов. Жене, конечно, понятна была и сама Светка, и ее избранник Максим. Нынешний век не склонен к тонкостям чувств и изысканным поворотам в любовных отношениях. Нынче грубость и простота в почете. А хочется неземных страстей, рыцарского поклонения, куртуазности. Может, я ошибаюсь в оценке нынешних нравов, думала Мордвинова, ведь дефицит романтизма всегда ощущали именно молодые, просто время сейчас совсем не романтическое... А вслух она произнесла:

— Я одно могу сказать: влюбленность тебе на пользу.

Светка с грустью покачала головой:

— Ой, Женя, все совсем не так безоблачно.

Невозможность приблизиться к человеку, прикоснуться к нему, преодолеть определенную границу — это не только романтика своего рода, а еще и невыносимая мука. Временами Светка умирала от бессилия и ревности. Максим свободен, молод, красив. В конце концов, нормальный здоровый мужчина. Невозможно, чтобы у него не было подружки или хотя бы коротких связей. Света осторожно выведывала его секреты у девиц из отдела и у него самого. Максим утверждал, что теперь он очень разборчив и предпочитает одиночество. И ждет. Ревность рождала всякие подозрения, но они не подтверждались. Свободное время Максим посвящал спорту и музыке.

— В нем есть только один недостаток, если, опять же, считать это недостатком: он курит. Больше нет... — удивлялась Светка.

Женя улыбнулась:

— Ты просто недостаточно коротко знаешь его.

— Нет! — вскипела подруга. — Мне все в нем нравится, все! Это именно для меня в нем нет недостатков.

— Слушай, ты ему об этом не говори, — заметила рассудительная Мордвинова. — Тяжело же соответствовать.

— Что ты, мы не говорим о нас, — вздохнула Светка. — Только взглядами и разговариваем. Мне нельзя выдавать себя.

— Но это же бессмысленно! — не выдержала Женя.

— Ты что? — пылко возразила влюбленная подруга. — Ты меня видишь? Я же живу, чувствую все остро, весь мир для меня изменился!

Помолчав, она добавила:

— Конечно, иногда хандрю. Да и он тоже.

Пока стояли в плотной пробке, она продолжала повествование. В их отношениях случился период, когда Максим вдруг замкнулся, сделался раздраженным, тяжелым. В нем что-то зрело, ломалось. Света чувствовала непонятную вину. Он больше не смотрел своим вопрошающим взглядом, не следил за ней с участием, а сидел, уткнувшись в свой компьютер. Не выходил курить. Время от времени Светлана Петровна вызывала его по делу, пыталась ловить его взгляд, но он ускользал. Так длилось целую неделю. Тщетно она караулила Макса в курилке, в коридоре, как девчонка, поджидала на лестнице. Несколько раз порывалась спросить, что с ним, но рядом всегда кто-то был. Она ничего не понимала. Написать по электронной почте?

Однажды она написала ему, но Максим явно не из тех, кто предпочитает эпистолярный жанр. На ее пустячные вопросы он ответил при личной встрече. А эсэмэски Светка сама не любила.

Конечно, иногда они переписывались, но по большей части шутливо и по служебной необходимости. Что называется, ничего личного. По негласному уговору оба избегали малейшей личной окрашенности отношений, и неизвестно, кто из них больше в этом преуспел.

Прошла та кошмарная неделя. После выходных, проведенных Светой в нравственных терзаниях, она вошла в офис и первым делом пожелала выяснить, на каком мы нынче свете. Макса в отделе не было. Сердце начальницы перевернулось: неужели все, уволился? Она прошла в свой кабинетик со стеклянной перегородкой, включила компьютер, повесила пиджачок. И тут увидела через стекло, как он вошел в окружении хохочущих сотрудниц. Поглядывая в сторону начальницы с заговорщическим видом, они заняли свои места. Вот Макс позвал секретаршу Танечку, пошептался с ней, все так же поглядывая в сторону Светланы Петровны. Света не знала, радоваться ей или ревновать. Опустила жалюзи, чтобы не видеть всего этого безобразия, и села в кресло. Однако что-то явно произошло. Она почувствовала, что Максим снова с ней.

Минут через десять он зашел со служебным вопросом. Начальница говорила по телефону с генеральным директором и кокетничала напропалую. Погруженная в беседу, она не видела перед собой Максима, и вдруг ее словно ожгло. Светка перестала разливать колокольчиком и на миг умолкла, наткнувшись на тоскливо-страстный, незащитный взгляд молодого мужчины.

— Или я вообще ничего в жизни не понимаю? — комментировала она свой рассказ. — Но я же не слепая и не абсолютная идиотка! Или все же... Он мучается, понимаешь? Так же, как и я!

— Почему же тогда ничего не предпринимает? — опять задала Мордвинова давешний вопрос.

Колонна машин тронулась наконец, и Светка не сразу ответила:

— А как, Жень? Между нами непреодолимая пропасть: возраст, дистанция, положение, в конце концов! И он не уверен во мне, я ведь не подаю повода...

— Может, ему тогда и впрямь уволиться надо? — предположила Мордвинова.

— Да нет, уже не поможет... — безнадежно ответила подруга.

Они подъехали к огромному торговому комплексу. Поискали место для парковки. И пока шныряли по отделам, заполняли тележки продуктами, сверяясь со списком, к разговору не возвращались. Только когда перегрузили набитые пакеты в багажник машины и снова тронулись в путь, Светка произнесла:

— Уж и не знаю, надо ли мне самой дать ему понять о моих чувствах? Но я ведь тоже ни в чем не уверена! Да и абсурд все это, абсурд!

Женя усмехнулась:

— Вы как те мамонты, которые вымерли. Помнишь анекдот?

— Ну да...

Взглянув на поникшую подругу, Женя воскликнула:

— Но ведь так не может продолжаться вечно! Ты видишь, он уже устал, раздражен. Потом ты начнешь психовать. Любовь, знаешь ли, мстит, если ее убивают ни за что.

Она будто забыла о существовании естественного препятствия в виде Светкиного мужа Толика, за которого так переживала вначале.

— Ну, значит, так и надо, значит, мы недостойны этой любви... — смиренно вздохнула Светка.

— А по-моему, вы трусы оба! — заключила непримиримая Женя.

— Да если бы все было так просто, — задумчиво проговорила подруга. — Ты знаешь, я всегда пасую в таких ситуациях. Не умею расслабиться, комплекую. И он как-то обмолвился, что ему трудно расслабляться. Потому и медитацией занялся.

— Тогда напейтесь как-нибудь! — посоветовала Женя.

— Пробовала, не помогает. Я уж не знаю, до какой степени надо напиться... Нет, Женя, просто не суждено, не должно быть. Ты ведь знаешь, я мужу не изменяю. Пококетничать еще куда ни шло, но серьезный роман... — Она тоскливо вздохнула. — И возраст, такая разница огромная...

— Тогда отпусти молодца, не терзай, если видишь, что он страдает!

Светка молчала, глядя на дорогу и усиленно моргая. Потом проговорила с болью:

— Я пыталась. Сказала себе, что его нет для меня больше, прервала нашу невидимую связь. Мне сразу стало так плохо, так пусто, что жить расхотелось! А он это почувствовал: стал и звонить, и звать в курилку, и писал по несколько сообщений в день... И я не смогла... Пусть будет что будет.

— А если он женится? — привела Женя самый жестокий аргумент.

Светка сторбилась над рулем, как от удара.

— Конечно, я не умру, скорее всего... Я должна быть готова к такому исходу. — Она говорила с видимым усилием. — Но свет в моей душе погаснет. Я не знаю...

Слезы покатались по ее щекам, и Женя испугалась, что они сейчас врежутся в столб. Подругу было безумно жаль, и она уже раскаялась, что была так жестока. Пусть люди радуются тому, что есть сегодня. Зачем забегать вперед? Да и сколько нам осталось? Женский век, хоть и продлился в последнее время основательно, все же нещадно короток, ох, короток!

Женя боялась, что Светкина история закончится печально. А в их возрасте крах любви приводит к серьезным депрессиям, к неврозам и психушке. Сколько таких случаев приходилось наблюдать! Муж бросает, найдя молоденькую замену, жена — бряк, сидит на антидепрессантах. Бросил любовник одинокую женщину — она мгновенно превращается в больную старуху. Господи, как мы зависим от мужчин, сосуд немощный! Так пусть минует мою подругу чаша сия...

— Ты знаешь, что? — сказала Женя, когда они прибыли на Потылиху. — Когда вы расстанетесь: уволится он или женится, ты вспоминай, сколько он тебе радости подарил, какая ты была молодая, красивая, любимая! Вот эту, сию минуту вспоминай! Ведь это счастье, оно есть, так ведь?

Света благодарно посмотрела на подругу и кивнула. И больше они не заговаривали о Максиме.

Аня вышла из дома, чтобы помочь перетаскать пакеты наверх, и когда они выгрузили все из багажника, Светка собралась ехать. На возражения Жени ответила:

— Надо мчаться кормить благоверного.

Они попрощались до следующей okazji.

— Что это с ней? — спросила Аня. — Влюбилась, что ли?

Женя кивнула.

Весь вечер она жила каким-то тревожным ощущением. И дело было не в Светке. Просто ныло сердце то ли на погоду, то ли от дурного предчувствия. Капая сердечные капли под встревоженным взглядом дочери, она пошутила:

— Вредно не работать! Сразу расклеиваешься.

Собирая с сушилки высушенное белье, слушала новости из телевизора, и вдруг сильная боль ударила в ее хлипкое сердце. Женя услышала:

— Сегодня в одну из московских клиник был доставлен известный режиссер Виктор Туринский. Предварительный диагноз — обширный инфаркт.

Женя, схватившись за сердце, опустилась в кресло.

Глава 36

Предложение, от которого трудно отказаться

А не с утра было грустно и беспокойно. Перебирая костюмы на вешалках, помогая одевать актеров, того же Антона Васильева, она мысленно раскладывала по полочкам события последних дней. Что могло вызвать тревогу и грусть?

Конечно, в первую очередь, состояние Туринского. Узнав об инфаркте, Аня решила рассказать маме о встрече с ним на проходной «Мосфильма» и о разговоре за столиком буфета.

— Почему ты мне раньше не сказала? — ахнула Женя.

— Ну, прости, я дура: думала, так будет лучше! — каялась дочь. — Ты жаловалась, что он не дает тебе жить.

— Ну да... — Женя сидела бледная, обессиленная, и у Ани сердце дрогнуло от жалости. — Значит, он нас считал своей семьей, а ушел потому, что ему было слишком хорошо?

Она горько усмехнулась:

— Витька, Витька, что же ты наделал с собой?

— О чем ты? — встревожилась Аня.

— Да так! — Мама качнула головой. — Если человек всю жизнь лжет себе, это не проходит бесследно.

— Если бы я знала, что так будет... — начала Аня.

— Ты ни в чем не виновата, — остановила ее Женя. — Ну, рассказала бы мне раньше, что бы изменилось? Он ведь не разводится со своей Анжелочкой, а хочет и невинность соблюсти и капитал приобрести.

— Зря ты так про Виктора Алексеевича, — не согласилась Аня. — Он действительно тоскует по тебе, это же очевидно.

— Все пятнадцать лет? — усмехнулась Женя, но тотчас спохватилась. — Ой, и вправду, зря я так. За него молиться надо, а мы...

И все-таки что-то еще томило и угнетало Аню. Артем? Нет, она чувствует облегчение от того, что наконец вернула ему долг, пусть и с основательной задержкой. Они сидели в ресторане на Пречистенке. Ненашев пригласил Аню для «делового разговора», как он выразился. Она воспользовалась моментом и вручила ему деньги, которые задолжала в Италии. Раз уж «деловой» ужин. Заняв столик на открытой террасе, они с удовольствием озирали окрестности. Вид с крыши на город открывался просто фантастический. Храм Христа-Спасителя, Кремль... Аня засмотрелась, задумчиво куря сигарету. Артем вывел ее

из оцепенения:

— Аня... — он замолчал, а глаза его излучали зеленый свет.

Что это было? Она так и не научилась понимать его, так и не смогла читать его по глазам. Чужой. Рядом с Артемом она чувствовала себя пожилой усталой матроной, хотя моложе его на несколько лет. Всегда ровное, хорошее настроение, брызжущий оптимизм, какая-то щенячья подвижность. Так я и не разгадала загадку его глаз. А может, и не хотела? Я ведь не нужна ему, по большому счету, он абсолютно самодостаточен. Все время его распланировано далеко вперед и занято работой. Он с головой погружен в кинопроцесс и только в свободные минуты вспоминает обо мне. Он неделями может ждать встречи, а если я занята, то и больше...

— Аня, хочешь поехать со мной в Париж? В ноябре? — снова заговорил Ненашев. Это, собственно, и было его деловое предложение.

К ноябрю съемки сериала закончатся, подумала Аня. А кто же не хочет в Париж? Конечно, она мечтала о Париже, как всякий художник. Но... Она вспомнила Италию и непроходимую тоску от постоянного насилия над собой. Артем нравился, но он был чужой. И я с ним не я, а вредная старая гримза. Ненавижу себя такой...

— Я подумаю, Артем, — не сразу ответила она.

— Но думай быстрее, — предупредил он. — Не меньше чем за месяц надо подать документы.

Аня кивнула и отпила вина. Ей не нужно было думать. Я не поеду с ним, пусть лишусь Парижа, но не хочу больше так. Удивительный человек! Его не обескураживают мои отказы и даже не обижают, кажется.

Деньги он взял без всякого стеснения. Конечно, за полгода он ни разу не напомнил о долге, но когда Аня вернула деньги, он принял без сомнений...

— Ы-ы-ы! — Васильев вернулся с площадки, потный, несчастный, сунулся Ане в плечо, но она отстранилась, насилу удержавшись от брезгливой гримасы. — А-ань, выходи за меня замуж, а?

— Антон, успокойся, это у тебя стресс: тяжелая сцена, страшная, — машинально уговаривала его Аня, а сама силилась понять, что же все-таки беспокоит ее.

Васильев переделался, отправился к буфету расслабляться. Ренат все же застукал его однажды за курением травки и под угрозой увольнения поставил ультиматум: будет «дуть» — вылетает из проекта. На этот раз актер внял и теперь спасался в буфете.

Ренат все больше нравился Ане. Он, конечно, страшный ругатель, постоянно орет, легко увольняет проштрафившихся (режиссера, кстати, тоже прогнал, сам взялся снимать), но дело горит в его руках. Он профессионал высокого класса, знает о кино абсолютно все, попробовал себя во всех ипостасях: каскадером, постановцом, актером, режиссером. Начинал с самых азов, работал с мастерами, учился всему на практике, так как образование у него совсем не киношное. И чувством юмора не обделен.

Вчера, к примеру. В кадре — кипящий кулер. Ренат дает команду:

— Грим-костюм поправили!

Конечно, костюмеры и гримеры вскинулись, поспешили исполнить, и не сразу дошло: кому поправлять, кулеру? Это Ренат так шутит.

— Ань, смотри, что пишут! — Костюмер Оля сидела на диванчике с журна-

лом и пила кофе. — «Для того чтобы хорошо выглядеть, женщина должна есть следующие продукты: квашеную капусту, авокадо, киви, шампиньоны, твердый сыр, устрицы, пшено и грецкие орехи». Это что, все полезно?

— А ты не знала? — без интереса спросила Аня. — Тоже мне, бином Ньютона!

— А я ем все это, ну, кроме устриц, конечно, но что-то не вижу особых изменений, — наивно рассуждала Оля.

— Так ты, наверное, еще и сладкое любишь, и колбаску, и пирожки?

— Ну да, как все.

Аня усмехнулась:

— А попробуй только продуктами из этого списка питаться, вот тогда и посмотрим.

— Да ты что! — возмутилась Оля. — Я же ноги протяну. — И она аппетитно захрустела вафелькой.

Аня налила себе кофе и вышла покурить. Стоя на балкончике костюмвагена, она вдруг почувствовала одиночество и неприкаянность. У меня нет подруг, никого кроме мамы. Была бабушка, давно уже. Бывают приятельницы, с которыми перестаю общаться, как только заканчивается проект. Были одноклассницы, однокурсницы из колледжа, но с ними тоже связь давно прервалась из-за полного несовпадения жизненных целей и ритмов. Без подруги плохо. Да и вообще вся моя жизнь — сплошная суета, как на вокзале или в дороге. Никаких привязанностей, все временно. Работа, работа, работа и больше ничего... Разве в этом смысл моей жизни? Я даже рисовать не успеваю. Сценарий забросила, а его надо доделывать. Серию кукол задумала, на них тоже времени нет.

В небе стояла луна, как огромный фонарь, и освещала парк. На земле лежали четкие тени, небо яркое, звездное — невиданное для города зрелище. Начало сентября, уже чувствовалось дыхание осени...

Я не поеду в Париж. Нет, надеюсь, что когда-нибудь там побываю, но не теперь, не с Артемом. Я больше не хочу себя презирать. Отчего так все складывается? Я не могу быть с тем, с кем хочу. Он уехал и не звонит, и больше не позвонит, наверное. И я тоже не буду звонить, я устала. Мне надоело навязываться, предлагать себя, как залежалый товар. Прости, Тим, я больше не могу.

Аня почувствовала отчаяние. Едва она мысленно простилась с Тимофеем, как тотчас окунулась в ледяной холод дикого одиночества. Присутствие Артема ничего не меняло, она не становилась менее одинокой. Ее единственный мужчина, только он может спасти от холода, отогреть ее.

Почему же так болит душа, так беспокоит сердце? Не случилось ли чего с Тимом?

Глава 37

Граф Монте-Кристо

Звонить было бесполезно, телефон не отвечал. Мордвинова пропахала интернет в поисках хоть какой-то информации о Туринском. Все впустую. Звонила старым знакомым Мироновым, которые перед юбилеем дали его телефон. Они оказались за границей и знали не больше Жени. Одно утешало: отсутствие сведений — это хороший знак. Случись что непоправимое, везде бы уже раструбили об этом: и в интернете, и по радио, и по телевизору.

Однако Мордвинова сходила с ума от бессилия, и теперь уже долгожданный выходной не радовал. Аня настаивала на отдыхе, испугавшись за маму и ее сердце.

— Тебе надо дома посидеть, — наставляла она. — Закончится проект — не хвататься за новую работу, отдохни. С голоду не умрем.

— Ну да, — возражала Мордвинова, — сидя дома, я совсем раскисну.

Оставалось всего две смены на этом проекте, и Женя была в растерянности. Она так ничего и не узнала о Туринском и не ответила на два предложения. Марина, ассистент с «Жуковского», звала на полный метр. Второй вариант казался сомнительным: «мыло» серий на двести с гаком, работа на заводе в одних и тех же декорациях или «сэтах», как их там называют. На таких проектах никто не выдерживает весь срок, разве что люди, любящие постоянство.

Женя подумала о фильме, который мечтал снять Туринский. Чем я могу ему помочь? Я уже все забыла, растеряла... Однако если бы он захотел, по-настоящему захотел от меня помощи, я бы все вспомнила и многому еще научилась.

На площадку привезли кинокорм, и Женя отпустила второго костюмера Наташу пообедать. Перерыва не объявляли, спешили снимать, поэтому кто когда мог, тогда и подкреплялся. Конечно, есть приходилось по большей части все остывшее, но что делать? Снимали натуру в одном из старых дворишков, которых почти не осталось в Москве. Чахлые деревца уже отчасти пожелтели, на рябине краснели грозди ягод. Вот и лето пролетело незаметно...

Мордвинова следила за площадкой и успевала смотреть по сторонам. Сначала репетировали, потом снимали. Женя подошла к режиссеру, сидевшему у плейбека, посмотреть, что получается. Режиссер давал указания помощникам и успевал перебрасываться замечаниями с линейным продюсером.

— О, молодчина! — оценивал он игру известного актера Валуева — блестящего профессионала. — Ему и говорить ничего не надо, все сделает сам и как надо. А эта!

Он хватался за голову, когда доходила очередь до жены генерального продюсера Эвелины Рутковской. Она была откровенно бездарна даже на самый непритязательный взгляд.

— Где их учат? — стонал режиссер. — Надоела, уродина!

Однако в рацию говорил спокойно и доброжелательно:

— Отлично, молодец. А теперь пройдишь с улыбкой: ты счастлива! — И тут же бросал на ухо удивленному собеседнику: — Это мы вырежем.

В кармане жилетки Мордвиновой завибрировал телефон (звук она отключила). Женя поманила освободившуюся Наташу, велела последить, сама ото-

шла в сторонку и вынула телефон. Взглянув на дисплей, чуть не выронила мобильник из рук: звонил Туринский.

— Витька! — заорала она в трубку.

Режиссер недовольно оглянулся, и Мордвинова снизила тон:

— Где ты? Как ты? Я так волновалась!

— Врешь, небось? — ответил Туринский, и Женя счастливо рассмеялась. — Да ничего, немного подлечили, и я просто огурец. Надоело здесь до смерти.

— Нет, Вить, ты не торопись. С сердцем не шутят. Что говорят врачи? — волновалась Мордвинова.

— Да брось, Женька, о чем мы? Слушай сюда. Ты сейчас могла бы приехать ко мне?

Не раздумывая, Женя выпалила:

— Говори, куда!

Не имея возможности записать, она старательно запоминала адрес клиники.

— А палата? Номер какой?

— Не надо в палату, — ответил больной, и Женя почувствовала подвох.

— Как же я тебя найду? — удивилась она.

— Набери мой номер, когда будешь возле больницы. Ну все, жду!

Мордвинова заметалась. До конца смены оставалось без малого пять часов. Что делать? Она бросилась к ассистенту, так, мол, и так. Ее отпустили.

Женя понеслась к метро, по дороге решая, надо ли заезжать домой, чтобы переодеться. Ах, балда, забыла спросить, что ему нужно привезти. На ходу набрала номер Туринского, но он уже не ответил. Женя прибавила ходу. Возле метро заскочила в магазинчик, купила фруктов, ореховой смеси, кураги и чернослива. Ехала в метро и оглядывала себя в темном окне. Надо же, столько не виделась, а я явлюсь сейчас к нему такой лахудрой в неизменной стеганой жилетке, в джинсах, опять с хвостиком вместо шикарного каре. Ну что ж, хорошо, еще с утра тщательно подкрасилась: теперь она это делала всякий день.

Пока искала клинику, которая располагалась в восьми автобусных остановках от станции метро, сто раз пожалела, что не поймала такси. Боялась в пробках застрять, а все равно получилось долго. Не зная приемных часов, Женя волновалась, что опоздает и ее не пустят.

Территория кардиологического центра оказалась весьма внушительной. Мордвинова еще потеряла время в поисках второго отделения. И вот когда она уже стояла у нужных дверей и достала телефон, он зазвонил в ее руках.

— Ну что? — спросил нетерпеливо Туринский. — Ты где?

— На месте. Дальше куда?

— Зайди за угол, там еще примыкает строение, буквой Т. Увидела? Теперь отсчитай пять окон слева направо и посмотри на второй этаж.

Женя сделала все, как он велел. Она зашла за угол, где не было ни души, подняла глаза и увидела режиссера в окне второго этажа с телефоном возле уха.

— Стой там! — велел он и отключился.

Одно из окон второго этажа распахнулось, в нем показался Виктор Алексеевич. Он вдруг бросил вниз нечто вроде толстого длинного каната, закрепленного наверху, и крикнул:

— Придержи, чтобы не болталось.

Женя онемела от удивления, не веря своим глазам. Она послушно ухватилась за странную веревку и поняла, что это постельное белье, скрученное жгутом и связанное между собой. Ничего не понимая, она смотрела с замиранием сердца, как именитый режиссер вылезает в окно, хватается за сплетенную из простыней веревку и медленно спускается вниз. Когда он, покрасневший от напряжения и немного задыхающийся, ступил на землю, Женя выдохнула с облегчением и наконец выговорила:

— Нет, ты совсем больной!

— А то бы я тут сидел! — невозмутимо ответил Туринский и хулигански подмигнул ей.

— Тебя что, насильно держали? — не унималась Мордвинова. — Ты понимаешь, что с твоим сердцем опасны такие штучки?

Из-за угла показались какие-то люди.

— Женька, давай двигай за мной! — он дернул ее за рукав и потащил за собой к зеленым насаждениям, окружавшим кардиологический центр со всех сторон. Пока они пробирались по колючим кустам к лазу в заборе, Женя отчитывала беглеца:

— Ты хоть понимаешь, что делаешь, а? Ты же после инфаркта, тебе любое физическое напряжение противопоказано, потому что смертельно опасно!

— Жить вообще опасно, — ответил Туринский, деловито высовывая свой внушительный нос из лаза и оглядываясь по сторонам.

Одет он был вполне цивилизовано: в легкие льняные брюки и серую футболку, на ногах сандалии. Разве что легковато для начала сентября, но в глаза это не бросалось. Худощавый режиссер без труда просочился в дыру, а вот Мордвиновой пришлось попотеть, прежде чем она оказалась по ту сторону забора, на тротуаре.

— Ну, Женька, раздобрела на покое! Но ничего, я тебя теперь погоняю, — посмеивался Туринский, глядя, как она поправляет одежду и волосы.

— Еще издеваешься, граф Монте-Кристо хренов, — огрызнулась Женя. — У меня жилетка толстая.

— Жилетка! — фыркнул режиссер и направился к проезжей части.

Он поднял руку, останавливая машину. Попался частник, плохо говорящий по-русски.

— Прости, брат, — сказал Туринский. — Тебе не подойдет наш маршрут, заблудишься.

Таксист пожал плечами и отъехал. Еще две машины пропустил Виктор Алексеевич, прежде чем скомандовал своей спутнице:

— Садись!

Мордвинова послушно забралась на заднее сиденье, с наслаждением откинулась на спинку и закрыла глаза. Устала. Она не разобрала, что сказал водителю Туринский. Машина тронулась, и Женя внезапно провалилась в сон: сказался хронический недосып последней рабочей недели. Проснулась также внезапно, когда они остановились, и Виктор сказал:

— Вылезай, приехали!

Спрятав бумажник в карман, он открыт перед ней дверцу. Женя с трудом выбралась из машины: ноги затекли от неудобного положения, пока она спала. Такси тотчас отъехало. Мордвинова огляделась по сторонам. С одной стороны стеной стоял лес, с другой — вдали виднелись редкие строения, тяну-

лись заборы. Женя удивленно спросила:

— Мы где?

— В писательском поселке Шишкино, под Москвой, — ответил Туринский и направился к воротам усадьбы, утопающей в зелени.

Женя шла за ним и растерянно бормотала:

— Мне же на работу надо...

— Какая работа, Женя? — обернулся Туринский. — Ты же не бросишь больного человека одного на даче!

В глазах его прыгали лукавые чертики. Мордвинова хотела было возмутиться, но воздух усадьбы был так упоителен, тишина так благотворна, что уже не хотелось ничего говорить. Они шли к дому по песчаной дорожке.

Дом был двухэтажный, старый, еще тридцатых годов прошлого века, но в отличном состоянии. Определенно ремонтировался недавно. Женя могла только мечтать о такой даче. Старые липы подступали к самому крыльцу, на участке росли огромные сосны, дом окружала застекленная терраса. Туринский пошарил в щели под крыльцом и достал ключи.

— Чья это дача? — полюбопытствовала Женя.

— Моя, — хвастливо ответил режиссер. — Досталась по наследству от хорошего писателя и отличного мужика... Царствие ему небесное.

Виктор занялся замком и, повозившись, открыл дверь.

— Прошу! — шутливо поклонился он.

В доме пахло деревом, сухими цветами и пылью. Туринский повел Женю по комнатам. На первом этаже располагались кухня, гостиная с камином, кладовые, туалет, веранда. На втором — две спальни, ванная, еще один туалет, кабинет с балкончиком. Виктор Алексеевич попутно рассказал, какие он сам внес улучшения, поменяв всю сантехнику, отопительную систему, кухню. Остальное старался не трогать, только ремонт-реконструкция.

— Здесь и зимой можно жить! — гордился Туринский. — И что самое важное: никто не знает об этой даче. Я приезжаю сюда работать и отсиживаться в одиночестве.

— Догадываюсь, как ты отсиживаешься тут! — не поверила Женя.

— Ей-богу. Женька! Никаких женщин, ты здесь первая! — Он смотрел такими честными глазами, что она поверила.

— Поселок охраняется, — продолжал режиссер. — Раньше зимой постоянно сюда лазили бомжи, местные. Все тащили, а больше гадили. Теперь надежная охрана. Впрочем, моя дача ни разу не пострадала: Борисыч, писатель, жил здесь круглый год.

Женя улыбнулась: сейчас Туринский был так похож на расхваставшегося мальчишку!

— Выбирай себе комнату, располагайся, а я пока пошарю на кухне: жрать хочется! Что там у тебя в пакете?

— Витька, мне же завтра к восьми на работу! Две смены осталось... — растерянно твердила Женя.

— Ничего не знаю! — спускаясь по лестнице, ответил хозяин.

— Интересное кино! — пробормотала Мордвинова и открыла дверь одной из спален.

Тут все было просто: удобная кровать с пружинным матрасом, тумбочка, зеркало, шкафчик для одежды, полки с книгами. Она заметила, что книг вооб-

ще много в доме. Еще картины. Книги занимали стену в гостиной, а в кабинете Туринского стоял огромный книжный шкаф, битком набитый фолиантами. В обществе книг ей всегда было уютнее. Разглядывая корешки на полке, Женя почувствовала вибрацию телефона в кармане жилетки. Это Аня.

— Мам, ты еще не освободилась? Я сегодня пораньше закончила, думала, в магазинчик один, секунд, тебя свозить...

Женя набрала побольше воздуха в легкие и — как будто нырнула:

— Ань, у меня к тебе просьба. Ты не можешь найти мне подмену на две смены?

— Что случилось? Тебе плохо, что-то с сердцем? — испугалась дочь.

— Нет-нет! — поспешила успокоить ее Женя. — Просто я сейчас не в Москве и пока не знаю, когда вернусь. Осталось всего две смены... Ты сама говорила, что мне отдохнуть надо...

— А где ты? — удивилась Аня.

— На даче, в писательском поселке Шишкино. Здесь так хорошо, Ань! А сентябрь будет просто рай. Ты же знаешь, как я люблю эту пору...

— Ты у Светки? — недоумевала дочь. — Хотя не помню, чтобы у нее была дача в писательском поселке...

— Нет, у Туринского, только это большой секрет. Он прячется здесь, и я думаю, для здоровья ему полезно пожить подольше за городом.

Мордвинова тараторила и при этом испытывала чувство вины перед дочерью.

— Ну вы даете! — только и сказала Аня. — Ладно, потом расскажешь. А костюмера я тебе найду.

— Спасибо. Пусть мне позвонят, и я направлю.

Женя присела на кровать, дивясь самой себе. Значит, все решила? А Анжелочка? Нет, дорогой граф Монте-Кристо, я, конечно, побуду здесь в качестве сиделки, но не рассчитывайте на большее!

— Женька, иди есть! — донеслось снизу, и ей захотелось плакать.

Глава 38

Признание

Под утро стало совсем холодно и страшно хотелось спать. Едва дотянув до конца смены, Аня поехала домой, засыпая в метро и в автобусе. Дома приняла душ, свалилась в кровать как подкошенная и тотчас уснула. Спала без сновидений, глубоко, ни разу не поменяв положение тела. Проснулась как от толчка и, едва себя осознала, опять почувствовала беспокойство, которое не оставляло ее в последние дни.

Что-то должно произойти? Я с кем-то договорилась о встрече? Должна звонить кому-то, дать ответ? Что-то решить или, наоборот, с кем-то посоветоваться? Сделать важное дело?

Она пошлепала на кухню, всыпала кофе в кофеварку, набрала воды, включила вариться. Прикурив сигарету, забралась с ногами на диванчик. Было уже два часа дня. Хорошо, что сегодня им дали отсыпной, на смену только завтра в шесть вечера. И опять не знаешь, как распорядиться этим временем, а столько всего надо и хочется!

Аня налила в чашку готового кофе, разбавила молоком из пакета, взяла с подоконника книжку, раскрыла ее и попыталась сосредоточиться на сюжете. Не читалось. Мешало то самое чувство, будто она забыла что-то важное или должна что-то сделать. Аня еще раз попыталась проанализировать свои ощущения и не нашла причин для беспокойства.

Отгнав от себя сомнения, она приняла душ, оделась и вышла в магазин. С удовольствием прошлась не спеша по узкой дорожке между домами. Выбирая в магазине овощи, фрукты, крупы, усмехнулась, вспомнив список из журнала Оли-костюмера. Аня вовсе не была сторонницей здорового питания. Проходя по винному ряду, она натолкнулась на любимый кагор и зачем-то поставила бутылку в корзину. Точно так же, бессознательно, отправила туда помело, любимый фрукт Тима. «Поминки по любви?» — горько усмехнулась про себя.

Вернувшись домой, включила компьютер, чтобы закончить смету на новый съемочный блок. С улыбкой вспомнила, как Ренат сказал вчера линейному продюсеру:

— Костюмеры у нас работают лучше всех!

Его похвала дорогого стоила: он редко когда одобрительно отзывался о работе группы.

Пальцы Ани вдруг сами побежали по клавиатуре, открывая почту. В каком-то вдохновенном порыве она начала писать письмо Тимофею. И опять: ни слова упрека, ни намек на последний скандал, только впечатления и открытия последних двух месяцев, которые они провели в разлуке. Два месяца Аня ничего не знала о нем. Не знала и теперь, где он и что он.

Перечитав написанное, она задумалась. Надо ли отправлять? Опять я себя навязываю, зачем? Разумно ли напоминать о себе? Впрочем, письмо это ни к чему не обязывает. Она нажала «отправить», подождала немного, раздумывая. Да, там были непрочитанные письма, спам. Чтобы удалить лишнее, Аня снова открыла «входящие» и вздрогнула. Пришел ответ от Тима! Сердце ее бешено стучало, когда она открывала письмо. В нем была всего одна фраза: «Могу ли я тебя увидеть сегодня?» В ответ она написала: «Да».

И тотчас зазвонил мобильник. Это он! Аня и не глядя знала, что звонит Тим. Опять мелькнула предательская мысль: а не напиши я письма, увиделись бы мы еще когда-нибудь?

— Да? — сказала она в трубку.

— Здравствуй, Аня.

— Здравствуй...

— Я только что прилетел в Москву, открыл почту, и тут твое письмо. Знаешь, я даже еще не прочитал его, но сейчас прочту.

Аня неожиданно для себя предложила:

— Приезжай ко мне, я одна.

— А мама?

— Она сейчас на даче живет.

— Я приеду.

Аня кинулась на кухню. Идти снова в магазин? Ведь нужно приготовить ужин, а дома ничего существенного нет. Пошарив в холодильнике и заглянув в морозилку, Аня взялась вдохновенно сочинять ужин. Она любила экспериментировать, пробовать разные вкусы, сочетания. Найдя в холодильнике курицу, разморозила ее в микроволновке, разделала на мелкие кусочки. Порезала апельсины, перемешала с курицей, добавила специй и сунула все это в духовку. Занявшись делом, она спаслась от напряженного ожидания и безумного волнения. Теперь нужно было привести себя в порядок. Убавив огонь в духовке, Аня ушла в ванную.

К тому моменту, когда раздался звонок домофона, она уже была во всеоружии. Домашнее платье изумрудного цвета, бирюзовые украшения: серьги, браслет, бусы. Волосы в художественном беспорядке, взбиты при помощи пенки и каштановым ореолом обрамляют лицо.

Аня открыла дверь, и ноги ее подкосились. На пороге стоял Тим, потрясающе красивый, в светлой ветровке и светлых брюках. Золотисто-коричневая кожа, синие-синие глаза, губы алые, яркие.

— Проходи, — насилу выговорила она.

Он тоже волновался, руки его дрожали, когда он расстегивал ветровку. Аня предложила Тиму помыть руки, и пока он умывался, разложила по большим тарелкам курицу и овощи. Сверху украсила зеленью, расставила тарелки на кухонном столе, сервированном на две персоны.

Они ели, пили вино, смотрели друг на друга и говорили. Безумное волнение сменилось теплой радостью, нежным ликованием. Аня видела свое отражение в глазах Тима и понимала, что это единственные глаза, в которых она хотела бы отражаться всегда.

Тим рассказывал о съемках на Мальте, о фильме, о новых предложениях. После ужина они, захватив фрукты и вино, перебрались в комнату Ани, к компьютеру. Тим показывал фотографии с флешки, которую принес с собой. Они не досмотрели их, охваченные обоюдным желанием раствориться друг в друге.

...Он соскучился, истосковался, как и я, я это чувствую, это нельзя не распознать...

— Скажи, почему ты меня так мучаешь? — она не хотела, вопрос естественно сорвался с языка, когда все стало хорошо и просто, когда она свернулась в его объятьях, как в колыбели.

Тим молчал, нежно целуя ее в затылок.

— Почему я вынуждена всегда бежать за тобой, цепляться, вешаться, чтобы ты меня не бросил по дороге?

— Это не так, — глухо ответил он.

— Я не нужна тебе? — голос ее начинал предательски дрожать.

— Нужна, конечно же, нужна.

— Тогда почему, Тим, почему?..

Он молчал, тяжело вздыхая. Аня высвободилась из его сильных мускулистых рук и села, завернувшись в покрывало. Тим потянулся к пачке сигарет и предложил сигарету Ане. Они закурили в молчании. Опять повеяло холодом и пустотой. Если он сейчас ничего не скажет, значит, все, конец.

— Я всегда считал, что мужчина не должен проявлять слабость, не должен перед женщиной обнаруживать свои болезни и другие несовершенства. Но, видно, мне придется тебе все рассказать, чтобы ты не придумывала всякой чепухи.

Аня не видела его лица, только чувствовала, как Тим напрягся и собрался весь. Она похолодела, ожидая какого-то страшного признания. Какого? Ну не убил же он человека? Или женат? Да плевать!

— Аня, я не могу брать на себя серьезных обязательств. Я не могу ничего гарантировать тебе. Как говорит герой одного американского сериала, я не имею права красть твой детородный возраст. — Тим замолчал на минуту, и Аня думала, что не вынесет этой зловещей тишины и закричит что есть силы. — У меня в голове уже давно обнаружена опухоль, из-за которой часто бывают сильнейшие головные боли. Видимо, сказались «проклятые девяностые». Никто не может мне сказать, отчего это и чего мне ждать в будущем. Бывает, я по несколько дней мучаюсь приступами, никакие таблетки не помогают. Ты понимаешь, я живу только нынешним днем. У меня есть только «сегодня», «сейчас»...

Аня слушала и физически ощущала его боль.

— Почему же ты раньше не сказал? — прошептала она.

— Не хотел взваливать на тебя еще и это. Не хотел, чтобы ты воспринимала меня как инвалида: во всем остальном я вполне нормален.

Он усмехнулся, а она припала вдруг к его обнаженной груди и сильно прижалась.

— Но ведь нужно что-то делать, искать врачей, обследоваться, — бормотала она, силясь не плакать.

Тим пожал плечами:

— Все что нужно, уже сделано. С этим можно жить долго, а можно мгновенно уйти.

Аня вздрогнула и сильнее прижалась к нему.

— Ничего нельзя предугадать, — продолжил Тим, нежно глядя ее по волосам. — Теперь ты понимаешь, почему я не хотел втягивать тебя в свою жизнь.

— Нет, ты невыносим! — со слезами на глазах воскликнула Аня. — Будто это может что-то изменить!

— Я думал, может. Но видишь, я сам оказался недостаточно тверд в своем решении... — Тим крепко обнял Аню и прижал к себе. — Я так устал без тебя...

— Как ты меня измучил! — плакала Аня. — Неужели ты мне совсем не доверяешь?

Он не ответил, целуя ее шею. Аня гладила его руки, чувствуя под ладонью гладкую, как у девушки, кожу, любовалась его красотой и целовала сильную грудь. Возможно ли, что за этой прекрасной оболочкой скрывается страшный недуг, готовый поразить в любую минуту? И что же делать теперь, что делать? Она в страхе прижалась к спасительной груди Тима и закрыла глаза, чтобы остановить льющиеся слезы.

ЧАСТЬ 4 НАКАНУНЕ РОЖДЕСТВА

Глава 39 Еще один граф

— Знаешь, почему они всего боятся? — рассуждал Туринский, сидя на веранде за ноутбуком и попивая крепкий чай с лимоном. — Потому что в Бога не веруют!

Женя рядом за столом чистила грибы, собранные в лесу во время утренней прогулки. Они говорили о современном поколении, которое боится болезней, старости, безобразия, несоответствия новому внешнему идеалу, всего. Они не уверены в завтрашнем дне и страшно одиноки, при этом последовательно отстаивают свою независимость, свободу от всяких обязательств.

— А ты веришь? — спросила Мордвинова без усмешки.

Туринский задумался, потом ответил:

— Ну, по молодости-то, ты знаешь, каким скептиком был. Потом жил не задумываясь, не было времени прислушаться к внутреннему голосу. А тут вот собрался помирать, и будто что-то открылось... Нет, не получается говорить об этом!

Женю опять больно кольнуло напоминание о его болезни.

— Страшно было? — спросила она тихо.

— Ничуть! Физиологический страх не имеет ничего общего с человеческим. Я был спокоен, будто все так и должно быть... Но, видно, рано. — Он озорно подмигнул Жене: — Надо нам с тобой, Женька, успеть кино настоящее сделать!

Все-таки Витька втянул ее в эту авантюру. В первый же день привел в свой кабинет, усадил в кресло перед старинным письменным столом, обтянутым зеленым сукном, раскрыл перед ней ноутбук.

— Будем писать сценарий!

— Да ты что, Туринский, какой сценарий? Я не умею и все забыла! — возмутилась было Женя, но тот ее не слушал.

— Лучше спроси, о чем, — лукаво щурясь, сказал он.

— О чем? — послушно повторила она.

— Ты знаешь, сейчас мода на байопики... — начал Туринский.

— На бай... что? — ерничала Мордвинова.

— Ну, на биографии известных людей. Я думал о классике по твоему совету, почитывал кое-что и знаешь кем увлекся? Ни за что не догадаешься!

— Ну? — спросила Женя, внимательно его слушая.

Туринский разволновался, заметался по кабинету, а она подумала, что ему нельзя так волноваться.

— Поспокойнее, Вить. Так кем увлекся?

— Алексеем Толстым!

Мордвинова не удержалась от разочарованного взгласа:

— «Красным графом»?

— Да нет, — остановился Туринский. — Константиновичем. О нем хочу снять фильм.

Он выжидающе помолчал, наблюдая за ее реакцией. Женя переваривала услышанное. Туринский опять взволновался.

— Я почитал о нем — уже после того, как пропахал его наследие — и, веришь, с такой трагедией столкнулся!

— Вот удивил! — рассмеялась Женя. — У нас что ни писатель, то трагедия.

Туринский обиделся:

— Ну, вот ты что знаешь о нем?

Женя пожалала плечами:

— В общих чертах. Козьма Прутков, «Колокольчики мои», «Князь Серебряный». Да, еще вурдалаки всякие, ужастики.

Виктор Алексеевич подошел к шкафу, вынул из него внушительную стопку книг и сунул их Жене:

— Вот, изучай. Уверен, поймешь меня. Еще в интернете пошарь.

— Здесь есть интернет? — удивилась Мордвинова.

— Спрашиваешь! Поселок-то писательский, забыла?

Неожиданно для себя Женя с головой погрузилась в изучение биографии Алексея Константиновича и действительно открыла для себя трагедию гения. Драма в семейной жизни, неизлечимая болезнь, морфий... Одиночество и беззащитность гения, злая воля добродетельной супруги, страшная ошибка, стоившая ему жизни...

Они много говорили с Туринским, и постепенно вызревал сюжет сценария. Режиссера интересовал прежде всего такой аспект: гений и брак, гений и его востребованность, гений и его время.

— Понимаешь, — говорил он вечером у костра, когда они сидели, обнявшись, и смотрели на огонь, — гениев рождается в разы больше, чем требуется человечеству. А что делать тем, которые не занудобились? Которые даже не знают, что они гении? Так всю жизнь и мучаются: тоскуют, спиваются. Незавидная судьба...

Жене нравилось сидеть и у костра, и в его кабинете, читать, разглядывать полки с дисками и множеством видеокассет. Туринский признался, что рука не поднимается выбрасывать устаревшие носители. Оправдывался тем, что некоторые фильмы трудно найти даже в интернете, не то что на дисках. Так и хранятся на полках кабинета горы тяжеловесных кассет. Кажется, весь мировой кинематограф был представлен здесь. В гостиной имелся и DVD-плеер с огромным плоским экраном телевизора на всю стену и старенький видеомониторфон.

После насыщенного трудового дня они устраивались на диване в гостиной и смотрели кино по рекомендации Туринского. Горел камин, согревая осенний воздух и сообщая дому особый уют и покой. Я теперь знаю, что такое рай, думала Женя. Это когда ты рядом. И именно здесь, в этом старом доме, возле камин, в окружении фильмов и книг... Нет прошлого, нет будущего, есть только сейчас и сегодня, ты и я...

Они много гуляли. Мордвинова настаивала на этом: свежий воздух необходим для укрепления здоровья режиссера. Да и сама она чувствовала себя намного лучше, чем в городе. Сердце перестало болеть, пропали отеки под глазами, лицо посвежелело, глаза прояснились.

Работали они тоже много. Писали, читали, спорили, что-то переписывали, меняли, ругались. Места в доме было много, и каждый мог уединиться сколь-

ко угодно. Бывали дни, когда они предпочитали тишину и одиночество, но чаще их влекло друг к другу, чтобы поделиться новой мыслью, новой идеей или удачным сюжетным ходом. Сценарий рождался не в муках, а в согласном труде.

Женя перелопатила гору литературы, чтобы погрузиться в материал. У нее, конечно, сложилось свое видение Алексея Константиновича. Она как-то сразу невзлюбила его жену, Софью Андреевну. Блестящий офицер, друг детства царя Александра II, талантливейший поэт, воспевавший Россию, любивший ее историю, Толстой с младенчества был окружен лучшими людьми страны. Дядя, писатель Погорельский, именно для него написал свою известную сказку «Черная Курица, или Подземные жители». Его рисовал Брюллов. Граф Толстой по отцу, по матери он был внуком знаменитого графа Разумовского, в жилах которого текла царская кровь. Умнейший писатель, историк, драматург, светский баловень и жуир. И вот некая дама в маске «среди шумного бала» зачаровывает его. Замужняя, некрасивая, расчетливая, умеющая ждать.

Женя считала, что Софья Бахметева-Миллер сыграла роковую роль в жизни писателя. Связав свою судьбу с этой дамой, он заработал хроническую болезнь, которая и свела его в могилу. Головные боли, астматические приступы гасились морфием. И таинственна его смерть. Похожа на самоубийство или убийство.

— Что ты мне детектив сочиняешь? — ругался Туринский.

Тут возникали споры. Туринский не видел в семейной истории писателя ничего инфернального.

— А зачем эта дамочка уничтожила все письма, бесценнейшие дневники, рукописи? — горячилась Мордвинова. — Следы заметала, вот что!

— Ну, ты махнула! Рукописи-то уничтожить ей не было никакого резона. Это ведь неплохой доходец.

— Уничтожила, я уверена в этом! — входила Женя в раж. — Она целенаправленно истребляла всякую память о Толстом! Где ты видел жену гения, которая выбрасывает вещи покойного мужа, раздает предметы обихода, связанные с ним? Нет, не понимаю!

— Ты, главное, мои подштанники не забудь под стекло убрать, когда я помру, — издевался Туринский. Женя плевалась, и спор на этом прекращался.

Быт отодвинулся на задний план, не отнимая много времени. Продукты они заказывали в поселковом магазинчике. Там прекрасно знали Туринского, поставляли все свежее, беря за доставку ничтожные деньги. Готовили по настроению, это вполне устраивало Женю. Она любила стряпню Туринского, готовка доставляла ему удовольствие, тоже своего рода терапия. Устраивали маленькие пирушки и пикники у костра, без шашлыка, конечно, но все равно неплохо.

Она один раз только и выбралась с дачи, чтобы взять из дома нужные вещи: одежду, обувь по сезону, все необходимое. Ани не было дома, и Женя отчаянно загрустила, думая об одинокой дочери. Ну почему она не выходит замуж? Я же буду все время помнить о ней в своем раю, бедная моя девочка...

Вот и сегодня опять заговорили о том, что молодые теперь живут для себя и не хотят отягощать свою жизнь семейными узами и обязательствами. Как-то невзначай помянули Анжелочку.

— Вот что я не понимаю, Витька: ты же с ней жил, спал столько лет, любил

же, наверное? — допрашивала Женя. — Как же мог вот так легко взять и выбросить ее из жизни?

На лице Туринского тотчас появилось несчастное выражение.

— Не знаю. Понимаешь, когда меня шарахнуло, я лежал в этой долбаной больнице и думал: сколько мне еще осталось? Анжела переживет, снова выйдет замуж, а я ничего так и не сделаю, а главное, не проживу так, как хочется! И так все ясно стало, веришь?

Он помолчал, лохматя седую голову.

— Любил ли? Скорее подчинился. Вот ведь беда, Женька, меня любили, да, но я-то нет...

Женя смотрела на него во все глаза и даже силилась шутить:

— Если ты рассчитываешь растопить мое сердце, то зря.

Она сразу обозначила свой статус в доме: сиделка, помощница, товарищ, соавтор, кто угодно, но не любовница и не жена. Почему? Во-первых, все в ней протестовало против пошлого адюльтера. Пусть знаменитый режиссер прежде выяснит отношения со своей бесноватой супругой, а меня увольте. Во-вторых, он болен, его нужно беречь, нельзя волновать, а о чем другом и говорить нечего. Туринский, кажется, принял ее условия, по крайней мере, пока не делал поступательных движений.

Между тем он продолжал:

— Только с тобой я такой, какой есть. Мне не надо выдумывать всякую замудрую хрень про — как ты говоришь? — содержимое выеденного яйца. И в конце концов! — Он будто доказывал что-то незримому противнику. — Все суэта, тлен, нужно жить для главного. Я хочу быть с тобой.

Женя не стала развивать эту тему. Пока. Пусть окрепнет, а я буду делать все, чтобы он встал на ноги. Она видела, что Виктору худо, хотя он бодрится и не подает виду, тайком глотая лекарства. Их спальни были по соседству, и Женя вскакивала по ночам, слыша, как он стонет во сне. Однако войти не решалась, боясь поддаться эмоциям и нарушить данное себе слово.

К вечеру небо нахмурилось, набежали тучи, грозя дождем, и костер пришлось отменить. Они сидели в гостиной, выбирая фильмы для просмотра. На столике дымился чай, в корзинке с фруктами румянились яблоки, нектарины, персики (Мордвинова ненавязчиво заменяла вредную еду на фрукты и овощи).

Снаружи слышался шум мотора, и они в недоумении переглянулись. Дом Туринского стоял несколько на отшибе, соседи были далеко, поэтому ехать могли только к ним. Женя почему-то испугалась, а Виктор Алексеевич весь собрался: губы плотно сжаты, взгляд хмур. Они вышли на крыльцо. От ворот по дорожке, выложенной плиткой, двигалась молодая женщина, модно одетая, высокая, роскошная, с ногами от шеи. Женя узнала Анжелочку, виденную на фотографиях в журналах и в интернете.

Актриса решительно поднялась на крыльцо, бесцеремонно пройдя мимо них, открыла дверь и вошла в дом. Туринский и Женя двинулись вслед за ней. Женя не знала, куда ей деваться, и взялась разливать чай, принеся из кухни еще одну чашку. Режиссер мрачно наблюдал, как его жена демонстративно осматривает дом. Она обошла все комнаты, как агент по недвижимости, прицениваясь, простукивая дерево, прикидывая метраж комнат.

— Мне эта халабуда не нужна, но я ее продам! — заявила наконец Анжелоч-

ка, вернувшись в гостиную. Она уселась на диван и схватила нектарин из корзинки. — Некуда будет тебе баб водить, милый.

— Поезжай домой, Анжела, — хмуро сказал Туринский.

— Я тебя обую по полной, ничего не оставлю при разводе! Знаешь, какие у меня адвокаты?

— Знаю, детка. Поезжай домой. — Женя видела, что Виктор едва сдерживается, чтобы не вспылить.

— А студия и теперь уже в моих руках. Так что у тебя, гений наш фестивальный, ничего не останется.

При слове «студия» Туринский побледнел как полотно, и Мордвинова решила вмешаться.

— Пожалуй, хватит, — сказала она как можно спокойнее. — Виктор Алексеевич все же инфаркт перенес...

Кинозвезда, до того смотревшая на нее как на пустое место, презрительно оглядела Женю Мордвинову с ног до головы:

— Это твоя домработница?

— Сиделка, — не дав ответить Туринскому, заявила вдруг Женя. — И настоятельно прошу вас не волновать больного: ему нужен покой.

— Правда, что ли, сиделка? — с недоверием спросила Анжелочка. — А мне говорили, ты себе старую клячу завел, вот бы насмешил!

Туринский вскипел. Он угрожающе двинулся на супругу, но Женя и тут встряла.

— Девушка, вы бы ехали домой и не волновали моего клиента. Я за него отвечаю.

Звезда кинула нектарин обратно в корзину и поднялась.

— А где вы были, когда он из окна больницы сиганул по простыням? Вся Москва до сих пор потешается, клоун!

Анжелочка вышла, резко толкнув дверь, и сбежала по ступенькам. Они не спешили закрывать дверь. Туринский сделал несколько шагов к выходу и остановился на крыльце. Женя замерла в напряженном ожидании. Слышно было, как хлопнула калитка, пискнула сигнализация машины. В тишине заповедного уголка вдруг раздался надрывный крик:

— Туринский, ты не вернешься?

Женя стиснула пальцы, ожидая ответа. Немного помолчав, Туринский твердо ответил:

— Нет.

Автомобиль сорвался с места. Взвизгнули тормоза, и машина унеслась в темноту.

Глава 40

Портрет

— Как ты думаешь, это можно показывать людям, или совсем детский лепет?

Аня вошла на кухню, где сидел Тим с книгой и сигаретой.

Знакомые открывали бар и предложили Ане устроить на его открытии выставку ее работ. Что ж, с чего-то надо начинать... Конечно, они были заинтересованы: Аня приведет гостей, которые, во-первых, оценят новый бар и, возможно, расскажут о нем своим друзьям, а во-вторых, будут покупать в баре выпивку. Получится нечто вроде презентации. Аня дала согласие и теперь в свободные минуты доставала картины, рассматривала их и отбирала для выставки. Завтра нужно было отвезти хотя бы часть.

Она держала в руках небольшую картинку на холсте, изображающую символическую композицию, впечатления от сна. В центре композиции мужчина и женщина сплелись в объятьях, а вокруг их ложа стоят синие коровы, которые втягивают в себя ноздрями нечто бесплотное, что рождается от объятий этих двух, их энергию любви.

Тим внимательно осмотрел картину, улыбнулся:

— Обязательно покажи, это интересно.

Аня в сомнении покачала головой и ушла к себе. Она порылась еще, отобрала пару картин, установила так, чтобы на них падал свет, и в задумчивости уселась напротив.

Неделю назад Тим переехал к Ане. Она сама это предложила, когда Тим оказался в затруднительном положении. Сергей вернулся в Питер, а одному снимать двухкомнатную квартиру дорого. Тим искал товарища, никто не находился, а время поджимало. Тогда Аня предложила переехать к ней, пока мама живет на даче. Конечно, она все хорошо обдумала, взвесила, созвонилась с Женей. Поначалу Аня боялась спрашивать, ведь она посягала на комнату мамы, ее личную территорию. Но, кажется, Женя была даже довольна, что дочь теперь не одна.

Решение нелегко далось прежде всего ей самой. Имея в прошлом не вполне удачный опыт совместной жизни с мужчиной, она давно отвыкла от постоянного присутствия рядом чужого человека. Аня не представляла, как перейти на иной уровень отношений, как впустить Тима в свое интимное пространство. Ведь она при Тимофее даже в туалет стеснялась ходить. А как показаться ему нечесаной, заспанной или больной, некрасивой? Да и Тиму, наверное, необходимо личное пространство. У него могли быть те же соображения на этот счет. Разные комнаты — это единственный выход. Поэтому пришлось обратиться к маме. Слава Богу, она все поняла и с радостью согласилась с Аниным решением.

И привыкать тоже было трудно. Его присутствие рядом грело, делало ее слабой и нежной, но не становилось обыденным, привычным. Постоянное напряжение, необходимость держать себя в хорошей форме, в тонусе, в хорошем настроении изматывало. По счастью, можно было закрыться в своей комнате, да еще работа занимала много времени у обоих. В результате они виделись не больше, чем до его переезда. Вещей у Тима было немного, кочевая жизнь не

располагала к накоплению. Однако компьютер, фотоаппарат, гитара — все было высшего класса и самых последних моделей.

Что касается общего хозяйства, то оно было нехитрое. Готовил тот, кто раньше возвращался с работы. А продукты покупали, как придется. Бывало, встречались в городе и шли вместе в кафе. Кажется, мало что изменилось в их жизни. Новое положение их не было гражданским браком. Тим знал, что это временно, в его жизни не было ничего постоянного. Может, потому и дал себя уговорить, что привык кочевать? Да и нужна ли ему стабильность, если он всякий день живет как последний?

Аня старалась не думать о болезни Тима, приняв за данность зыбкость их союза, и тоже жила настоящим. Когда это произошло, она успокоилась, и все встало на свои места.

— А вот эту? — снова потревожила она уединение Тима.

Это был редкий день, когда оба оказались дома и отдышали. Тим опять спокойно отложил книгу. Взглядом изучил картину, которую ему показывала Аня, и сказал:

— Мне кажется, и эту надо показать. Зачем отбирать, выставь все, и пусть смотрят!

Тим, конечно, был снисходительным критиком. Он прочел Анин сценарий и был потрясен. Идеями, фантазией, неожиданными образами. Он повторил тогда то, что неоднократно говорил раньше:

— Аня, тебе надо писать! Ты зря ограничиваешь себя кино, ты можешь больше, это же очевидно! Пробуй, работай, ищи! Кино — это не все, тебе надо развиваться, двигаться вперед.

— Но ведь сценарий — это тоже для кино, — шутливо возражала она.

— Да, но совсем другой вид творчества.

Иногда он замирал, глядя на нее восхищенным взглядом. Говорил, любясь:

— Какая ты красивая!

И неважно, что она в затрапезе или только что из постели.

Аня все же забраковала одну картину, старую, которую она не раз переделывала, но так и не добилась, чего хотела. Она искала телефон знакомого декоратора, обещавшего сделать рамки довольно дешево, оптом, когда вдруг звонил домофон. Аня с недоумением сказала:

— Да?

— Аня, я привез тебе портрет.

Это был Артем Ненашев. Она вспомнила, что как-то звонила ему и просила дать для выставки его портрет. Аня нерешительно нажала на кнопку, открывая входную дверь. Артем явился с букетом цветов, ее любимых белых лилий. Куртка его блестела от дождя, но прическа была безукоризненна, как всегда. Весь он являл собой образец собранности, четкости.

— Вот, — Артем протянул цветы, а потом подал картину. — А Жени нет?

— Нет, она живет за городом, — ответила Аня, чувствуя страшную неловкость оттого, что не может пригласить его хотя бы выпить кофе.

Возникла тягостная пауза. Артем смотрел в ожидании и не спешил уйти.

— Завтра у нас премьера, пойдешь? — спросил он в несвойственной ему легкомысленной манере.

— Завтра я работаю, — ответила Аня.

— Где ты сейчас?

— Все там же, на многосерийном фильме. Проект продлили до конца декабря.

Тут в прихожей возник Тимофей.

— Привет, — сказал он, узнав Артема Ненашева.

— Привет, — кивнул тот.

— Идемте пить кофе, — предложил Тим, — я только что сварил.

Артем осторожно поставил у стенки завернутую в бумагу картину.

— Спасибо, я спешу.

Тим кивнул и вернулся в кухню. Ненашев внимательно взглянул в глаза Ане.

— Это он? — спросил тихо, почти одними губами.

— Да, — тоже едва выговорила она.

Артем сверкнул глазами, и что это значило, Аня не поняла. Он будто спохватился, притянул ее к себе и легонько поцеловал в губы. Затем стремительно вышел. Аня заперла дверь, взглянула на картину и унесла ее в свою комнату. Букет лилий тоже захватила с собой. Они пахнут одурманивающе, на ночь надо будет вынести...

Когда она вышла в кухню, Тим был погружен в книгу, а кофе, налитый в ее чашку, остыл.

— Я просила Артема привезти картину для выставки, — сказала она зачем-то.

Тим кивнул, не отрываясь от книги. Она пила невкусный остывший кофе и курила.

— Ты сердишься? — спросила она.

— Вовсе нет, на что? — тотчас ответил Тим, не поднимая таз.

— Тогда почему ты молчишь?

— Я читаю.

— Я же чувствую, что ты недоволен.

Тим наконец посмотрел на нее, и глаза его были стального цвета.

— Аня, ты абсолютно свободный человек, я тебе это уже говорил. И твоя жизнь — это твоя жизнь. Почему ты оправдываешься?

Она пожала плечами и снова спросила:

— Но тебе неприятно?

— Разреши мне удержаться от комментариев.

Аня умолкла, пережидая. Она понимала, что Тиму при всем его спокойствии, наверное, непросто принять происходящее. Если бы знать, о чем он думает. Невольно она засмотрелась на Тима. Какой же он красивый! Нет, не слащавой красотой модели с обложки, а настоящей мужской красотой. Ей нравилось, что брутальность не мешала ему заботиться не только о мышцах, но и о внешности.

Если мы, женщины, стараемся достичь идеала, продиктованного временем, претерпевая порою невыносимые муки во имя красоты, то и мужчины должны, наверное, соответствовать сегодняшним требованиям. Ходить в спортзал Тима вынуждала профессия, или одна из профессий, а заботиться о коже, о волосах, то есть «думать о красе ногтей» — его врожденный дендизм.

Еще мне нравится, что он не носит свою болезнь, не жалуется, не ноет. Он живет полноценно и даже меня заставил забыть о своем недуге.

Конечно, где-то в глубине души она все время помнила о его болезни, но это никак не отразилось на их жизни, их взаимоотношениях. Может быть, это эгоизм? Или самозащита?..

Молчание затягивалось. Аня курила и все не уходила к себе. Тим усердно читал. Зазвонил телефон, лежавший на столе возле него. Тим взял его и ушел в свою комнату, бросив коротко:

— Извини.

Он всегда уходил говорить по телефону в другую комнату, считая неприличным разговаривать в ее присутствии, однако на этот раз Ане сделалось неуютно, показалось, что он сбежал от нее. Она никогда не ревновала, а тут вдруг представилось, что Тиму звонит женщина. Непременно женщина! Она едва удержалась, чтобы не пойти подслушать под дверью.

Что это я? Ведь знаю, что есть у Тима знакомые женщины, коллеги, да мало ли кто. Скорее всего, и на Мальте он не жил монахом, не обязан был хранить верность девушке, с которой расстался. Но... Нет, не надо. Кажется, я прирастаю к нему. Не хочу боли, не хочу больше отчаяния и тоски. Не хочу его терять!..

Аня поскреблась в его дверь и услышала:

— Входи.

Тим сидел в кресле, держа в руке мобильник, но разговор уже был завершен. Аня приблизилась к нему, забралась на колени и прильнула к груди. Тим обнял ее и прижал к себе. Глаза его сделались синими. Они ни слова не сказали друг другу, но теплота и нежность снова объединили их.

За окном лил дождь, а в их квартире бродил призрак семейного счастья. В сущности, я самая обыкновенная женщина, и мне нужно то же, что и всем. Как приятно быть слабой, податливой, нежной. Я ведь такая и есть: неуверенная в себе, незащитная, только обросла толстой кожей и колючками, чтобы ни у кого не возникало желания обидеть. В этих теплых объятьях я как новорожденный младенец на руках у матери. Только не отпускай меня, Тим...

Глава 41

Ночная тревога

Утром они услышали, как кто-то подъехал к их дому и остановился у калитки. Окно в комнату Жени выходило на другую сторону, а чтобы спуститься вниз и посмотреть, кто же приехал, нужно было умыться, одеться, привести себя в порядок. Она прислушалась. Туринский вышел из комнаты и спустился по лестнице. Женя юркнула в ванную.

Пока умывалась и подкрашивалась второпях, все боялась услышать крики Анжелочки или что-то в этом роде. Одевшись в комнате, она спустилась. Туринский только что вернулся с улицы и вид имел озадаченный.

— Кто приехал? — не утерпев, спросила Мордвинова.

— Никто, — пожал плечами Виктор Алексеевич.

— А мне показалось, я слышала звук мотора... — растерялась Женя.

— Тебе не показалось, — Туринский взялся ставить чайник. — Кто-то пригнал мою машину и оставил у калитки.

— Ну и дела! — только и вымолвила Мордвинова.

Пока завтракали, вслух размышляли, кто бы мог это сделать и что все это значит. Ничего хорошего не ожидали от этой странной акции. Конечно, Туринскому нужна была машина. Дела требовали его появления в городе, далеко не все решалось по телефону. Однако машину могли пригнать только по приказу Анжелочки. Каковы мотивы ее поступка? Что еще замыслила неумемная звезда?

Довольно того, что она наняла адвоката и затеяла судебный процесс. Туринский нервничал. Мысленно он прощался со своим детищем — небольшой киностудией, на которой делал фильмы и организовывал фестивали в российских городах, устраивал крупные театрализованные праздники. С московской квартирой все было понятно и так: после развода не видать ее Туринскому как своих ушей: Виктор не собирался воевать с женой и требовать обмена. Однако больше всего душа болела за этот дом. И хотя никак по закону Анжелочка не могла его оттяпать, беспокойство терзало больного режиссера и скверно сказывалось на его самочувствии.

Женя пыталась его успокоить, прошерстила Семейный кодекс, проконсультировалась со Светкиным юристом.

— Она только грозит, давит на тебя! — горячо убеждала режиссера. — Ни квартиру, ни студию целиком она не может забрать!

— Да плевать на все! Пусть забирает, если ей нужно. Вот только этот дом... — бормотал Туринский. — Это наш с тобой дом!

Женя опять говорила о законе, о семейном праве, но сама тоже порой думала: кто их знает, нынешних адвокатов...

— Но зачем она вернула машину? Где логика? — удивлялась Мордвинова, моя тарелки после завтрака и составляя их в шкафчик.

Виктор Алексеевич задумчиво листал рукопись сценария и ответил не сразу:

— Думаю, она ждет, что завтра я приеду на суд.

— Завтра суд? — ахнула Женя.

— Ну да. Анжела прислала эсэмэску.

Мордвинова взволновалась. Можно ли Туринскому с его больным сердцем присутствовать на суде? Пусть он немного окреп в последние недели, но стресс противопоказан ему в любом случае.

— Ладно, хватит прохлаждаться! — стряхнул с себя задумчивость режиссер. — Давай работать!

Они устроились в его кабинете, правили рукопись, дописывали фрагменты, спорили и приходили к общему решению. После немудреного обеда отдыхали каждый у себя, читали. К вечеру, как всегда, пошли прогуляться по лесу.

— Надо бы завести машину за ворота, — сказала Женя.

Туринский отмахнулся:

— Потом!

Он только вынул ключи, торчавшие из замка зажигания.

После ужина они посмотрели в гостиной французский фильм и разошлись по своим комнатам. Женя забралась в ванну с книжкой, а когда вышла, снова услышала шум мотора. Что это такое? Должно быть, Туринский все же надумал поставить машину на участок.

Мордвинова влезла в свою красную пижаму, набросила на плечи платок и вышла из комнаты. Постояла, прислушиваясь, возле спальни Виктора Алексеевича. Там было тихо и темно. Стараясь не шуметь, она спустилась. Не стала включать свет, сразу двинулась к входной двери. Та оказалась не запертой. Выйдя на крыльцо, Женя увидела, что машины нет ни на участке, ни за калиткой. Исчезла! Не хотелось думать худшее, но она тотчас поднялась наверх и толкнулась в комнату Туринского. Его постель была пуста.

Уехал. Уехал... К ней поехал, это ясно. Господи, как я могла предположить, что этот вечный бабник предпочтет меня молоденькой жене? Как я могла в это поверить? Где были мой трезвый ум и многовековая мудрость? Накануне развода он убежал к ней! Едва оправился от болезни, как тотчас и бежал...

Мордвинова поплелась в свою комнату. Она присела на край кровати, подкошенная неожиданной болью. Потом свернулась в клубок, затихла, баюкая ноющую душу. А как же наш фильм? Наш сценарий о трагедии гения? Обман? Все обман... Хотелось подняться, позвонить Ане, поплакать. Слезы стояли где-то в горле, но только жгли, не проливаясь. Неужели снова предательство? Какая я молодец, что не вышла за пределы роли сиделки! Как была бы унижена теперь, когда он решил вернуться к Анжелочке!

А может быть, я сама предаю его, думая о нем плохо? С чего я взяла, что Туринский сбежал? Возможно, он решил поговорить с женой мирно, пока они не встали по разные стороны барьера? Это больше на него похоже. А что, если ему сделалось плохо? Тогда почему не постучал ко мне, не попросил помощи? Нет, это все бред. В конце концов, есть телефон. Почему он не позвонил хотя бы с дороги? Или сейчас, когда я не нахожу себе места?

Нет, уехал тайком, не предупредив меня! Это конец. Надо встать и собрать вещи. Уехать, как только он вернется. А если не вернется? Тогда пойду к соседу, писателю Татищеву, попрошу подбросить до станции...

Куда же я поеду? Там Аня живет с Тимофеем, я все им испорчу... Господи, и деваться-то некуда! И все-таки надо уезжать. Надо... Завтра соберу чемодан, все свое шмотье и уеду. Все решив, Женя наконец забылась в тревожном сне. Ее разбудил телефонный звонок. Ничего не понимая со сна, она нажала кнопку и услышала ставший таким родным за последние недели голос:

— Женька, прости, что разбудил! Завтра приеду к обеду, все расскажу! Не сердись, ладно? — и он отключился, не дожидаясь ответа.

И потом Женя долго не могла заснуть, все думала, думала. Хорошо что позвонил: по крайней мере, я знаю, что с ним все в порядке. Однако зачем уехал и куда, не сказал, и определенно не собирался говорить. Верно, рядом была она, Анжелочка... Что же делать? Собирать вещи или нет?

Решив, что утро вечера мудренее, Мордвинова спустилась в гостиную, выбрала какую-то мелодраму и, свернувшись на диване под пледом, стала смотреть фильм. Только под утро незаметно для себя уснула.

Проснувшись от того, что от неудобного положения ныла шея и затекла нога. Женя с трудом поднялась, сразу взялась за мобильник. Звонков не было, а часы показывали одиннадцать утра. Наверное, суд в самом разгаре, тревожно подумала Мордвинова и ехидно добавила про себя: если, конечно, он вообще состоялся. Собирать чемодан или подождать до обеда?

Поднявшись наверх, она приняла душ, переделалась и достала-таки свой чемодан. Долго смотрела на него, потом решила, что сначала надо приготовить обед. Приедет голодный Туринский, а есть нечего. И время пойдет быстрее: просто больше нет сил сидеть и ждать!

Она занялась приготовлением грибного супа и овощного рагу, увлеклась и забыла о чемодане, который так и остался лежать раскрытым на полу ее спальни. Когда услышала шум мотора, заметалась по дому.

— Надо успокоиться и сделать вид, что ничего не произошло, — вслух произнесла Женя, когда едва не опрокинула на себя горячий чайник. Руки ходили ходуном. Ей стало страшно. Вот сейчас он войдет вместе с Анжелочкой и скажет, скажет...

— Ты почему меня не встречаешь, Женька? — услышала она бодрый голос Туринского и выскочила на крыльцо.

Он шел от калитки в распахнутой куртке, волосы его трепал ветерок, а на лице сияла счастливая улыбка.

— Все хорошо? — только и спросила Женя.

— Да, все хорошо. Мы с ней договорились обо всем. Дом наш.

Женя припала к его груди и заплакала. Нервы окончательно сдали.

— Ты чего опять ревешь? — удивился Туринский. — Все хорошо, говорю тебе. Даже студию делить не стали...

Он обнял ее и повел в дом.

— Ты знаешь, — с трудом проговорила Женя, — а я уж чемодан думала собирать...

Туринский внимательно посмотрел ей в глаза:

— С ума сошла?

Она кивнула.

— Нет, Женька, и не думай! Я тебя никуда не отпущу. Куда я теперь без тебя?

Покосившись на стол, он жалобно добавил:

— Давай есть, а? Я голодный как собака: с вечера в брюхе пусто.

А потом как-то вдруг ему сделалось плохо, и Женя тотчас забыла все свои сомнения и переживания. Пришлось вызвать скорую. Даром не прошла Туринскому эта поездка. Приехавший доктор мягко отчитал больного за легкомыслие.

— Посидите спокойно еще хотя бы пару недель, — увещевал он бледного режиссера. — Вам нельзя сейчас сидеть за рулем, и город противопоказан категорически.

Женя вышла проводить врача. Усаживаясь в машину, тот сказал на прощание:

— Берегите мужа: от вас теперь многое зависит.

— Да, — сдавленно пробормотала Мордвинова. Она провожала глазами отъезжающую машину и кляла себя на чем свет стоит. Тоже мне, мадам Бовари местного разлива! Меньше о себе думать надо. Что я без него теперь?

Она поспешила в дом, чтобы снова выхаживать своего любимого мужчину, не задавая лишних вопросов и ничего не ожидая взамен.

Глава 42

Прощание

Дуня Пыльникова заболела, съемки приостановились, и у Ани образовалось сразу несколько выходных. Она не очень-то радовалась этому обстоятельству. Придется сидеть дома, и никуда не денешься от грустных мыслей. Ане опять казалось, что отношения с Тимом зашли в тупик.

Она сидела за компьютером и размышляла, что делать с собой дальше. Тим уехал на работу, можно было порисовать или доделать куклу. Или связать шарф. Почитать книжку, которая давно ждет своего часа. Ничего не хотелось.

Казалось бы, что? Внешне все идеально. Они не мешают друг другу, сохраняют дистанцию, как два соседа. Нельзя сказать, что быт заел, потому что они свели к минимуму этот самый быт. Все хорошо, но Аня чувствовала себя несчастной.

Иногда она с горечью именно так и называла Тима: соседом. Из совместной жизни исчезло очарование свиданий, когда они принадлежали только друг другу. Теперь будто стена выросла между ними. Ане казалось, что Тим старательно охраняет свою свободу, предоставляя и ей полную свободу действий. Они были рядом, но все дальше и дальше друг от друга. Аня мучилась и молчала.

Чего же мне не хватает, думала она, глядя на экран компьютера. Почему же мне так плохо? Он не любит меня. Я устала постоянно добиваться его любви. Я как нищенка: стою с протянутой рукой, вымаливаю по грошику внимания.

Не вынеся внутренних противоречий, позвонила маме. Женя не могла взять в толк, чем же она недовольна.

— Почему тебя не устраивают ваши отношения? Все же хорошо? — удивлялась она. — Ты сама так хотела: чтобы разные комнаты, чтобы была дистанция...

— Да, все так. Но разве трудно хоть иногда показывать, что я не безразлична ему, что я интересна ему как женщина. Я не требую многого. Я не хочу замуж, не хочу заводить детей...

— Тогда чего ты хочешь? — спросила Женя.

Аня замолчала на несколько секунд. Потом попыталась сформулировать не только для Жени, но прежде для себя:

— Я хочу чувствовать, что он меня любит. Хочу, чтобы он показывал мне это, иначе... мы просто соседи, понимаешь? Он не обживается у нас, будто все

временно, будто вот-вот собирается съехать.

Женя громко вздохнула в трубку.

— Может быть, ты придумываешь себе эти переживания? — предположила она. — Мужчины — это же другая планета. Они живут по своим законам. С ними надо разговаривать, объяснять, они ведь все по-своему видят. Попробуй поговорить с Тимом. Расскажи, что тебя мучает.

— Я знаю, чем кончится такой разговор. Он опять скажет, что нам не нужно быть вместе.

— А если ты ошибаешься? Попробуй.

Аня безнадежно махнула рукой, хотя мама не могла видеть ее жеста, и ответила:

— Не знаю. Может, я действительно все придумываю?

Однако нельзя придумать тоску, чувство заброшенности, когда сидишь дома вроде бы не одна и в то же время одна. Поговорив с Женей, она отправилась на кухню варить кофе.

Когда в турке уже поднималась пена, зазвонил мобильный телефон. Аня убрала джезву с конфорки и взяла трубку. Звонил Артем Ненашев. Он будто чувствует моменты моей внутренней смуты! Отвечать или не надо? Аня ответила.

— Аня, завтра я уезжаю во Францию, надолго. Очень надолго, может быть, навсегда. Я хотел бы с тобой попрощаться.

— Да, конечно, — сказала она.

— Давай встретимся сегодня вечером? Я тебе позвоню.

— Хорошо.

Вот и договорились.

Он уезжает... Это обстоятельство отчего-то взволновало Аню. Ей не хотелось терять Артема навсегда. Она курила, пила кофе и думала о том, как хорошо, наверное, жить в Париже.

Ненашев позвонил в шестом часу. Он уже подъезжал к Потылихе, и Ане пришлось поспешно собираться. Впрочем, пока ждала звонка, она успела прихорошиться. Тим еще не вернулся с работы, Аня со спокойной совестью могла покинуть дом. Конечно, оставался риск встретиться всем вместе у подъезда, ну так и что? Мы ведь свободные люди!

Садясь в машину к Артему, Аня поняла, что рада видеть его. Он же своих чувств ничем не выдал, лишь глаза сверкнули знакомо и тотчас снова заледенели.

Ненашев повез ее в знакомый «Кураж», на Пречистенку. По случаю выходных дороги были относительно свободны, и они быстро домчались в полном молчании. Заняли место в зале на втором этаже. Крыша, конечно же, не функционировала зимой. Подскочил расторопный «половой» и принял заказ. Аня закурила, Артем молча смотрел на нее непонятым взглядом, от которого делалось неловко и как-то не по себе.

— Что ты собираешься делать в Париже? — спросила она, не вынеся затянувшегося молчания.

— То же, что и здесь, — коротко ответил Артем. — Кино.

Принесли заказ, и они молча ели. Ненашев выглядел уставшим, был сосредоточен на своих мыслях. Зачем позвал, если не хочет общаться? Аня пожалела, что приняла его приглашение. Выпили вина, атмосфера несколько разря-

дилась.

— Да, вот! — спохватился вдруг Артем и полез во внутренний карман пиджака. — Я привез тебе диск с нашим фильмом о шпионах. Его скоро покажут по российскому каналу.

— Да, я уже видела рекламный ролик. Спасибо, — ответила Аня, принимая диск и пряча его в сумочку. — А у меня твой портрет лежит, не пригодился.

— Почему?

— Выставка не состоялась, что-то не срослось...

Артем ничего не сказал на это. Напряжение ослабло, но не ушло.

— Ань, едем со мной! — неожиданно предложил он. — Только представь себе: Париж, Монмартр, Лувр...

— Не шути так, — улыбнулась Аня.

— А я не шучу, — отозвался Ненашев. — Еще можно успеть, только думать некогда. Что скажешь?

— Ты сейчас это сочинил? — Она не могла понять, шутит он или говорит серьезно.

— Да. Поначалу собирался уехать не прощаясь. Потом понял, что не смогу...

Он взял в руки ее ладонь и заглянул в глаза. Зеленые опасные огоньки сверкнули и погасли. Аня медленным движением убрала ладонь.

— Ты же знаешь, я не одна, — глухо произнесла она.

Говорила и не верила себе. А что если взять и уехать действительно? Париж — это же мечта всей жизни!

— Не пожалеешь? — будто в ответ ее мыслям спросил Артем.

— Может, пожалею.

Но что я буду делать там? Аня вспомнила Италию, гостиницу, свою тоску.

— Нет, Артем, я не поеду. Не смогу я там жить, пойми.

Ненашев подозвал официанта, попросил счет.

— Мы больше не увидимся, — произнес он ровным голосом, но руки его, державшие книжечку счета, слегка дрожали.

— Прости, — только и смогла сказать в ответ Аня.

Я дура, дура, делаю страшную глупость! Может быть, и впрямь буду страшно жалеть. И мама, наверное, не одобрит моего решения. А бабушка-то как мечтала оказаться в Париже: там ведь еще были живы родственники Мордвиновых... Но я не хочу жить без Тима! Даже так, как мы сейчас живем, лучше, чем в Париже: без него и с нелюбимым человеком!

Они молча вернулись на Потылиху. Артем вышел из машины, чтобы открыть дверцу перед Аней. Губы его были плотно сжаты, резкие решительные складки легли на лице. Аня повернулась к нему и легонько поцеловала в щеку. Губы его дрогнули, он шепнул:

— Прощай, прекрасная княжна...

И не дожидаясь, когда Аня дойдет до подъезда, бросился за руль, хлопнул дверцей и тотчас тронулся с места. Аня с грустью следила за габаритными огнями его машины, пока они не скрылись за углом.

Тим еще не вернулся, дома было тихо, безжизненно. Что же делать? Приготовить что-нибудь на ужин? Но Тим опять не станет есть. С едой вообще все непонятно. Тимофей не хочет, чтобы ему навязывались обязательные совместные обеды и ужины. Он питается по своим правилам, давно устоявшимся. Из-за этого Аня почти перестала готовить. Так, покупает что-то по дороге

домой: готовые салаты, курицу-гриль. Тим тоже иногда покупает что-то легкое себе и Ане. Это, конечно, не семейная жизнь, но я сама так хотела. И сама отказалась от Парижа. Винить некого.

Ей нестерпимо хотелось плакать. Не включая света в своей комнате, Аня прилегла на диване и постаралась уснуть. Прямо в одежде.

Глава 43

Железный Феликс

Женя собиралась в Москву. Две недели назад Светка отмечала юбилей и Христом Богом просила ее приехать.

— Много народу будет? — сомневалась Мордвинова.

— Коллеги, родственники, ну, человек тридцать...

— Свет, давай я приеду тебя поздравить потом, а? — предложила Женя. — Мы с тобой посидим, выпьем, поговорим от души. А так и без меня тебе будет весело, пообщаться же не получится.

Подруга, конечно, возмущалась: как это, взять и не приехать на юбилей?

— Я-то ведь была у тебя!

Ныла, ныла, но, в конце концов, согласилась. Она соскучилась по Жене. Подруги не виделись с тех пор, как Мордвинова поселилась у режиссера.

Туринский ревниво ворчал:

— Надо работать, не время разъезжать по гостям.

Однако откладывать уже было нельзя, и Женя собиралась навестить дорогую юбиляршу.

— Слышишь, Женька! — кричал Виктор из кабинета, сидя за ноутбуком. — Статистика свидетельствует: посещаемость кинотеатров с начала этого года упала еще на тридцать процентов. И знаешь из-за чего?

— Из-за чего же? — без всякого интереса спросила Женя.

— Из-за отвратительного качества отечественных фильмов! — ответил злобно Туринский. — Вот, дожили. Так что, Женька, нам надо срочно подымать качество отечественного кинематографа!

— Не волнуйся, подыдем, — отшутилась Мордвинова.

Ей уже снился будущий фильм, так она погрузилась в жизнь Алексея Толстого, переживая вместе с ним его драму. Сценарий шел трудно, без конца переделывался Туринским, и все же завершение было не за горами. Женя отстаивала свое видение событий, но приходилось считаться с режиссером.

— Давай не будем акцентировать внимание на морфии, а? — сказала она как-то Туринскому.

— Почему?

Женя понимала, что истина дороже, но у нее было свое мнение на этот счет.

— Понимаешь, — попыталась объяснить свою мысль, — сейчас только ленивый не пинает гениев. Все эти с понтом биографические фильмы будто имеют цель: развенчать образ великого человека, низвести его до уровня невежественного зрителя.

— Почему, как ты думаешь? — серьезно спросил режиссер.

— Ну, помнишь, у Пушкина? Он писал Вяземскому по поводу утерянных записок Байрона?

Она сунулась к полкам, быстро достала нужный том, полистала и прочла:

— «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущественного. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он мал и мерзок — не так, как вы — иначе!»

— И что, исказить факты? — удивлялся Туринский.

— Не надо искажать! — возмущалась Женя его непонятливостью. — Просто, как Пушкин там же сказал: «Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением». Не надо выпячивать слабости, он не этим знаменит!

— Ладно, ладно, пиши, там посмотрим, — утихомиривал ее режиссер.

Кажется, все душевные и физические силы уходили на работу. Режиссер волновался, а Женя боялась за него, но сочла, что творческое волнение не опасно для его сердца. Дни летели, они по-прежнему жили как Адам и Ева в раю. И столь же целомудренно.

Иногда приезжали друзья Туринского: старые маститые режиссеры, молодые сценаристы, писатели, операторы. Женя с удовольствием накрывала на стол, выставляла блюда, которые совместно готовились накануне, с наслаждением окуналась в общение, умные беседы, чтобы потом с не меньшим блаженством отдаться пустынной жизни.

Туринский ни на шаг не отпускал ее от себя, и это было не тягостно, а наоборот, даже радостно. Светка звонила, рвалась приехать или звала к себе, но Женя отговаривалась занятостью. Однако ее грызла совесть: бросила подругу в невысказанности. Что там у нее с Максимом?

— Слушай, Женька, а может, ты ее сюда пригласишь, а? — Туринский даже оторвался от компьютера и сунулся к ней в комнату.

— Вить, ну что ты как маленький? Она же ждет, мне подарок еще надо купить, а для этого получить деньги с карточки. По Аньке я соскучилась, мочи нет. С ней хоть повидаюсь.

Это большая тема. Аню никак было не заманить к ним в Шишкино: объясняла тем, что много работы, даже с Тимом почти не видится.

— Я дам тебе денег! — Туринский смотрел просительно, с надеждой. — А хочешь, отвезу тебя?

— Ну уж нет! — воскликнула Женя. — Поездил уже.

Стоял ясный день, одно удовольствие гулять в лесу, однако Мордвинова все же решила ехать: нехорошо, не поздравила подругу.

— А ты надолго? — У Туринского глаза были как у брошенной собаки. Женя рассмеялась.

— Витька, что с тобой? Ты боишься оставаться один?

Туринский рассердился:

— Ерунду говоришь! Да поезжай, я что, против?

Он легкомысленно засвистел и вышел из комнаты.

Да, приходится привыкать к слову «мы», а не «я». Теперь нет «я», есть «я и ты», есть «мы»... Возможно, не всегда это просто и приятно, но это необходимо понять и принять абсолютно.

Она рылась в шкафу, подкрашивалась, причесывалась перед зеркалом. Туринский ее не беспокоил. И когда она была почти готова, он все же не утерпел, крикнул:

— Женька, а знаешь, почему сейчас все искусство у нас в ж... в одном ме-

сте?

— Ну почему? — отозвалась Мордвинова, застегивая на шее бусы.

— Вот, слушай, что у Гоголя прочел, — он стоял уже на пороге с книгой в руках. — «Истинные гении возникают во время блеска и могущества государей и государств, а не во время безобразных политических явлений и терроризмов республиканских, которые доселе не подарили миру ни одного поэта». Да дело не в том, что гении не рождаются, а в том, что нынешнему времени они на хрен не нужны! Время буржуазной посредственности, серости!

— Ну, в чем-то он, может быть, и прав... — задумчиво произнесла Женя, глядя на себя в зеркало.

— Что это за духи? — Туринский подошел и встал у нее за спиной. — У тебя раньше были такие?

— На юбилее, Вить, откуда ты меня умыкнул, — улыбнулась Женя воспоминаниям.

Он провел кончиками пальцев по обнаженной шее, и она вздрогнула и напряглась.

— Не надо, Вить, — попросила неверным голосом.

— Ты Железный Феликс, а не женщина, — пробормотал Виктор Алексеевич и ушел к себе.

Женя прислушалась к учащенному сердцебиению и улыбнулась. Однако пора. Она заглянула к Туринскому попрощаться, тот вышел ее проводить.

— Постараюсь вернуться сегодня вечером, — сказала Мордвинова, целуя на прощание хмурого режиссера. Он ничего не сказал, только помахал рукой с крыльца, другую руку засунув в карман куртки.

Глава 44

Вылазка в город

Светка пригласила Женю к себе, подгадав момент, когда муж уехал к родственникам в Питер. Была суббота, у Светки выходной, и назавтра не надо было рано вставать. Она все предусмотрела. Однако Женя хотела еще повидаться с Аней и, если повезет, выбрать с ней подарок юбилярше.

Она приехала на Потылиху, не дозвонившись Ане. Дочь была, скорее всего, на работе, однако попытка не пытка, надо было удостовериться. Женя не стала открывать дверь своим ключом, а на всякий случай деликатно позвонила в дверь. Открыли не сразу. Мордвинова уже достала ключ, когда дверь распахнулась.

— Мама! — Аня бросилась обнимать ее и целовать. — Как я соскучилась!

— А я звоню, звоню... — сказала Женя, когда они прошли в квартиру.

— Я спала, — смущенно улыбнулась Аня, хотя мама уже поняла это по ее заспанному виду и пижаме. — Идем пить кофе!

— А Тим дома? — опасливо косясь на дверь большой комнаты, спросила Женя.

Они до сих пор не были представлены друг другу, и Жене это не нравилось, хотя она предпочитала молчать и ждать.

— Работает, — ответила Аня, проходя в кухню. — У него сегодня съемки в эпизоде. Представляешь, его будут бить, мордовать, он будет падать и снова падать... Хорошо, что я это не увижу. Опять весь побитый вернется.

Аня насыпала в чашки растворимый кофе, сахар, добавила кипятку и молока. Женя села на любимый диванчик и вздохнула ностальгически:

— Хорошо...

— Скучаешь по дому? — спросила дочь, закуривая сигарету.

— По тебе скучаю, — ответила Женя. — По нашей с тобой жизни... Только ты не думай, что мне с Туринским плохо!

— Да уж, я представляю! — лукаво улыбнулась Аня. — Как его сердце?

— Сейчас получше. Тьфу-тьфу-тьфу! А ты как?

Женя внимательно вглядывалась в лицо дочери. Ей необходимо было знать, что у Ани все хорошо, иначе... Иначе невозможно мое счастье.

— Мам, у меня все замечательно с Тимом, если ты про это!

Кажется, она не лгала.

— А-а... — Мордвинова хотела поинтересоваться, не собираются ли они пожениться, но не рискнула, только спросила: — Как на работе? Что ты сейчас делаешь?

— Надоела работа, сил нет, — вздохнула Аня и стряхнула пепел. — Отнимает все время, а роста никакого.

— Ань, — заговорщически зашептала Мордвинова, будто их кто-то мог слышать, — мы скоро закончим сценарий. Виктор уже понемногу подбирает группу, спонсорам представили заявку или, как это сейчас называется, синопсис. Сценарий одобрили. И мне кажется, костюмы делать будешь ты.

— Я? — удивилась и обрадовалась Аня.

— Но тс-с! Это секрет. Туринский как-то обмолвился, что хочет тебе предложить, но мало ли что... Пусть он сам тебе об этом скажет.

Они смотрели друг на друга и понимали гораздо больше, чем говорили.

— Здорово! — воскликнула дочь. — Исторические костюмы, девятнадцатый век, царствование Александра II, да?

— Николая Первого сначала. Ты пока подумай, с эпохой ознакомься.

Они помолчали. Потом Аня спросила:

— Тебе с ним интересно?

— Конечно! — Женя почему-то покраснела. — Мы много говорим, читаем вслух, гуляем, ну и пишем, пишем. Работаем. Ты знаешь, я совершенно счастлива!

— Вижу, — улыбнулась Аня. — Ты помолодела очень и похорошела. Он развеялся?

— Кажется, да. Был суд, значит, их развели.

— Вы поженитесь?

— Не знаю... — Женя пожала плечами. — Не думала пока об этом. Да и Туринский ничего не говорит. Зачем, нам и так хорошо.

Аня согласилась помочь маме выбрать подарок. Они поехали в «Охотный ряд» и купили для Светки чудесный костюмчик-двойку, кокетливый, нарядный и в то же время подходящий для офиса. «Ей сейчас надо выглядеть хорошо», — подумала Женя. В метро они расстались, уговорившись, что Аня с Тимом приедут, наконец, в Шишкино.

В дополнение к подарку Женя купила огромный букет цветов, бутылку мартини и большой пакет апельсинового сока. Она еле дотащила до «Войковской», где жила Светка. Подруга уже названивала всю и возмущалась. И понятно: на место Женя прибыла только в шестом часу.

Светка встретила ее бурно, с объятьями, поцелуями и даже слезами. Мордвинова сразу отметила, что подруга не в форме, будто чем-то расстроена. Одежда кое-как, не подкрашена.

— Так, Светка, что-то ты мне не нравишься! — с порога заявила Женя. — Марш наряжаться (вот тебе подарок, кстати), будем праздник устраивать!

Пока Света исполняла ее требования, Мордвинова хлопотала о сервировке столика в гостиной. Подумала, не вывести ли подругу в кафе, но отказалась от этой мысли. Видно, что-то произошло, и ей надо будет выплакаться. Все лучше в родных стенах. Светка привела себя в порядок, настрогала с Жениной помощью закусок, вынула из духовки мясо с овощами.

— Ну, за круглую дату, которая так красит женщину! — предложила Женя первый тост, когда они уселись за столиком.

Подруга куксилась:

— Тебе бы все шутить, Жень, а я до сих пор не могу поверить, что мне...

— Двадцать! — не дала ей договорить Мордвинова. — Ничего, привыкнешь. Дальше все пойдет как всегда. Поверь мне, жизнь есть и после пятидесяти.

Они выпили и повеселели. Было о чем порассказать друг другу. Какая же отрада в этих дружеских беседах! Нет, подруга в нашей жизни — это первостепенная необходимость. Дети, мужья, — все это, конечно, близко и дорого, но отдушина и бальзам для души — только подруга! Кому ты еще изольешь свое переполненное сердце, с кем поделишься бедами и радостью, недовольством и восторгом? Только с подругой.

Мордвинова хмелела, и ее отпускало беспокойство, напряжение счастья, постоянный труд души, которая, верно, тоже иногда требует отдыха. Со Светкой происходило то же самое. Она поведала свои радости и печали.

Ее юбилей прошел на ять. Коллеги совершенно растрогали: они подготовили поздравительную программу с песнями, стихами, шутивными посвящениями.

— Помнишь, я говорила тебе, что они шушукались и что-то затевали?

Подарили потрясающее меховое боа. Всем дирижировал, конечно, Максим. Сам он много пел и пел, в основном ее любимые песни. Все душевное, трогательное. От юбилярши не отходил ни на шаг, назвавшись ее верным рыцарем. За столом сидел рядом с ней, ухаживал, подливал вина, говорил комплименты. Светка была счастлива как никогда.

— А Толик где был? — спросила Женя.

— Да он тоже рядом сидел, — отмахнулась подруга. — Кстати, вспомнил молодость, тоже за гитару взялся, вдохновился.

Она была благодарна Максиму за этот праздник. Без него так бы не получилось.

— А Толик не ревновал? — опять встряла Мордвинова.

— Да ему и в голову это не пришло! Подумаешь, коллеги поздравляют, молодежь резвится, ублажает начальницу. Может, это такой тонкий подхалимаж?

После юбилея Светка вовсе голову потеряла. Приглашала Максима на престижные выставки, на презентации, которые, якобы, непременно надо посетить по профессиональным соображениям. Они общались взахлеб, определенно наслаждаясь друг другом. Понимание с полувзгляда, полуслова. К чему бы это могло привести?..

И вот вчера по конторе прополз слух, что у Макса появилась подружка. Кто-то видел их, и это стало предметом обсуждения для всей женской части коллектива.

Светку словно под дых ударили. Она перестала дышать. Еле ползала весь день, не могла говорить, не то что улыбаться. Максима видеть не могла, избегала его вопросительных взглядов. Сегодня не вышла на работу, сказав, что заболела. Максим звонил, она не взяла трубку. Будто душу вынули и забыли вернуть на место...

Светка рассказывала, а слезы непрерывно лились из глаз. Она этого не замечала.

— Вот и все, Жень. Я старая ненужная калоша, которая валяется у порога. Зачем тогда все? Жень, я ведь не могла ошибаться, я нравилась ему. Но пришла молоденькая девчонка и только щелкнула пальцами! У нее все преимущества: свежая плоть...

— Так, стоп! — остановила ее Женя. — Подружка? Слава Богу, а то я уж невесть что подумала про него. Ты сама говорила, что он здоровый молодой человек, и даже странно, что так долго у него никого нет. Твое место, поверь мне, никто не занимал. Ты не перешла с ним на «ты», и это хорошо! Останутся романтические воспоминания. Обиднее было бы во сто крат, если бы вы стали любовниками. Что ты теряешь? Ты перестанешь его любить?

— Нет, — прошептала Светка, качая головой.

— Ну вот. Что изменится? Ему хорошо с тобой, он тянется к тебе, сохрани эти отношения. Ведь ему зачем-то это нужно тоже. Да мало ли какие подружки! У мужчин случаются зигзаги, знаешь ли. — Она усмехнулась. — Впрочем, ты со своим Толиком как в Институте благородных девиц.

— Я его люблю, Жень, — шептала Светка, будто не было сил у нее на полный голос. — Как же жить дальше, без всякой надежды? Он женится, что тогда?

Мордвинова налила полный бокал мартини с соком, подала подруге, налила то же себе. Они стукнулись бокалами.

— Пожелай ему счастья и отпусти! — твердо проговорила Женя и хлебнула мартини.

— Как? — Светка опять зашлась в плаче. — Но я ему нужна, он ведь страдал, когда я отстранилась и делала вид, что он мне никто...

— Тогда тем более отпусти — внутренне. Так тебе легче будет с ним общаться, дарить свое тепло, внимание, заботу... Слышишь, Свет, ты не должна зависеть от него!

— Я попробую, — пробормотала несчастная подруга, сморкаясь в бумажный платок.

Жене этого показалось мало.

— Обещай мне, что не будешь себя хоронить, даже если он приведет к тебе знакомиться свою жену и любовницу в придачу! Обещай, что не сломаешься, не будешь больше плакать, а наоборот, порадуешься тому, что он есть в твоей жизни. Ведь сама рассказывала, что была счастлива с ним. Счастье не вечно, но надо быть благодарной судьбе! Помнишь: «О милых спутниках, которые наш свет своим сопутствием для нас животворили...

— ...Не говори с тоской: их нет; но с благодарностью: были», — закончила Светка, понемногу стихая и успокаиваясь.

Они просидели всю ночь в разговорах, пересказах давно рассказанного, в воспоминаниях. Кажется, Света ожила, что-то в ней произошло, какая-то работа совершилась. Подруги укладывались спать почти протрезвевшие, решительные, готовые к жизни — ее неожиданным поворотам и к однообразному ее течению. Все еще будет! Завтра прекрасно, потому что неведомо.

Проснувшись через несколько часов, Женя не стала будить исстрадавшуюся подругу. Она тихонько собралась и выскользнула из дома. Пока ехала в метро, потом в электричке, все думала о Светке и ее романтической любви. Мордвинова была скептиком. Она невольно искала скрытые мотивы ухаживаний Максима за ее подругой и не находила. Какой толк, какая выгода? Светка ведь не одинокая женщина с капиталом, за которой не грех приволокнуться. Так, слегка обеспеченная и к тому же замужем. Ладно, Бог с ним, с Максимом. Ну, возможно, влюбился действительно. Это пройдет, а может, уже и прошло, раз появилась подружка. А Светка-то до седых волос так и будет вдохновляться юношами? Ей-то это зачем, если не собирается с ним спать?

Выходит, есть в нашей безумной жизни место и рыцарству, и высоким отношениям, которые не вписываются в нынешние, весьма свободные стандарты... Почему бы не быть? Возможно, окажись на месте подруги другая женщина, поразвязнее и менее щепетильная, она бы воспользовалась ситуацией, чтобы уложить молодого мужчину в постель. Таких примеров сколько угодно, это норма сегодняшней жизни. Многие посмеялись бы над Светкиной нерешительностью: когда само в руки идет, грех не воспользоваться!

Однако есть в недосказанности, незавершенности любви особое очарование. Именно такая любовь рождает высокую поэзию. Она затрагивает в человеке тончайшие струны, пробуждает в нем идеального, духовного человека. С этим не сравнится даже счастливая плотская любовь, потому что ей рано или поздно приходит конец. Высокое же, поэтическое чувство живет в вечности...

Наверное, Светке трудно с этим примириться, она живет сиюсекундным, и ей хочется простого женского счастья, как всем нам... Мысли Мордвиновой перенеслись на Туринского. Как он там пережил ночь? И тут Женя с ужасом вспомнила, что мобильный телефон ее отключен. А что еще хуже: в порыве дружеского сочувствия она забыла предупредить Туринского, что остается ночевать! Вспомнила об этом, когда уже выходила на платформе в Шишкино.

Женя поспешно достала телефон из сумки и включила его. Она испугалась еще больше, увидев пропущенные звонки от Виктора. Оставалось несколько шагов до усадьбы, она не стала перезванивать. Господи, у него больное сердце! Как я могла, как могла забыть?

Мордвинова осторожно поднялась по ступенькам на крыльцо, вошла в дом. Тихо, ни души. С замирающим сердцем Женя заглянула в гостиную, поднялась наверх. Она приблизилась к кабинету, открыла дверь. Никого. Силясь не поддаваться панике, заглянула в комнаты. Никого. Сердце колотилось в страхе. Что, если был приступ и Туринского увезли на скорой? Она прокляла свое легкомыслие, свою забывчивость.

В отчаянии остановилась у окна и увидела Виктора, идущего к дому. Женя опрометью бросилась по лестнице вниз. Она бежала к нему навстречу, будто после долгой разлуки. Виктор Алексеевич увидел ее, и лицо его просветлело.

— Какая ты дура, Женька: не позвонила! — Он крепко обнял ее и прижал к себе. — Я думал, ты меня бросила, ей-богу.

Женя счастливо рассмеялась:

— Ты с ума сошел? Ну, прости, забыла позвонить, а телефон отключила у Светки.

Туринский отстранился и внимательно посмотрел Жене в глаза:

— Знаешь что, подруга, выходи-ка ты за меня замуж, чтобы я больше не сходил с ума, когда ты сбегашь из дома. А, Жень, что скажешь? А то ведь помру однажды...

— Да ты же будешь изменять мне, Витька!

— Я что, по-твоему, Энерджайзер?

Женя ответила долгим, горячим поцелуем, вовсе не похожим на поцелуй сестры милосердия.

Глава 45

Все не просто

Снимали крайний кадр, то есть последний в этой картине. В кино никогда не говорят «последний кадр», «последняя сцена». Это тоже из киношных суеверий и старинных традиций. А то ведь последний может оказаться и впрямь последним. Поэтому лучше «крайний».

На площадке все суетились, спешили. Убедившись, что по костюму все в порядке, Аня пошла в буфет выпить кофе. Снимали в офисе Рената, так что роль буфета выполняла одна из комнаток этой огромной квартиры.

И конечно, столкнулась там с Антоном Васильевым. Тот уже хорошо принял. На укоризненный Анин взгляд он тотчас пробурчал, как двоечник, застуканный за очередной проказой:

— А что, можно! Все уже отсняли!

Он перебрался поближе к Ане, когда она уселась за столик с чашкой кофе и сигаретой.

— Ань, ты на «шапку» завтра пойдешь?

— Пока не знаю. А ты?

— Как ты, так и я, — пьяно кокетничал Васильев. — Заслужили, а, Ань? Полгода как проклятые...

— Заслужили.

Попробовать вытащить Тима на вечеринку? Он никогда и никуда со мной не ходит. Разве это нормально? Дает мне свободу маневра, епрст. Говорит, что ему неинтересно на тусовках, да и время жалко.

— Хорошо, что успели отснять до Нового года, — вслух сказала Аня. — Теперь можно будет отдохнуть.

Антон опрокинул очередную рюмку, закусил бутербродом с колбасой и ответил со вздохом:

— Кому отдыхать, а кому работать. У меня с третьего января новый проект начинается.

— Ну, так это хорошо, когда есть работа! — подбодрила его Аня.

— А я на Карибы хотел махнуть. Да Бог с ними, с Карибами...

В его словах вдруг послышалась такая неизбывная тоска, что Аня подумала: совсем расклеился Васильев. Должно быть, слухи справедливы, и ему несладко живется. Мать недавно умерла, невеста от него отказалась...

— Ну ты, Ань, приезжай завтра, а? Может, больше и не увидимся.

Он махнул рукой и побрел нетвердой походкой к выходу. Аня почувствовала жалость к этому большому, капризному, пьяному, но талантливому человеку.

Вернувшись с работы, Аня вспомнила о диске с фильмом про шпионов. Она так и не посмотрела его, все времени не было. Теперь, когда проект закончился, можно себе позволить поваляться на диване перед экраном хоть целый вечер. Завтра «шапка», потом разобрать костюмер-ку, и все, отдых на неопределенный срок...

Тима дома не было, он закончил монтировать фильм и повез его заказчику. Аня заварила чай, сделала несколько бутербродов и устроилась уютненько на диване, подвинув монитор к себе поближе. Просмотр фильма взволновал только сначала. Сделан он был хорошо, динамично, профессионально. Леша Анкудинов молодец! Аня требовательным оком выискивала ляпы, краснела за свою работу, когда таковые обнаруживались. Но все это было ерундой по сравнению с тем, что пережила она, когда смотрела свой эпизод.

Боже мой, какая я ужасная! Вся деревянная, сутулая, зажатая. Походка тяжелая, скованная. Почему Леша мне ничего не сказал об этом? Нет, больше никогда, никогда не поддамся на уговоры сниматься!

Аня в досаде выключила компьютер и отправилась в кухню курить. Господи, и кому может прийти в голову делать из меня актрису? Это же надо быть совсем слепым!

Настроение окончательно испортилось. Идти завтра на «шапку» или нет? Одной не хочется, а Тим не пойдет. Он никуда со мной не ходит... Наверное, надо было все-таки уехать в Париж.

Пикнул домофон, Аня встрепенулась. Ужина нет, но есть что-то в холодильнике. Она вскочила, чтобы открыть дверь, и взглянула на себя в зеркало. Ну и видок! А, какая разница! Хуже, чем то, что она видела сейчас на экране, уже ничего не может быть.

Тим явился сияющим: заказчики фильм приняли, одобрительно отозвались и деньги заплатили. Аня всегда была уверена, что работа Тима стоит больше: он столько сил вкладывает в нее, ночами просиживает за компьютером, без конца что-то переделывает, шлифует, доводит до совершенства. И нервничает, конечно, не без этого. Ане всегда казалось, что его обманывают с деньгами, а он никогда не возражает. Сколько дают, столько и берет.

Тим внес в кухню пакет с фруктами, йогуртами и вином. Он не спросил ужина, предложил выпить вина за удачу. Пока Аня готовила бокалы, нарезала апельсины и чистила любимый фрукт помело, он освежился в душе и вышел еще более размягченный и умиротворенный. Они выпили кагорчику, закусили цитрусовыми.

Аня вовсе не собиралась ссориться с Тимом, что-то выяснять. Она буднично спросила:

— Ты пойдешь завтра со мной на «шапку»?

Тимофей удивленно поднял брови:

— Зачем? Я же там никого не знаю.

— Это вовсе необязательно. Все приходят с мужьями и женами.

Аня сказала и смутилась: выходит, его она нечаянно причислила к мужьям. Тим помолчал и ответил:

— Я не могу. Взятся делать для актера Выходцева шоурил. Буду всю ночь

работать, и завтра, наверное, тоже.

Аня знала, что к нему часто обращаются с просьбой о шоуриле. Это значило, что он должен представить актера с лучшей стороны: смонтировать фрагменты из фильмов, где снимался этот актер, сделать подборку из фотографий, интервью. Ему легко давалась такая работа, получалось интересно и оригинально. Многие актеры знали это и рекомендовали Тима друзьям. Он не отказывался: тоже неплохой заработок.

В общем, звучало убедительно. Да другого ответа Аня и не ждала, но почему-то обиделась.

— «Шапка» в восемь вечера, ты можешь успеть, — с трудом сохраняя спокойствие, сказала она.

— Аня, я не пойду. И тебе будет свободнее без меня.

Она встала из-за стола и ушла в свою комнату, чтобы не наговорить лишнего. Достала из компьютера диск с фильмом, сунула его на полку. Руки тряслись. Она прилагала недюжинные усилия, чтобы не расплакаться. Господи, зачем все? Зачем мучает, если не хочет быть со мной? Он меня не любит. Зачем тогда мы вместе? Из-за квартиры?

Однако Тим часто говорит (пожалуй, слишком часто), что при малейшем намеке на усталость от него он уйдет жить к приятелю или снимет квартиру. Его тяготит такое положение, когда он ничего не может дать Ане.

Она не заметила, что уже плачет. Раздался тихий стук в дверь. Аня всполошилась, вытерла слезы и ответила:

— Да, входи.

Он открыл дверь, но не вошел. Встал, опершись о косяк. Красивый, вальяжный, такой родной и такой далекий. И почему мы не умеем быть счастливыми, когда все хорошо?..

— Аня, я действительно не могу пойти: мне надо работать, — сказал он, помолчав.

— Я поняла.

Аня отворачивалась, чтобы он не видел ее мокрых глаз. Впрочем, это бесполезно. Он еще там, на кухне, знал, что я плачу. Потому и пришел.

Тим стоял и молчал. Она не выдержала и сорвалась-таки.

— Я не знаю, зачем мы живем вместе! Скажи, тебе это нужно?

Только не плакать! Еще не хватало. Нет, я спокойна.

— Аня, ты напрасно думаешь, что все зря. Мне хорошо и спокойно впервые за много лет. Жаль, что ты этого не чувствуешь. Знаешь, у меня даже головные боли прекратились. Совсем, можешь себе представить?

— Мне кажется, я тебе не нужна...

Слезы предательски полились из глаз. Аня злилась, но ничего не могла с собой поделать.

— Если для тебя все так болезненно, может быть, мне лучше уйти? — спросил Тим.

Опять! Чуть что — уйти! Неужели он так легко может от меня отказаться? А на вопрос не отвечает.

— Да нет, я же не об этом, — Аня глубоко вздохнула. — Я не чувствую, что ты во мне нуждаешься. Ты весь в своей работе, целыми днями занят, не вспоминаешь обо мне. Я не чувствую, что интересна тебе... Мне кажется, нас ничто не связывает больше.

Тим оттолкнулся от косяка и качнулся было в ее сторону, но не подошел.

— Я не хочу ограничивать твою свободу, Аня. Ты ведь умная и самодостаточная, все понимаешь.

Нет, я ничего не понимаю. Моя свобода, нужна ли она мне? Да, я не хочу, чтобы мною манипулировали, как марионеткой. Но... Господи, как же жить?

— Ань, хватит киснуть. Давай лучше хороший фильм смотреть.

Она не смогла вовсе отрешиться от своих сомнений и страхов, но перестала чувствовать себя несчастной, когда они допили кагор и устроились вместе на диване для просмотра французского фильма.

Уже ночью, засыпая на его груди, она пробормотала:

— Ты пойдешь со мной на «шапку»?

— Нет, — незамедлительно ответил Тим.

«Ну до чего упрямый тип!» — подумала Аня и окончательно провалилась в сон.

Глава 46

На грани

Васильев не явился на вечеринку, и Аня вздохнула свободнее. Боялась, что будет опять приставать и ныть. Однако встревожилась: не случилось ли чего. Спросила у ассистента по актерам Ирины:

— Не знаешь, почему Васильева нет?

Ирина пожала плечами:

— Да, наверное, запил опять.

— Дай мне его телефон, — попросила Аня.

Ирина удивилась, но телефон дала.

«Шапку» устроили в довольно престижном клубе. Сняли зал, были только свои. Актеры приготовили программу: Дуня Пыльникова пела песни, участвовала в юмористической сценке, один из второстепенных актеров читал стихи, все танцевали и веселились на полную катушку. Ренат тоже участвовал в программе, и смеху было много. И хотя все изрядно подустали друг от друга за съемочный период, теперь чувствовали даже некоторую грусть оттого, что все кончилось.

Аня отошла в сторонку и набрала номер Васильева. Он долго не отвечал, и тревога усиливалась. Что он наговорил вчера? «Может, не увидимся больше»?

— Алло? — услышала она наконец голос актера.

— Здравствуй, Антон! — сказала Аня.

В трубке слышался шум, смех, грохот, звон.

— Алло! — повторил Васильев пьяным голосом. — Это кто?

— Антон, это Аня, — она поняла, что зря позвонила.

— Кто? — опять проревел в трубку Васильев, и Аня отключилась.

Ну, главное, жив-здоров. У него свое веселье.

Она много пила, потому все было смутно, как в тумане. Безбожно кокетничала с Ренатом, тот подыгрывал охотно. Снова сказал, что доволен работой костюмерного департамента и Аниной работой в частности. Что ж, приятно было слышать.

Аня заказала такси, чтобы не зависеть ни от кого. За ней увязался второй оператор, умоляя ее побыть еще, но она была тверда и непреклонна.

— Меня дома ждут.

А ждут ли? Тим занят работой, корпит над шоурилом, не отрывая глаз от монитора. Ему не до меня. Ах, как я напилась.

Все было, как она и предполагала. Тим кивнул ей, когда она вошла, и только.

Он работал всю ночь. Потом еще день. Аня сидела в своей комнате, читала, рисовала новую картинку. Выходила, только чтобы выпить кофе и покурить. Они встречались в кухне, соображали что-нибудь из еды и снова расходились по своим комнатам.

Идти куда-нибудь одной не хотелось. Даже чтобы ехать к маме и Виктору за город, нужны силы. И возможность ответить на вопрос «Как у вас дела?»: «Все хорошо!»

Эти двое тайком расписались, и Женя постфактум сообщила об этом дочери. Объяснила, что не хотели шумихи: ведь Туринский до сих пор под прицелом желтой прессы, едва успокоившейся после его развода с Анжелочкой. Да и здоровье его требует тишины и покоя. Это сейчас самое главное.

Аня, конечно, радовалась за маму, но ей сделалось так одиноко, что хоть вой. Казалось бы: что изменилось? Ну, поставили штампы в паспорта, да и только. Нет же, теперь Ане казалось, что она уже не имеет на маму тех прав, что имела раньше. И себя почувствовала старой-старой.

Если ничего не изменится в наших отношениях, я уйду от него. Пусть будет больно, трудно, но так тоже невыносимо. Я не нужна ему...

Чтобы не думать о грустном, Аня занялась расчетами. Непонятно, куда уходят деньги. Вроде бы зарабатываю неплохо, но ничего не могу отложить или позволить лишнего. Это тоже от вечной неопределенности. Нельзя рассчитать бюджет, если не знаешь, будет человек есть или не будет. И что надо покупать, чтобы он ел? Может, ему не нравится, как я готовлю, и он стесняется сказать мне об этом? О, мука! Ну что за характер! Нет, женщина не создана для неопределенного и шаткого положения...

Она не продумала эту мысль до конца, потому что в дверь постучал Тим и тотчас вошел.

— Аня, я уеду сейчас. Скажи, ты завтра свободна в четыре часа?

Аня на миг задумалась:

— Да, я, кажется, никуда не собиралась.

— Хорошо, — ответил Тим и ушел.

Весь вечер Аня строила предположения, что же будет завтра в четыре часа. Тревога вновь овладела ею. Тимофей вернулся поздно. Аня сидела с сигаретой в кухне и пыталась читать. Он вошел со своими сигаретами, устроился у окна.

— Аня, я снял квартиру, — после некоторого молчания произнес Тим. — И я хочу, чтобы ты ее посмотрела.

Зачем смотреть? Ну, снял себе квартиру, а я тут при чем? С трудом разомкнула губы:

— Хорошо, посмотрю.

Больше они не возвращались к этому вопросу. Аня ушла спать, но спать не смогла. Поставила себе фильм, смотрела, не понимая, что видит.

Он уходит. Все решилось само собой. Надо радоваться, однако отчего такая тоска? И все сразу: проект закончился, мама замуж вышла, Тим съезжает... Куда мне-то деваться?

Проснулась с тяжелым чувством безысходности. Нет, так нельзя. Надо пойти на танцы, что ли. Заняться чем-то подвижным. По утрам чувствую себя как старуха.

Аня не беспокоила «соседа», он спал или работал, но не показывался до трех часов, пока не нужно было выходить из дома. Они ехали на метро. Аня молчала, Тим заговаривал иногда, но все не по существу. Они приехали на «Юго-Западную». Квартира в новом доме произвела впечатление. Двухкомнатная, светлая. С отличным ремонтом и современной обстановкой. Просторная. Однако и дорогая, наверное. И зачем ему двухкомнатная? Это же только на квартиру придется работать.

— Ну как? — спросил Тим с неуместной улыбкой.

— Потрясающе! — не покривив душой, ответила Аня.

Тимофей просиял еще больше. Он ходил по квартире, по-хозяйски осматривал шкафчики, раздвигал дверцы, трогал стены. Очевидно было, что ему тут очень нравится. Аня почувствовала ноющую боль в сердце. Откуда-то вынырнула мысль: а ведь он не один собирается тут жить! Оттого такой довольный. Кончится эта тягомотина, я не буду больше висеть на его шее непосильным грузом...

Вышли из дома, направились к метро. Аня шла как обреченная на казнь.

— Когда? — спросила она помертвевшими губами.

— Что «когда»?

Хотела сказать: «Когда ты меня оставишь?», но произнесла другое:

— Когда переезд?

— Да хоть завтра! — легкомысленно ответил Тим.

Они вернулись в метро. Ехали, и Аня смотрела на Тима прощальным взглядом. Она видела перед собой уже чужого человека, но этот человек был ее неотъемлемой частью. Как же жить-то я буду? Она отвернулась к темному окну, сморгнула незаметно. Не доехав до нужной станции, Тим вдруг выдернул ее из вагона.

— Мы куда? — растерянно спросила Аня.

— Сейчас узнаешь, — ответил Тим и потащил ее за собой наверх.

Они пришли к какому-то невзрачному зданию семидесятых годов со стеклянной дверью. Аня оторопела, когда увидела у двери вывеску районного ЗАГСа. Она ничего не понимала. Тим взял ее за руку и повел за собой.

— Сиди здесь! — скомандовал он, подталкивая Аню к одному из стульев, которые окружали овальный пластиковый стол, сам же скрылся за дверью.

Аня не успела осмыслить происходящее, так скоро он вернулся с какими-то бланками.

— Давай паспорт!

Она послушно подала ему документ. Тим быстро писал что-то в бланках.

— Подпишись! — протянул ей ручку.

Аня опять подчинилась, удивляясь сама себе. Закончив писать, Тим опять исчез за дверью. На этот раз задержался дольше. Когда он вышел, Аня уже взяла себя в руки.

— Что это было? — спросила она на улице.

— Это мы подали заявления на бракосочетание.

— Но почему ты даже не спросил меня, хочу ли я этого? — Нервы сдали, и Аня вскипела. — Согласна ли я? Нужно ли мне это? Тебе что, все равно?

Тим помолчал немного и ответил:

— Мне не все равно, Аня. Но я давно уже понял, что не всегда можно слушать то, что говорит женщина. Она часто не знает сама, чего хочет. И свобода тут ни при чем.

— Это неправда!

— У тебя есть немного времени, чтобы подумать. Принуждать я, конечно, не стану.

Голос его звучал твердо.

— Но для чего? — снова задала она глупый вопрос.

Однако Тим понял и спокойно ответил:

— Я не верю в брак, потому что не видел положительных примеров, но сейчас мне кажется, что нам с тобой необходимо именно это. Так надо. Это поставит все на места.

— Ну, а квартиру-то зачем снимать? — недоумевала Аня. — Нам же есть где жить.

Тим остановился и внимательно посмотрел ей в глаза.

— Это будет наш дом, пока не появится свой. А Женя должна знать, что у нее есть куда вернуться.

Аня вдруг ткнулась носом в его куртку и произнесла немыслимое:

— Держи меня крепче, пожалуйста...

Глава 47 С НОВЫМ ГОДОМ!

Елку нарядили прямо на улице, на участке. Туринский с утра обвязался фартуком и колдовал на кухне, собираясь поразить гостей своими кулинарными шедеврами. Женя ограничила сферу деятельности изобретением салатов. К ночи они ждали гостей: супружескую пару Мироновых, старых питерских друзей, которые вернулись из-за границы, Светку с Толиком и Аню с Тимом. Могли внезапно подъехать ребята из команды Туринского. Это было непредсказуемо, так что готовились основательно.

Сразу после Рождества запускался фильм под рабочим названием «Рыцарь России». Сценарий утвержден, бюджет рассчитан, деньги выделены. Предстояла серьезная работа. Аня должна привезти эскизы костюмов, которые будут шиться в мастерских «Мосфильма» специально для этой картины.

Весь вечер накануне они дурачились, придумывали, чем украсить елку: игрушек в доме не нашлось, а ехать покупать было уже некогда. Туринский предложил развесить на елке Женины трусики и лифчики, за что получил «охальника».

Мордвинова забрала из кабинета режиссера мелкие сувениры, оставшиеся еще от старого хозяина дачи, писателя-деревенщика. Из своей комнаты принесла всякие милые безделушки. Ни бумажные снежинки, ни вата не понадобились: на лапах ели лежал настоящий снег и переливался мириадами искринок. Это было лучшее украшение. На макушку с трудом водрузили перевернутую вазочку странной формы, Ее и при большой фантазии сложно было принять за рождественскую звезду.

Потом носились вокруг елки и кидались снежками, пока Туринский, коварно пользуясь силовым преимуществом, не поверг Женю в огромный сугроб.

— Я подам в суд за оскорбление человеческого достоинства! — отплевываюсь и хохоча, крикнула Женя.

— А я еще раз оскорблю и еще, — угрожал Туринский, навалившись на нее всем телом и целуя куда придется.

Возня завершилась уже в доме с вопиющей победой сильного над слабым. Потом они притихли и лежали обнявшись, слушали, как шуршит снег за окном, наметая новые сугробы.

— Женька, представь, что мы уже умерли и пребываем где-то в иных мирах. Ты бы так хотела? — сказал Туринский.

— Да, — ответила Женя, целуя его в седой висок. — Я уверена, что так оно и будет...

Все уже было готово: в гостиной раздвинут и накрыт большой обеденный стол, напитки расставлены на маленьком столике, камин разожжен, у дверей застыли два приглашенных официанта. Женя приделалась в новое вечернее платье, волосы убрала наверх. На ногах ее были чудесные итальянские туфельки. Когда она спустилась в гостиную, была награждена восхищенным взором мужа. Сам Туринский был весьма элегантен в темном пиджаке и белоснежной рубашке с расстегнутым воротом.

Настенные часы с маятником пробили одиннадцать раз, когда Туринский открыл ворота, впуская одну за другой машины гостей. Первой приехала Светка с супругом, за ней на такси Аня и Тим. Мироновы прибыли сразу после двух машин с внезапными гостями — ребятами из съемочной группы будущего фильма. Дом наполнился шумом, смехом, блеском нарядов и драгоценностей, хлопаньем пробок от шампанского: провожали старый год.

Аня впервые приехала сюда с Тимом. Она подвела его к Туринскому и представила. Тим давно мечтал познакомиться с режиссером.

— У меня столько идей! — говорил он Ане.

— Ну, а вы знакомы, в общем-то, — сказала она маме.

Мордвинова с новым интересом рассматривала молодого мужчину, похитившего сердце ее дочери. Она мало обращала на него внимания во время съемок, поэтому почти забыла, как он выглядит. Ну что ж, Аню можно понять. И тянет же нас на таких неординарных, странных, красивых мужчин...

Давно уже она оставила мысли уговорить дочь создать нормальную семью, но, глядя на Тима, Женя невольно подумала: «Какие красивые дети могли бы родиться у них!»

Туринский первым делом спросил:

— Ань, где твои эскизы? Я посмотрел то, что ты прислала по почте, но хочется в натуре увидеть.

— Я их привезла, покажу обязательно.

Туринский без предисловий обратился к Тиму как к своему:

— Выбирай: вторым оператором или гафером пойдешь на картину? Это пока.

Будучи генеральным продюсером, он сам решал множество организационных вопросов.

Тимофей растерянно молчал. Аня ответила за него:

— Вить, ты послушай его музыку, может, тебе пригодится?

— Музыку? — удивился режиссер.

— Я готов и гафером, и вторым оператором, и каскадером, — заговорил

Тим, и в его глазах блеснул азартный огонек.

— Только не каскадером! — воскликнула Аня. — Тим может монтировать и фильм о фильме сделать.

— Вот что, ребята, — заторопился Туринский, взглянув на часы. — Мы поговорим еще обо всем в другой обстановке. Не уезжайте сразу после праздника!

За столом уже пили за успех будущего фильма. Оператор говорил, поднимая рюмку:

— Виктор Алексеевич, сделаем хорошее, интересное кино, а главное — красивое!

Это был бессменный оператор Туринского, еще не старый, но тоже прославленный и осыпанный мыслимыми и немислимыми кинопремиями.

— За это и выпьем!

Его бурно поддержали.

Мордвинова села рядом со Светкой, которая по случаю праздника нарядилась в подаренный Женей костюм и была хороша как никогда.

— Жень, ты выглядишь сногшибательно! — первым делом отметила подруга. — Двадцать лет как не бывало!

— Да и ты прекрасна, душа моя, — улыбнулась Мордвинова. — Следуешь моим советам?

— Следую, Жень, — просияла Светка и невольно оглянулась на Толика, который меланхолично жевал что-то из закусок. — Слушай, как тут у тебя интересно! Такие люди все известные.

Толик, кажется, не прислушивался, и Светка склонилась поближе к подруге.

— Жень, он не привел знакомиться жену, и вообще о подружке речи нет! — И она рассказала: — Я перестала страдать по твоему совету, отпустила его внутренне, и сразу все как-то вернулось...

Она опасно покосилась на Толика, но за столом стоял такой шум, что вполне можно было не шептать.

— Мы поговорили с ним — в курилке, весело (без тебя бы я так не смогла), и выяснилось, что нет никакой подружки, он по-прежнему один. И знаешь, смотрит так тоскливо, вопросительно, будто ждет от меня чего-то...

— Вот пусть так все и остается! — заключила Женя.

— Но жалко же его! — кокетливо промурлыкала Светка.

— Ничего, большой мальчик, справится. Или научится поступать по-мужски. В любом случае ему полезно. Кстати, как он Новый год встречает?

— Уехал к родителям на неделю.

Стенные часы стали бить полночь. За столом возникла веселая суматоха, мужчины разливали шампанское, все вскочили с мест, стали считать:

— Семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать! Ур-ра-а!

Женя смотрела на близких любимых людей и думала: бывает чересчур много счастья? Мне так хорошо, что, пожалуй, и нечего больше желать. Явись сейчас фея с волшебной палочкой, я бы только затылок чесала. Нечего желать кроме здоровья моему любимому супругу, долгих лет ему и мне, чтобы успели «поднять качественно уровень отечественного кинематографа». Я напишу еще сценарий и еще. Мы будем все вместе работать, всегда вместе.

За столом говорили как раз о сценарии. Автору прочили фестивальную награду, шутя завидовали, сравнивали с хорошей литературой. Пили за Женин

талант, а она ворчала:

— Подхалимы! Жулье!

Да, это мой дебют, между тем думала она, краснея от удовольствия. Я сама не ожидала, что у меня что-то выйдет. Конечно, все это благодаря Туринскому, без него я ничто. И у Анечки теперь интересное дело, тоже дебют в качестве художника по костюмам. А то она бы долго еще не решилась шагнуть вперед.

Женя подошла к мужу и поцеловала его на глазах у всех. Шепнула:

— Туринский, я люблю тебя.

Он вдруг сделался серьезным, и в самых родных на свете глазах блеснули слезы. Он ответил также шепотом:

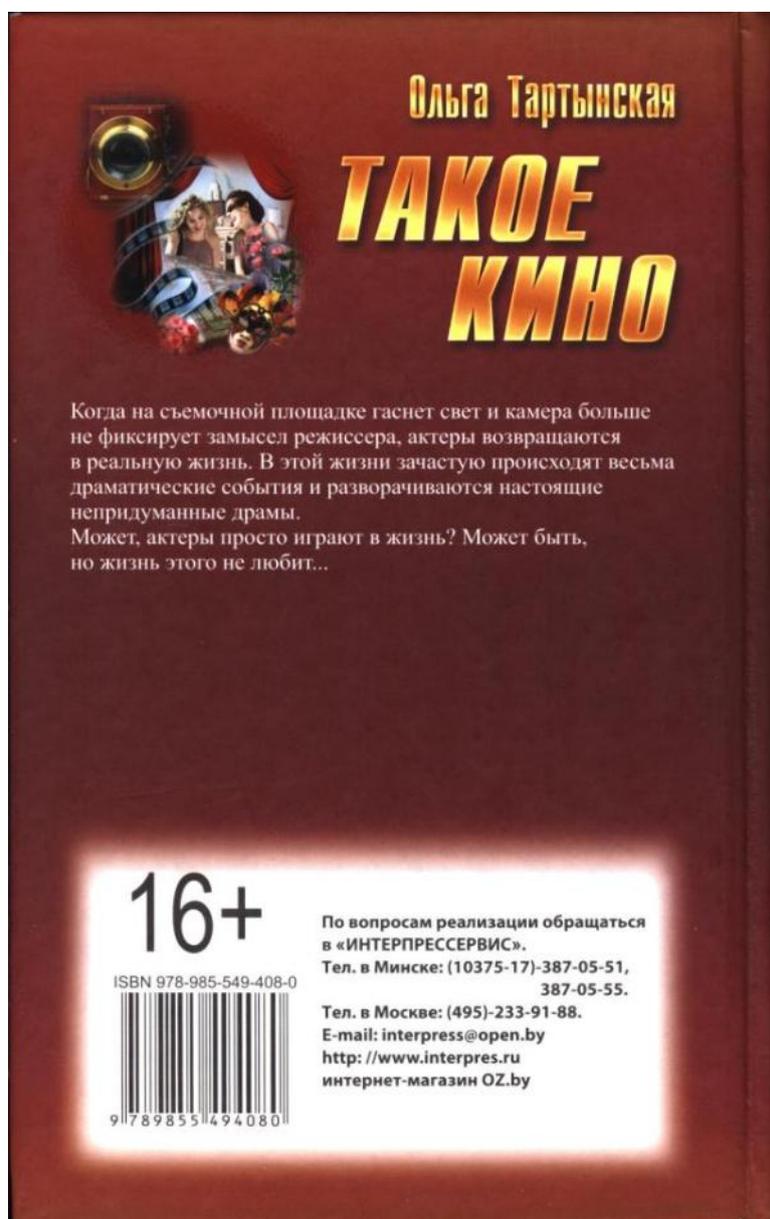
— Веришь, выяснилось, что я тоже тебя люблю.

Аня пила шампанское и с улыбкой наблюдала за ними. Все-таки от судьбы не уйдешь! Бегал, бегал Туринский полжизни, а вернулся снова к Жене. Кому как не им быть счастливыми? Она перевела взгляд на Тима. Тот просто лучился интересом и удовольствием. Слушал матерых киношников, вступал в спор, горел идеями, уже о чем-то договаривался. Он талантливый, умный, многое может. Теперь перед нами откроется целый мир... Мы оба стоим на пороге удивительной жизни, действительно новой для нас. И нам придется многому научиться, а прежде всего слову «мы»...

Аня нарочито громко постучала по рюмке, привлекая внимание присутствующих. Когда все умолкли и с интересом воззрились на нее, она вопросительно взглянула на Тима. Тот едва заметно кивнул, и Аня громко произнесла:

— Помимо Нового года у нас есть еще один повод для праздника. Сегодня, или нет, уже вчера, мы с Тимом расписались!

Посыпались поздравления, удивленные возгласы, но для Ани дороже всего была та радость, что плеснулась в глазах мамы. Они заговорщически переглянулись и рассмеялись. Что ж, жизнь прекрасна!

Ольга Тартынская ТАКОЕ КИНО

Когда на съемочной площадке гаснет свет и камера больше не фиксирует замысел режиссера, актеры возвращаются в реальную жизнь. В этой жизни зачастую происходят весьма драматические события и разворачиваются настоящие непридуманные драмы.

Может, актеры просто играют в жизнь? Может быть, но жизнь этого не любит...

16+

По вопросам реализации обращаться в «ИНТЕРПРЕССЕРВИС».

Тел. в Минске: (10375-17)-387-05-51, 387-05-55.

Тел. в Москве: (495)-233-91-88.

E-mail: interpress@open.by

<http://www.interpres.ru>

интернет-магазин OZ.by

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.